

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ПРАКТИКУМ**

ПРАКТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРОЛОГИЯ

- **С ЭЛЕМЕНТАМИ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ
И УПРАВЛЕНИЯ ПОВЕДЕНИЕМ**
- **МЕТОДИКА "СЕМЬ РАДИКАЛОВ"**
- **Виктор Пономаренко**

Пономаренко В.В. Практическая характерология с элементами прогнозирования и управления поведением (методика «семь радикалов») / В.В. Пономаренко. — Ростов н/Д : Феникс, 2006. — 252 с. — (Психологический практикум).

Книга представляет собой психологическое исследование (диагностику) основных групп человеческих качеств в структуре реального характера. Автор предлагает методику «семь радикалов», ставшую результатом преломления общепринятой теории характера через собственный профессиональный опыт. Представлены семь основных человеческих радикалов — истероидный, эпилептоидный, паранояльный, эмотивный, шизоидный, гипертимный и тревожный. Каждый из этих радикалов рассматривается по схеме: общая характеристика, внешний вид, качества поведения, управление поведением и особенности построения коммуникации.

Книга предназначена для специалистов, работающих с людьми: психологов, врачей, учителей, специалистов в области управления человеческими ресурсами, а также для всех, кто интересуется прикладной психологией

Оглавление

Предисловие.....	6
От автора.....	9
Глава 1.....	13
Введение.....	13
Вопросы и задания.....	33
Глава 2.....	34
Истероидный радикал.....	34
Общая характеристика.....	36
Внешний вид.....	42
Качества поведения.....	50
Задачи.....	54
Особенности построения коммуникации.....	57
Вопросы и задания.....	59
Глава 3.....	61
Эпилептоидный радикал.....	61
Общая характеристика.....	62
Внешний вид.....	68
Качества поведения.....	76
Задачи.....	84
Особенности построения коммуникации.....	87
Вопросы и задания.....	90
Глава 4.....	91
Паранояльный радикал.....	91

Общая характеристика.....	92
Внешний вид.....	97
Качества поведения.....	102
Задачи.....	107
Особенности построения коммуникации.....	109
Вопросы и задания.....	111
Глава 5.....	112
Эмотивный радикал.....	112
Общая характеристика.....	113
Внешний вид.....	119
Качества поведения.....	121
Задачи.....	125
Особенности построения коммуникации.....	127
Вопросы и задания.....	128
Глава 6.....	129
Шизоидный радикал.....	129
Общая характеристика.....	130
Внешний вид.....	140
Качества поведения.....	148
Задачи.....	152
Особенности построения коммуникации.....	155
Вопросы и задания.....	156
Глава 7.....	157
Гипертимный радикал.....	157
Общая характеристика.....	157

Внешний вид.....	159
Качества поведения.....	166
Задачи.....	170
Особенности построения коммуникации.....	171
Вопросы и задания.....	173
Глава 8.....	173
Тревожный радикал.....	173
Общая характеристика.....	174
Внешний вид.....	176
Качества поведения.....	181
Задачи.....	184
Особенности построения коммуникации.....	185
Вопросы и задания.....	189
Глава 9.....	190
Психологический профиль.....	190
Вопросы и задания.....	207
Глава 10.....	207
Психологический портрет.....	207
Вопросы и задания.....	226
Об авторе.....	227

Предисловие.

Не скрою, приятно, что глубокоуважаемый мной автор данной работы Виктор Викторович Пономаренко доверил мне написание предисловия к своему детищу, родившемуся как итог непростой профессиональной деятельности в области медико-психологической экспертизы за долгие годы его напряженной работы, зачастую связанной с риском для жизни.

Предлагаемая работа автора — логическое продолжение научно-прикладных исследований в области характерологии, крайне важного и актуального в условиях современности направления психологической науки.

Сегодня существуют подходы известных и не очень известных исследователей относительно классификации характеров. Такие подходы строились по различным основаниям: анализа этических принципов (Платон, Теофаст), описания способностей человека (Галль), анализа тела и генеалогии (Ф. Джордано), исследования строения тела (Э. Кречмер, У. Шелдон), описания чувств и стремлений человека (Ф. Полан, Н. Лосский), рассмотрения влияния социокультурной среды (Э. Фромм, Д. Хониг-ман, В.С. Братусь), доминирующих импульсов-влечений личности (З. Фрейд), анализа функциональной направленности личности (К. Юнг) и др.

В то же время, известный отечественный психолог и ученый Д.Я. Райгородский не без оснований отмечает, что «отечественной психологии с проблемой характера не повезло». Единственная фундаментальная работа — «Вопросы психологии характера» Н.Д. Левитова, вышедшая в 1956 году, а затем переиздававшаяся несколькими изданиями до 1969 года под названием «Психология характера». Надо сказать, что исследовательская работа в данном направлении имела как многочисленных предшественников, которые в той или иной мере занимались проблемой характера, так и последователей. В их числе известные ученые, Б.Г. Ананьев, А.Г. Асмолов, Е.А. Климов, А.Ф. Лазурский, К.К. Платонов, СЛ. Рубинштейн и другие, рассматривавшие характер как «содержательный и общественно значимый компонент личности».

Вместе с тем, в отечественной науке существуют исследования, в которых реализована попытка рассматривать характеры людей через призму так называемых «дисгармоний» (П.Б. Ганнушкин, А.Е. Личко). В связи с этим П.Б. Ганнушкин отмечает: «Когда говорят о наличии у кого-либо того или другого определенного характера, того или другого темперамента, то ведь тем самым, конечно, указывают на известную однобокость его психической организации, тем самым дают понять о наличии в сфере его психики известной дисгармонии, об отсутствии равновесия во взаимоотношении отдельных сторон его душевной деятельности».

Подходы авторов рассматривать характеры людей через призму дисгармоний психики приводят к пониманию идеальной личности как лишенной характера, гибкой в поведении и жизнедеятельности и управляемой внешними условиями, соотношенными с потребностной структурой. К сожалению или к счастью, таковое невозможно. Человек наделен сознанием, оперирует сформированными на основе существующей психической структуры принципами, правилами и нормами, определяющими его жизнедеятельность и проявляющимися в ней.

А значит, человек обречен быть носителем характера, обречен быть в какой-то степени дисгармоничным, наделенным определенными признаками. При этом, как отмечается в работах П.Б. Ганнушкина и А.И. Личко, описание так называемых «нормальных людей» — носителей дисгармоний «до мелочей совпадает с описанием психопатических личностей, взятым из клинической практики». Правильное понимание характеров, говоря словами П.Б. Ганнушкина, «...стало возможным только с тех пор, когда в основу этого понимания была положена психиатрическая точка зрения».

Именно эту позицию занимает в предлагаемой вниманию читателя работе врач-психиатр, психолог В.В. Пономаренко, рассматривая личность с позиции так называемых «личностных клинических радикалов», под которыми понимаются автором самостоятельные группы качеств в структуре реального характера, однородные по происхождению, т. е. в основе которых лежат одни и те же «внутренние условия», подобные корневой структуре. Отсюда и определение автора, данное названным группам качеств, — радикалы (от лат. radix — корень).

Работа В.В. Пономаренко ориентирована на специалистов, работающих с людьми и во имя людей: психологов, врачей, учителей, специалистов в области управления человеческими ресурсами, на всех тех, кто обязан быть психологом по сути своей профессиональной деятельности.

Заслугой автора является попытка рассмотрения сложной проблемы доступно для понимания теми, кто не имеет специальной подготовки в области психиатрии или клинической психологии. Попытки проведения анализа «читабельности» рукописи данной работы, как способности понимать, быть вовлеченным и заинтересованным в процессе чтения, позволяют сделать однозначный вывод: работа необходима, своевременна, вызовет живой интерес представителей различных возрастных групп и профессий.

При этом очевиден высокий уровень научности предлагаемых материалов, осмысленных и подготовленных для издания человеком, достигшим высокого уровня профессионализма.

О несомненном таланте автора как писателя и ученого-исследователя говорит его способность рассуждать о сложном доступно и понятно для читателя.

Дабы не злоупотреблять вниманием читателя и не отнимать время, которое с пользой может быть применимо к чтению столь интересной работы, остается только пожелать ей доброго пути, принятия, многократных изданий и разумной критики коллег-ученых, сознающих всю сложность выбранного направления исследования и анализа.

Князев А.М. — психолог, кандидат педагогических наук, докторант Российской академии государственной службы при Президенте РФ, руководитель психологической лаборатории.

От автора

По мере того, как в человеческом обществе растет потребность ценить и беречь имеющиеся ресурсы (а как иначе, если нас, людей, все больше, а их, ресурсов, все меньше?), психология перестает быть наукой о душе — захватывающей, но несколько отвлеченной дисциплиной — и превращается в науку о закономерностях поведения. Психология сегодня ищет (и находит!) средства и способы управлять поведением человека для достижения максимальных результатов в его деятельности, в общении, в саморазвитии. А ведь в этом заинтересованы все без исключения.

Рациональное поведение человека в окружающей его социальной среде невозможно без достаточно высокого уровня психологической компетентности.

Никого не удивляет, что для эффективного использования любого механизма, например персонального компьютера или автомобиля, необходимо как минимум разбираться в принципах, владеть элементарными технологиями сопровождения его работы. Никто разумный не прикоснется к клавиатуре, не сядет за руль, не прочитав хотя бы брошюры из цикла «для чайников», не взяв начальных уроков мастерства. Судя по всему, механизмы мы ценим больше, чем людей, с которыми нередко позволяем себе обращаться как бог на душу положит.

Между тем психологические ресурсы каждого человека определены и ограничены, а поведение подчиняется закономерностям столь же строгим, как и все иные естественные законы. Только зная объемы и качество этих ресурсов, характер этих закономерностей, можно построить осознанное, результативное управление поведением других людей, да и своим собственным.

К сожалению, мы плохо знаем себя и еще меньше — других. Желая извлечь пользу из взаимодействия, усилить радость общения, мы полагаемся часто лишь на интуитивное представление о нашем партнере (или партнерах) по той или иной социальной группе. Мы легко создаем в своем воображении иллюзорный образ небезразличного нам человека и ориентируемся при построении взаимоотношений на эту иллюзию. И как же глубоко бывает наше разочарование, когда она разбивается о реальность, «не оправдывает надежд»...

Не надеяться бы нужно, а знать! Когда мы видим маленький, изящный, как лаковая миниатюра, автомобиль, прекрасно приспособленный для поездок по городским улицам, нам не приходит в голову, что неплохо было бы с его помощью вытащить из болота застрявший там тягач. И даже мысль о перевозке на

этом чуде техники и дизайна небольшого количества цемента и кирпичей для постройки дачи кажется нам кощунственной. Ведь для этого есть другие, более подходящие транспортные средства.

Увы, вновь приходится констатировать, что в неживой природе мы разбираемся лучше, чем в людях. По нашему глубокому убеждению, с бытовыми и производственными задачами, какими бы они ни были, обязан справляться

любой. «Я же смог, и он — смог. Почему же ты не можешь?» — с искренним возмущением спрашиваем мы нередко у наших близких, коллег, партнеров. В правильном ответе на это «почему?» заключено многое: высокое качество жизни, успех, общественное признание, профилактика социальных кризисов и конфликтов.

Если перевести сказанное на современный технологический язык — речь идет о том, что люди, как правило, пытаются ставить перед собой и окружающими цели без тщательного, объективного анализа ресурсной базы, обрекая всех участников процесса на заведомый неуспех (или, в лучшем случае, на большие затраты, несоизмеренные полученному результату). Не в этом ли причина того, что мы так трудно живем!

Где же выход? — Он очевиден. Следует научиться разбираться в людях. Этого требует современность. Это необходимая составляющая культуры.

То, что человек астенического телосложения не справится со штангой весом в четверть тонны, даже если его долго обучать технике подъема тяжестей, и после ряда неудачных попыток возненавидит этот спортивный снаряд, нам, худо-бедно, понятно. Теперь нужно уяснить, например, что человек с сильной нервной системой, подвижной психикой не сможет качественно подготовить бухгалтерский отчет или тщательно проверять документы у всех входящих-выходящих.

Что обладатель яркой, броской внешности не станет долго хранить корпоративную тайну, а постарается всеми правдами и

неправдами вынести ее на публичное обсуждение. Что целеустремленность и склонность брать на себя ответственность являются врожденными (хотя, разумеется, и усиливаются воспитанием), и что общественная полезность этих качеств далеко не безусловна и т. д. и т. п.

Поиском ответа на вышеупомянутое принципиальное «почему?» научная психология занимается давно. Однако накопленных фактов и найденных закономерностей, по-видимому, пока недостаточно для создания единого универсального знания, охватывающего все аспекты человеческого поведения.

Отсутствие единства в теории, тем не менее, вовсе не обезоруживает практику. Активно развивается практическая психология — систематизированный опыт применения одной или нескольких методик, позволяющих решить широкий круг задач по распознаванию и эффективному использованию человеческих ресурсов. Проблема заключается лишь в реальной ценности (т. е. результативности) подобных методик.

Точное, объективное, имеющее практическую ценность знание о регуляторах поведения человека — большая редкость в сегодняшнем океане весьма неравноценной психологической информации.

Автору повезло, поскольку на его долю выпала желанная для любого профессионала удача: решать задачи повышенной сложности, часто — уникальные, как рутинные, составляющие повседневную практику.

В кругу подобных решенных автором задач, например, успешно проведенные специальные психологические экспертизы в ходе расследований противоправных действий.*

** В т. ч. совершенных в отношении журналистов Д. Холодова, В. Листьева, группы тележурналистки Е. Масюк в Чечне, а также серийных преступлений в лесопарке «Лосиный остров», терактов в московском метро, в культурном центре на Дубровке и др. В этих и других случаях автор работал в качестве эксперта над созданием социально-психологических портретов преступников, занимался оценкой их психического состояния, прогнозированием поведения и т. д.*

Такая работа, поверьте, требует не только филигранной психологической техники, но и интеллектуальных «прорывов» в ранее неведомое, совершенствования имеющихся и разработки новых, более объективных подходов к диагностике, прогнозированию и управлению поведением людей.

Предлагаемая вашему вниманию книга обобщает представления автора о природе человеческих поступков и, хочется надеяться, послужит неплохим подспорьем тому, кто поставил перед собой задачу научиться понимать людей.

Автору повезло, но повезло ли читателю, вознамерившемуся прочесть этот материал, — покажет время.

С самыми добрыми пожеланиями, Виктор Пономаренко.

Глава 1

Введение

Уважаемые коллеги! Ибо отныне, не знаю, обрадует вас это или огорчит, мы коллеги, т. е. люди, сплоченные общим делом — изучением закономерностей поведения человека.

Трудно представить себе знание более важное и полезное для каждого из нас, живущих на этой планете, чем знание о природе наших поступков. Почему мы ведем себя так, а не как-либо иначе? Почему из множества вариантов достижения цели или форм реагирования на внешние и внутренние воздействия мы выбираем именно те, которые выбираем?

Почему люди, воспитанные примерно в равных (а порой — практически идентичных) социальных условиях, поступают в

близких по содержанию, аналогичных жизненных ситуациях по-разному, подчас — принципиально по-разному?

В ответах на эти вопросы залог нашего объективного отношения к миру людей. К нашим близким: родственникам, друзьям, единомышленникам; сослуживцам: руководителям, подчиненным, кандидатам на должности тех и других; к деятелям политики и культуры, к чиновникам, исполняющим нелегкие служебные обязанности, к потребителям произведенных нами продуктов — предметов, услуг, идей et cetera. И, самое главное, в этом залог нашего непредвзятого отношения к самим себе.

Вы спрашиваете: а разве это возможно — непредвзято относиться к самому себе? Ответ: не только возможно, но и должно! Поскольку ничто так не вредит формированию и полноценной реализации личности, как самообман — ложное, иллюзорное представление о собственном потенциале, особенностях приспособительного (адаптивного) поведения, социальном предназначении.

Вопрос: а если в процессе объективного самопознания мы узнаем нечто такое, что не только не повысит, а наоборот, существенно понизит нашу самооценку, породит пессимистическое отношение к собственным перспективам, заставит, не приведи бог, возненавидеть самих себя?

Ответ: чепуха!

Психика человека, который здоров: т. е. хорошо себя чувствует, способен продуктивно трудиться, не мешает жить большинству окружающих, — это, в определенном смысле, набор инструментов для решения широкого круга задач по обеспечению выживания, развития и размножения.

У каждого из нас (а мы, хочется думать, здоровые люди) этот набор индивидуален. И каждый инструмент, входящий в наши индивидуальные наборы, выдержал суровое испытание миллионами лет эволюции, закалился в горниле естественного и искусственного отбора.

Можете в нем — этом инструменте — не сомневаться. Он доказал свою полезность, и природа в союзе с обществом сохранила его, передавая из поколения в поколение. Так что, коллеги, не существует «плохих» качеств психики.

Следовательно, нет повода для пессимизма и снижения самооценки! Не существует качеств — однозначных достоинств и недостатков. Любое из них становится достоинством, если используется по назначению, соответственно (адекватно) сложившейся ситуации.

Точно так же любое качество, обнаружившее себя не к месту, зачастую не по вине его обладателя, превращается в недостаток.

Это общее правило. Так, микроскоп — хороший оптический прибор, но плохое подспорье для забивания гвоздей... Однако, друзья, довольно вопросов! Теперь вопрос вам. Как вы думаете, кто на нашей планете является носителем (обладателем) разума?

Только не спрашивайте автора, что такое «разум». Иначе придется утомить вас рассуждениями о способности субъекта создавать в своем внутреннем психическом пространстве модель внешнего, объективно существующего мира. И не просто моделировать то, что воспринимается непосредственно, в режиме, так сказать, реального времени. Но и воссоздавать прошедшее, и прогнозировать будущее этого мира. Кроме того, в понятие «разум» принято вкладывать также способность субъекта управлять собственным поведением, сообразуясь с вышеуказанной моделью, и, конечно же, активно преобразовывать предметный мир с целью создания наилучших условий для адаптации... Словом, что-то в этом роде. Надеюсь, несмотря на некоторую расплывчатость этих объяснений, мы все понимаем, о чем идет речь.

Итак, кто же он — носитель разума? Правильный ответ: человек. Прекрасно!

Вопрос номер два: откуда в человеке берется разум? Что является его источником? Подсказываю: «чело...». Что вы

говорите? «...век»? — Нет. Правильный ответ: человечество, человеческое общество, социум.

Со школьной скамьи всем хорошо известен т. н. «феномен Маугли». История, действительно, знает несколько случаев, когда «человеческий детеныш», волею судеб разлученный с родителями, попадал в стаю животных, а потом вновь возвращался к людям. Но не исполненным мудрости и благородства мускулистым красавцем — царем джунглей, как это изобразил романтичный Киплинг, а жалким, затравленным, агрессивным существом, издающим немелодичные звуки. Все старания психологов, педагогов (а, надо полагать, это были далеко не худшие представители своих профессий) не помогли вернуть этим созданиям полноценный человеческий облик!

Вот характерный пример: одного из таких детей, затратив титанические усилия, научили, с горем пополам, пользоваться ложкой и вилок, усадили за стол и поставили перед ним — голодным, как волчонок, — тарелку с аппетитно пахнущим мясом... И что же? — Он не притронулся к еде. Только когда наблюдавшие за ним люди вышли в соседнюю комнату, он юркнул вниз и стал оттуда, из-под стола, как зверек, воровать куски с тарелки. Жалкое зрелище! Даже простые стереотипы социального поведения оказывались недоступными таким детям, что говорить о человеческом сознании — мышлении, высших эмоциях, речи, которые у них никогда уже не развивались.

Менее экзотическое название этого феномена — «педагогическая запущенность». Когда ребенок растет хоть и не в лесу, но в примитивном социальном окружении, его поведение мало чем отличается от поведения олигофрена (человека, страдающего врожденным слабоумием, вызванным повреждением мозга), что свидетельствует об одинаковой недоразвитости психики и у того, и у другого.

Все это убедительно доказывает, что, несмотря на набор генов, определяющих принадлежность субъекта к биологическому

виду Homo sapiens (Человек разумный), разум в нем отнюдь не самозарождается. Человеческая генетика, таким образом, — необходимое, но не достаточное условие превращения человека в носителя разума, в разумное существо. Решающая роль здесь принадлежит обучающему, воспитательному воздействию со стороны социума. Древние говорили по этому поводу, что человек приходит в мир, будучи *tabula rasa* (чистой доской). Надписи на этой доске, определяющие содержание его психической жизни, делает человечество.

В современной науке бытует понятие «личность». При всем многообразии его определений, это понятие раскрывает сущность человека как объекта (формирующегося под воздействием) и одновременно субъекта (деятеля, творца) общества, общественных отношений.

Процесс формирования личности под воздействием общества, приобретение человеком разнообразных знаний, навыков, умений и, в результате, его интеграция в систему общественных связей и отношений называется социализацией.

Итак, уважаемые коллеги, выходит, что не столько человек, сколько социум как единое целое является разумным существом, населяющим Землю. Как тут не вспомнить созданный воображением писателя-фантаста мыслящий и чувствующий Океан на далекой планете (С. Лем «Со-лярис»)! Впечатляющий, проникновенный образ... Но незачем далеко ходить, точнее, летать! Разумный Океан — это мы с вами. Люди. Земляне... Каждый человек — капля этого Океана. Его неотъемлемая частица. Мы не существуем без него, он — без нас...

Впрочем, все это общеизвестно. Интересно другое. Если разумное начало и формирующееся на его основе содержание нашей психики мы черпаем из окружающей нас социальной среды, то почему мы так отличаемся друг от друга? Среда-то ведь для многих из нас одна. Почему дети, сидящие в школе за одной

партой, обучаемые педагогами по одной и той же методике, по одной и той же программе, так не похожи один на другого?

Прежде чем дать ответ на этот важнейший вопрос, посмотрим, как происходит формирование личности. Самой наглядной, хотя, разумеется, упрощенной аналогией, которую можно использовать для пояснения этого процесса, будет посещение магазина... скажем, одежды. Представьте себе человека, решившего приодеться. Даже если он задумал полностью — от носков до шляпы — укомплектовать свой гардероб, все равно всего, что есть в магазине, ему не скупить. Он выберет только то, что ему по вкусу, по размеру, по фигуре, по карману. Словом, он выберет одежду, соответствующую его возможностям. Нечто подобное происходит и в процессе социализации.

Должен заметить по ходу дела, что информация, накопленная социумом за многие тысячелетия его эволюции, существует и передается из поколения в поколение, в основном, в виде относительно устойчивых форм, наполненных конкретным содержанием — в виде стереотипов, повторяемых технологий решения поведенческих задач.

Взгляните повнимательнее, коллеги, и вы увидите, что наши с вами знания, навыки, умения, взгляды, оценки, пристрастия и т. д. — есть некий набор стереотипов.

Мы оформляем свою внешность, укрепляем здоровье, отдаем дань санитарии и гигиене, решаем широчайший круг профессиональных задач, знакомимся с окружающими, принимаем пищу, высказываем свое отношение к глобальным проблемам, признаемся в любви и занимаемся ею стереотипно. До нас точно так же поступали многие поколения людей. Они же нас этому и научили.

Даже если кто-то пытается оригинальничать или, допустим, бороться против общепринятых стереотипов, он делает это тоже стереотипно. Социум припас на всякий случай стереотипы и

оригинального, и протестного, и маргинального, и даже асоциального поведения. По существу, личность во многом складывается из таких стереотипов, усваиваемых в течение всей жизни.

Вы расстроились? Напрасно! В том, что человек, входя в этот мир, сразу же начинает накапливать стереотипную информацию о нем и стереотипно воспроизводить ее в собственном поведении, есть глубокий смысл.

Во-первых, не секрет, что возможности человека — как психические, так и физические — ограничены. И эти ограничения отражаются на форме и содержании социальных стереотипов. Согласитесь, в нашем арсенале форм поведения есть стереотипы походки, но нет стереотипов полета по воздуху без использования технических средств (автор сознательно упускает из виду крайние случаи).

Например, с пещерных времен мы используем стереотипы защиты от кровососущих насекомых, в последние десятилетия в социуме распространились и заняли устойчивое место стереотипы противодействия болезнетворным бактериям и вирусам, но стереотипов реагирования на движение молекул в окружающем нас пространстве у нас нет. Мы их, эти молекулы, не видим, они нас, как будто, не трогают (хотя объективно играют в нашей жизни огромную роль), ну, стало быть, мы и не считаем нужным реагировать на них поведенчески, формировать, копировать и передавать потомству стереотипы общения с ними.

Таким образом, поведенческие стереотипы — это устойчивые формы поведения,* обусловленные природными возможностями человека, позволяющие использовать их (эти самые возможности) оптимально, т. е. с наибольшей эффективностью.

** В широком смысле, включая деятельность, общение, реализуемые социальные установки, отношения, ценности и т. д.*

Это первое обстоятельство. Во-вторых, если бы наше поведение — поступки, оценки, высказывания — было сугубо индивидуально, уникально (сколько людей, столько и вариантов)," мы с вами не смогли бы понимать друг друга, общение и взаимодействие в социуме стали бы невозможными.

Теперь вернемся к примеру с магазином одежды. Получается, что окружающий нас мир, интегрируясь в который каждый из нас становится личностью, — это некий «магазин готовой одежды». На его полках, вешалках и манекенах — разнообразные по цвету и стилю, но в каждом однородном стилистическом ряду стереотипные вещи.

И вновь зададимся вопросом: почему, усваивая стереотипы, мы, тем не менее, обретаем индивидуальность? Что, собственно, индивидуально?

Ответим себе: индивидуальны набор и сочетание усвоенных и реализуемых нами стереотипов. Они индивидуальны настолько, насколько индивидуальны наши возможности и уникален наш жизненный опыт.

Поговорим об этом. Поскольку понимание природы индивидуальности станет ключом ко всем последующим нашим рассуждениям о характере человека, способах его исследования, описания, прогнозирования поведения ин-

дивидуума в интересующих нас ситуациях, повышения эффективности профессиональной деятельности, общения и взаимодействия в социальной среде.

Представьте себе, уважаемые коллеги, спортивный снаряд. Штангу весом в двести пятьдесят килограммов.

Вопрос: каждый ли человек способен без посторонней помощи поднять эту штангу и удержать ее над головой хотя бы в течение нескольких секунд?

Ответ: не каждый.

Вопрос второй: каждый ли человек способен решить математическую задачу высокого уровня сложности? Ответ: не каждый.

Вопрос третий: каждый ли человек способен рационально обустроить свое рабочее место? Ответ: см. выше...

А между тем существуют стереотипы подъема штанги, решения математических задач, организации труда. Есть люди, владеющие этими стереотипами профессионально и готовые научить других. В чем же дело?

Любой инструктор автошколы расскажет вам, как охотно он берется обучать вождению одного, а на другого не желает даже тратить время из-за полного отсутствия перспективы.

Любой учитель танцев или профессор химии с гордостью назовет своих самых способных учеников и отмахнется от, с его точки зрения, бездарей.

Следовательно, не все из существующих, культивируемых в социуме поведенческих стереотипов доступны каждому. Кто-то легко и быстро осваивает технику сложных физических упражнений, кто-то легче других перенимает ремесло, требующее терпения и ювелирной точности движений, кому-то нравится переживать чувство интеллектуального напряжения, игры ума при анализе шахматных комбинаций...

А кто-то не справляется ни с тем, ни с другим, ни с третьим, но зато без особого труда овладевает навыками оператора, управляющего сложной — многоуровневой и многоцелевой — автоматизированной системой, и к тому же рисует акварелью...

В течение жизни мы полноценно усваиваем (и, следовательно, используем как инструментарий для адаптации к социальной среде) лишь те поведенческие стереотипы, воспринять которые позволяют наши индивидуальные возможности, внутренние условия.

«Что еще за "внутренние условия"»? — спросите вы.

Ответ: внутренние условия, определяющие, какого рода стереотипы поведения будут усвоены конкретным человеком (индивидуумом), а какие он не сможет воспринять даже при интенсивном обучении, — не что иное, как присущие ему (врожденные и/или приобретенные на этапах внутриутробного и младенческого периодов развития) базовые психические и в какой-то мере физические качества.

Нас с вами, главным образом, будут интересовать качества психики: свойства нервной системы (сила и скорость процессов, протекающих в центральной нервной системе), интеллекта (прежде всего, стиль мышления), эмоциональной сферы, поскольку физические возможности человека оказывают сравнительно меньшее влияние на стиль его социального поведения. Более подробно и внятно об этих внутренних условиях наука, во всяком случае в лице автора, сказать не в состоянии (буквально видится град камней, летящих из стана нейропсихологов и психофизиологов!).

Да, действительно, по поводу влияния особенностей функционирования мозга, выявляемых нейрофизиологическими методами, на поведение человека написано немало литературы (в том числе — полуфантастической). Однако наиболее, на взгляд автора, честные и объективные исследователи говорят, что до сих пор не найдено прямых содержательных связей между феноменами нейрофизиологическими (например, биоэлектрической активностью коры головного мозга) и психологическими (поведением человека).

Один весьма уважаемый ученый как-то — лет десять назад, — грустно качая головой, пошутил: «А мозгом ли мыслит человек?». Насколько автору известно, коллеги, с тех пор кардинальных прорывов в этой области знаний не произошло.

Тем не менее, давайте оставаться в убеждении, что мыслит человек все-таки мозгом. На самом деле, для нас не так уж важны

эти физиологические подробности, поскольку мы не копаемся в черепе, а исследуем закономерности поступков.

Главное — уяснить, что процесс превращения человека как биологической особи в личность идет не как попало (куда кривая вынесет!), а в соответствии с объективно существующими качествами психики, играющими основополагающую роль. В дальнейшем, там, где это необходимо и возможно, мы будем пытаться называть (разумеется, на уровне гипотезы) эти объективные качества — но только для того, чтобы лучше понимать, как под их влиянием формируется поведение человека.

Итак, мы вплотную подошли к определению основного понятия этой книги — «характер». Договоримся — и это не войдет в противоречие с общепринятым теоретическим подходом — под характером человека понимать индивидуальный стиль его поведения в социальной среде, формирующийся за счет избирательного* усвоения и реализации поведенческих стереотипов.

**Благодаря врожденным, а также приобретенным на ранних этапах жизни качествам психики — «внутренним условиям».*

Таким образом, характер — это способ адаптации индивидуума к социальной среде.

Основным принципом формирования характера является общий для всего материального мира принцип минимизации энергетических затрат на существование. Действительно, человек из всего многообразия стереотипов поведения лучше всего усваивает и реализует те, которые не требуют от него значительных усилий, даются легче других, соответствуют его внутренним условиям как «ключ замку». Попытки (например, под влиянием энергичных, но мало знакомых с психологией воспитателей) усвоить иные — «чужие» — стереотипы оплачиваются, с точки зрения расходования энергии, дорого и,

как правило, не бывают успешными. Наверное, можно, путем длительных, усердных тренировок, добиться решительного поведения от человека тревожного, робкого. Но чего это будет ему стоить?! Всплеск решительности потребует исчерпывающих затрат и, с высокой степенью вероятности, приведет к психическому истощению, к срыву адаптации. В то время как в данной поведенческой ситуации не вымученной решительностью, а своей разумной осторожностью он мог бы добиться гораздо большего...

Теперь, после того как мы определили главный предмет нашего изучения — характер, попробуем обсудить возможные способы его исследования, а также варианты практического применения знаний, полученных в результате этих исследований.

Проблемой характера научная психология занимается много десятилетий. За это время накопилось множество интересных наблюдений, предприняты многочисленные попытки их классификации и систематизации — создан целый ряд т. н. «типологий» характера. В нашу задачу не входит знакомство с существующими типологиями (позвольте, уважаемые коллеги, для повышения вашей эрудированности в данном вопросе адресовать вас к библиотечной полке). Мы лишь отметим один очевидный недостаток большинства из них, мешающий их полноценному практическому использованию.

Этот недостаток связан (только, бога ради, не заскучайте!) с философской проблемой соотношения единичного (неповторимого, уникального), особенного (отличающегося от других) и общего (делающего похожим на остальных) в человеке.

Да, каждый конкретный человек уникален. Точно такого же, как он (во всех деталях — психических и физических), никогда не было и не будет. «Под каждым могильным камнем погребена Вселенная!» — сказал, если автору не изменяет память, великий Гейне. Но это вовсе не означает, что в каждом уникале нет тех качеств, которые присутствуют и в других людях.

Разумеется, они есть — эти общие для всех нас качества. Более того, именно они и являются нашими главными человеческими свойствами: наличие разума, общественный образ жизни, «человеческое» строение мозга, скелета и внутренних органов и т. д.

Предметом науки всегда является общее, редко — особенное. В то время как практика имеет дело, прежде всего, с единичным. Не с человеком вообще, а с конкретным Ивановым-Петровым-Сидоровым. Вот здесь-то, при переносе теоретических знаний в практическую сферу, и возникает условие для совершения ошибки.

Исследование качеств характера, выявление среди них близких по происхождению (по внутренним условиям формирования) и объединение этих однородных качеств в группы — разумеется, не ошибка. Выявление в этих однородных группах ведущего (-их) качества (-в), определяющего (-их) основное предназначение данной группы, как средства и способа адаптации к социальной среде — не ошибка. Нахождение аналогичных групп качеств у разных людей и построение на их основе типологии характера — еще не ошибка... Попытка описать качества (особенности, черты) характера конкретного человека, индивидуума, исключительно как представителя того или иного типа — ошибка! Поскольку при этом не проводится содержательной границы между единичным (Ивановым как уникальным явлением) и общим (Ивановым как обладателем ряда типичных, общих для многих людей, психологических свойств, качеств характера).

Чувствую сам, коллеги, что несколько усложнил объяснение. Попробую выразить эту мысль проще, четче, яснее.

Поскольку вы, наверняка, читали или, по крайней мере, слышали о существовании различных типов характера, воспользуюсь вашими знаниями и приведу пример.

В психологической (научной и популярной) литературе нередко упоминается демонстративный тип характера. Речь идет при этом о группе качеств (особенностей) характера человека, главным из которых является стремление быть в центре благожелательного, сочувственного внимания.

В той же самой литературе встречается и определение, скажем, тревожного типа характера. К основным поведенческим качествам этого типа относится, напротив,

желание скрыться от посторонних глаз, уклониться от любой (даже маломальской) ответственности и т. п.

Хорошо было бы, если бы изучаемый нами человек (тот же полюбившийся нам Иванов) всем своим поведением соответствовал либо демонстративному, либо — тревожному типу. Как было бы нам легко заниматься психологической диагностикой — исследованием и описанием его характера!

Но так не бывает. Тип характера — теоретическая модель, не более. То, что существуют однородные (близкие по происхождению) и взаимообусловленные качества характера, — это факт (и мы в дальнейшем будем это активно использовать). Но то, что этими качествами характер реального человека исчерпывается, — это «не есть факт».

То, что в литературе принято называть типом характера, на самом деле — поведенческая тенденция, из множества которых формируется реальный характер.

Вот почему наш с вами Иванов в жизни в ряде случаев проявляет себя как представитель тревожного, а в иных — как представитель демонстративного типа. И исследовать на практике нам приходится не тип и даже не каждую отдельно взятую тенденцию, а целостный характер реального Иванова, рождающийся из активного взаимодействия и взаимовлияния нескольких тенденций.

Как же быть? Как в этой ситуации «снискать хлеб насущный»?

Не унывайте, коллеги, способ есть! Нам с вами вовсе не надо изобретать велосипед. Сразу скажу, что этот способ известен и применяется, в том числе и в прикладной психологии, — но еще не в полную силу. Так по крайней мере кажется автору. А вот кто его по-настоящему хорошо освоил, так это... дегустаторы вин, коктейлей и пр.

Многие из нас, особенно любители посидеть в баре или ресторане (а кто не любит этого, назови?), знают, как вкусны и изысканны порой бывают коктейли. Мы смакуем их пытаюсь прочувствовать и сохранить в памяти удивительный, специфический вкус. Профессиональные дегустаторы при этом имеют возможность не только наслаждаться коктейлем как неким целым, но и способны различить составляющие его элементы, ингредиенты. Заметьте, различить как по качеству, так и по количеству, долевого содержанию в данном напитке.

Реальный характер — это коктейль. Смесь, микстура из тенденций, определяющих различную стилистику поведения.

Как было сказано выше, подобные тенденции, в основе которых лежат объективные качества психики, в литературе принято описывать как «типы характера», что не совсем корректно с практической точки зрения.

Правильнее, на взгляд автора, рассматривать их как самостоятельные группы качеств в структуре реального характера, однородных по происхождению, т. е. в основе которых лежат одни и те же внутренние условия. Иными словами, это качества, происходящие «из одного корня». А потому и название этим группам следует давать соответствующее — радикалы (от латинского *radix* — корень).

Таким образом, наиболее продуктивным подходом к психологическому исследованию (диагностике) характера индивидуума будет: а) определение входящих в него радикалов; б) описание характера как единого целого, как результата взаимодействия и взаимного влияния радикалов.

Надеюсь, принцип понятен. Теперь перейдем ближе к технологии. Чтобы дегустатор мог определить наличие и процентное содержание того или иного ингредиента в коктейле, он должен хорошо знать свойства этого ингредиента (в первую очередь — его вкус) в чистом виде. Точно так же дело обстоит и с радикалами. Прежде чем приступать к исследованию реального характера (т. е. характера конкретного живого человека), нужно изучить существующие типичные «чистые» радикалы.

Да, именно типичные. Поскольку одинаковые радикалы встречаются у разных людей, и перечень радикалов, известных психологам, не так уж велик.

Многолетний опыт решения сложных, подчас — уникальных, задач практической психологии подсказывает автору, что в большинстве случаев для достаточно полного описания характера любого человека, ставшего объектом психодиагностики, хватает знания семи основных радикалов.

Эту методику «семь радикалов», ставшую результатом преломления общепринятой теории характера через собственный профессиональный опыт, автору и хотелось бы передать вам, уважаемые коллеги.

Для начала назовем эти семь радикалов. «Истероидный», «шизоидный», «эпилептоидный»... Стоп! И это называется психологией? — недоумеваете вы. — Туда ли мы попали? Истероидный, шизоидный... Не решил ли этот, с позволения сказать, автор отправить нас на экскурсию в сумасшедший дом?

Нет, уважаемые коллеги. Здесь нет никакого недоразумения. Дело в том, что регулярное, пристальное, систематическое научное наблюдение за поведением людей осуществлялось и осуществляется доныне именно в психиатрических лечебницах. Не досужее любопытство, а острая необходимость распознать душевную болезнь, разработать методологию ее лечения, помочь страдающему человеку ложится в основу подобных исследований (к слову, кого еще интересует наш с вами внутренний мир, как не

психиатра и патологоанатома?). В основном, психиатры и создали первые, базовые, широко используемые доныне классификации типов поведения (характера).

Возникает вопрос: правомерно ли переносить характерные особенности поведения душевнобольных на здоровых людей?

Многие авторитетные, серьезные специалисты отвечают на этот вопрос утвердительно. Да, вполне правомерно. Дело в том, что душевная болезнь не создает какой-то новый, а лишь видоизменяет прежний характер, присущий человеку, когда он еще был здоров. Индивид сопротивляется болезни, приспособляется к ней, используя сохранившиеся возможности психики. В такой ситуации черты (качества, свойства) характера обостряются, акцентируются и, как следствие, становятся более доступными для наблюдения, исследования.

Вернемся к названиям радикалов. Обратите внимание, что в каждом из уже перечисленных нами названий присутствует суффикс «ид». Истероидный, шизоидный, эпилептоидный... Этот суффикс заимствован из греческого языка. Он означает «подобие». Психиатры, хорошо зная, как ведут себя, например, больные истерией, и наблюдая похожее поведение у здоровых людей, дали радикалу название «истероидного», то есть подобного истерии. Вот откуда взялись эти названия. Они закрепились в психологии. Во-первых, для понимания сущности обозначаемых ими поведенческих явлений, во-вторых, как дань уважения ученым, врачам, много сделавшим для изучения и описания характера человека, и, в-третьих, для облегчения запоминания этих названий, поскольку экзотические слова откладываются в памяти лучше, нежели привычные. Не откажемся от этих названий и мы.

Семь основных радикалов — это истероидный, эпилептоидный, паранояльный, эмотивный, шизоидный, гипертимный и тревожный.

Понимаю ваше легкое недоумение. Паранояльный, эмотивный, гипертимный, тревожный. Эти названия не имеют в своей структуре полюбившегося нам суффикса «ид». В чем дело?

Принцип их возникновения, изложенный выше, остается прежним. Просто у каждого названия есть своя маленькая история. К примеру, «параноидный» означает не «подобие», а самое что ни на есть серьезное душевное заболевание.

Следовательно, это название уже занято клиницистами, и мы вынуждены использовать другое — «паранояльный» (предлагаю именно в такой транскрипции, а не «паранойяльный», поскольку это, последнее, название тоже задействовано психиатрами для своих целей).

Уважаемые коллеги, позвольте завершить тему происхождения названий радикалов. Из-за присущей автору эпилептоидности (что это такое, вы узнаете несколько позже), он, похоже, все более увязает в третьестепенных подробностях и уходит в сторону от главной темы.

Итак, каждый из семи радикалов мы будем изучать по следующей схеме:

Общая характеристика. Мы будем рассуждать о внутренних условиях, лежащих в основе происхождения радикала, а также о его основном социальном значении, т. е. о значении порождаемой им поведенческой тенденции. Обсуждая этот раздел, мы увидим, например, что несколько сниженная — от природы — скорость переключения нервной системы с одной задачи на другую при одновременной высокой работоспособности нервных клеток приводит к развитию целеустремленности как свойства личности, а при относительно низкой работоспособности — к развитию агрессивности. Что высокая динамика нервных процессов, напротив, целенаправленности препятствует, но способствует оптимизму и жизнелюбию... И, самое главное, мы в очередной раз

убедимся, что незначимых, бесполезных, никому не нужных качеств характера просто не бывает.

Внешний вид. Мы будем рассматривать особенности телосложения, оформления внешности и окружающего пространства, мимики и жестикуляции, свидетельствующие о наличии в характере человека данного радикала, иными словами, специфичные для этого радикала. И будем удивляться тому, как все в природе и, в частности, в нашем поведении взаимосвязано!

Качества поведения. Следует сказать, что продуктивность подхода к исследованию характера через определение входящих в него радикалов обусловлена еще одним важным обстоятельством.

Радикал — целостное образование, поэтому мы можем быть уверены, что если у изучаемого нами человека наглядно проявляется хотя бы часть качеств, входящих в данный радикал, то значит, что и все прочие качества этого радикала также присутствуют в характере.

Просто в этой конкретной ситуации они себя не обнаруживают. В разделе «внешний вид» мы, таким образом, познакомимся с теми качествами радикала, которые особенно четко и ясно проявляются вовне и, следовательно, легко доступны наблюдению.

В разделе «качества поведения» мы получим полное представление обо всех поведенческих свойствах радикала. И здесь нас будет ждать много открытий, поскольку глубинная взаимосвязь и взаимная обусловленность многих качеств характера для людей непосвященных как раз неочевидна.

Знаете ли вы, к примеру, что уже упоминавшаяся агрессивность, физическая смелость, аккуратность, склонность к ремесленничеству, бережливость являются производными одного и того же радикала? А ведь это так.

Задачи. Разделом «качества поведения» завершается собственно психодиагностический этап изучения радикала.

Диагностика, т. е. распознавание, констатация наличия тех или иных качеств на этом, по сути, заканчивается. Наступает важный для практической психологии этап — управление поведением.

Сразу скажем, что в это понятие мы будем вкладывать исключительно гуманистический смысл. Гете принадлежат замечательные слова: «Чтобы добиться успеха в жизни, нужно заниматься тем, что дается легче всего. Но делать это изо всех сил!» Вдумайтесь, коллеги, разве не об этом мы ведем наш разговор с самого начала. Об этом, именно об этом! Социальная адаптация вопреки характеру, попытки решения повседневных задач затратным, энергоемким способом ухудшают качество жизни. Поэтому так важно знать, решение какого рода задач облегчается при наличии в характере данного радикала, а какие задачи становятся при этом просто невыполнимыми. Об этом и пойдет речь в разделе «задачи».

Особенности построения коммуникации. Этот раздел также относится к управлению поведением. Здесь мы будем учиться выстраивать наиболее эффективную систему общения и взаимодействия с обладателем того или иного радикала, избегать грубых коммуникативных ошибок.

Мы поймем, почему, например, обладателю выраженного истероидного радикала как воздух необходимы комплименты, и что обращенная к нему фраза: «Как вы сегодня прекрасно выглядите!» послужит не только повышению настроения, но и сближению позиций по деловым вопросам.

Поймем мы также и то, почему в ответ на ту же самую фразу человек с доминирующим эпилептоидным радикалом ответит грубостью и навсегда отобьет у нас желание давать ему без его разрешения оценку — не важно, позитивную или негативную...

На этом закончится изучение каждого радикала в отдельности и начнется исследование реальных характеров (которые, как вы помните, представляют собой смесь радикалов и должны рассматриваться как результирующие их взаимодействия и взаимовлияния). Образно говоря, изучив буквы, мы будем учиться

читать слова. Вначале по слогам, затем целиком, все глубже проникая в их истинный смысл.

На этой оптимистической ноте позвольте завершить дозволенные речи. Но прежде чем мы расстанемся (надеюсь, до следующей главы), хочется задать вам, коллеги, несколько вопросов для закрепления пройденного материала.

Вопросы и задания

1. Дайте определение понятиям «личность», «социализация», «характер», «радикал», «поведенческая тенденция». Если эти определения не будут найдены вами в пройденном материале или, будучи найденными, покажутся вам недостаточно полными, попробуйте сформулировать их сами, исходя из смыслового контекста сказанного. Самостоятельность мышления — залог успеха практического психолога.

2. Запомните названия семи основных радикалов. Для этого воспользуйтесь одной из предлагаемых ниже мнемонических фраз, в которых незамысловато зашифрованы названия изучаемых нами радикалов:

«Истинно эффективная психодиагностика — это шедевр гениального творца»;

«Идиот, это просто элементарный шантаж, говорят тебе!»;

«Исчезающее эхо... Поступь Эроса... Шорох гаснущих теней...»;

«ИЭПЭШГТ».

Выберите понравившуюся вам фразу или сами придумайте новую. Пусть это будет маленьким тестом в нашем курсе «нетестовой» диагностики характера.

Глава 2

Истероидный радикал

Знакомство с названными ранее семью радикалами мы начинаем с истероидного. Это, как вы поймете несколько позже, весьма распространенный в социуме радикал. Наблюдения показывают, что он — как, впрочем, и все остальные радикалы, — одинаково часто встречается как у мужчин, так и у женщин, независимо от их расовой принадлежности, национальности и т. п.

Это замечание представляется важным, поскольку нам следует с самого начала освободиться от ложных стереотипов и уяснить, что характер — общевидовое явление.

Иными словами, объективно не существует «женского» и «мужского», «негроидного» и «европеидного», «славянского» и «семитского» и т. д. характеров. Различия в поведении разнополых, молящихся разным богам, имеющих разный цвет кожи, разрез глаз и пр. людей обусловлены лишь формальными — автор настаивает на этом! — особенностями стереотипов поведения, бытующих в мировых культурах и субкультурах. По-разному, например, происходит богослужение.

Но склонность (или не склонность) сопереживать божественному, волноваться, входя в храм, испытывать глубокие религиозные чувства не зависит от перечисленных выше и иных популяционных различий.

Очевидно, тот, кто давал название истерии — психическому заболеванию, поведенческие элементы которого мы наблюдаем в рамках истероидной тенденции (напомню, так мы продолжаем называть характерную стилистику поведения, производную, в данном случае, от истероидного радикала), не разделял эту точку зрения.

Давно это было. Со времен Гиппократ считалось, что истерией болеют только женщины. Слово «истерия» происходит от греческого *hystera*, что в переводе на русский язык означает «матка». Врачи, изучая проявления истерии, полагали, что матка (по их представлениям, самостоятельное живое существо, обитающее в теле женщины) время от времени начинает «рыскать», перемещаться от одного органа к другому в поисках лучшей доли. Поднимаясь к гортани, она вызывает ее закупорку и, как следствие, приступ удушья. Соприкасаясь с сердцем или печенью, причиняет им боль...

Лечение истерии заключалось тогда в «приманивании» матки с целью возвращения ее в естественное, «исходное» положение. Больной женщине давали пить разную гадость (например, разведенные водой фекалии), хлестали ее по щекам или таскали за волосы, при этом окуривая благовониями и умащивая драгоценными маслами область половых органов. Создавали, так сказать, градиент удовольствия. Так лечили бы истерию и до сих пор, если бы мировая знаменитость — Зигмунд Фрейд — публично не признался в том, что он сам страдает истерией.

Этот выдающийся ученый (усатый и бородатый мужчина¹) рассеял ложные представления о половой обусловленности этого заболевания. Так, во всяком случае, гласит легенда.

Вернемся, однако, к истероидности и рассмотрим этот радикал по ранее согласованной (см. главу 1) схеме.

Общая характеристика. В основе истероидного радикала лежит слабая нервная система. В нейрофизиологии силу/ слабость нервной системы принято оценивать по ее способности (или неспособности) длительно выдерживать процесс возбуждения.

Таким образом, одним из ведущих внутренних условий истероидного радикала является неспособность нервной системы выдерживать возбуждение относительно долго. На поведенческом уровне это означает прерывистую, нестабильную работоспособность, повышенную истощаемость энергетического потенциала, быстро развивающуюся потребность в отдыхе, восстановлении душевных и физических сил, склонность, исходя из всего перечисленного, беречь то немногое (в смысле запаса энергии), чем наградила природа.

Зададимся вопросом: какой образ поведения должен сформироваться при таком внутреннем условии? Ответим, исходя из собственных наблюдений и здравого смысла: поиск — всегда и во всем — легких путей. Неспособность и, соответственно, нежелание глубоко погружаться в какую бы то ни было проблему, бороться с реальными трудностями, добиваться осязаемых результатов... Верно. Все верно. Как человек с неразвитой мускулатурой обходит стороной пугающие его тяжеленные гири и штанги, так индивидуум, наделенный истероидным радикалом, старается

не связываться с задачами, требующими длительных, сосредоточенных усилий.

Понимаю вашу реакцию на подобное сообщение. Выходит, — спрашиваете вы, — истероидная тенденция в поведении — это лень, поверхностность во всем, уклонение от напряженного производительного труда? Следовательно, этот радикал — социально вредный?

На первую часть вопроса отвечу: да. На вторую: нет. Категорическое «нет»! Как было сказано ранее, каждый радикал

выдержал испытание временем, многократно подтвердил и продолжает подтверждать свою полезность для общества. Нам с вами, коллеги, чтобы это как следует осознать, возможно, понадобится пересмотреть некоторые из наших собственных стереотипов оценки различных социальных явлений. Обсудим проблему «глубины» погружения в ту или иную область деятельности, отношений. Всегда ли «глубоко» означает «хорошо»? Представьте себе анекдотическую ситуацию: «муж неожиданно возвращается из командировки». Что лучше — когда он тщательно, методично начинает обследовать каждый уголок и закоулок квартиры в поисках затаившегося любовника или когда он доверчиво обнимает жену и легко, без тени сомнения, удовлетворяется ее путаными, взволнованными объяснениями своего неглиже?

Согласитесь, однозначного ответа нет. Если отбросить шутки в сторону, в других, в том числе имеющих принципиальное значение для общества, вопросах также далеко не всегда необходима глубина проникновения в суть вещей. Подчас она даже вредна. Многие вековые устои (мировоззренческие, нравственные, экономические и т. д.) социума, обеспечивающие его вполне стабильное процветание, были безжалостно разрушены в попытках «копнуть поглубже».

И не факт, что взамен разрушенного предлагалось нечто более эффективное. Нередко эти попытки лишь «умножали скорбь», заставляя людей разочаровываться в основах своего бытия, приносили в общество «не мир, но меч». Так что, друзья, глубина не всегда позитивна, а следовательно, поверхностность не всегда негативна.

Это важно понимать. Как, впрочем, важно понимать и то, что индивидуум, наделенный истероидный радикалом, не выбирает. Он, возможно, и рад быть глубоким и содержательным, но это недоступно для его психики, это слишком большая нагрузка, которая непременно приведет к перенапряжению психической

деятельности, к срыву. Образно говоря, к «воспалению мозга». Поэтому поверхностность и прочее, о чем говорилось выше, — его удел.

Однако сказанным общая характеристика истероидного радикала не исчерпывается.

Забегая вперед (поскольку мы условились с вами изучать качества характера в соответствующем разделе), отметим, что у обладателей истероидного радикала вроде бы присутствует (по крайней мере, бросается в глаза окружающим) неистребимая уверенность в высокой социальной значимости, в особом предназначении и ценности собственной личности. Откуда она берется?

Эту поведенческую особенность формирует логика социальной адаптации. Судите сами. Как человеку, с самого раннего возраста неспособному равняться со сверстниками в объемах и качестве любой поведенческой продукции, тем не менее, отвоевать себе место под солнцем? — Только уверенно и неутомимо нахваливая то небольшое, что ему удалось сделать (чтобы шевелить во рту языком, сил хватит), а самое главное — себя, любимого.

Представьте себе ребенка, наделенного эпилептоидно-паранояльным сочетанием радикалов (допустим, что вы

догадываетесь о связанных с ними свойствах характера), производящего в песочнице свои любимые «куличики». Старательный и аккуратный, он изготовит — если не будет остановлен заботливой матерью — десятки превосходных куличиков: прочных, ровненьких, без единого изъяна. В то время как ребенок с истероидным характером осилит едва ли несколько штук. И все они будут сомнительными с точки зрения качества. В подобной ситуации истероидному ребенку остается либо признать безусловное превосходство соперника и впредь подчиняться его влиянию, либо... Совершенно верно! Принять торжествующую позу и сказать, в переводе на взрослый язык, что-нибудь вроде:

«Лепить без остановки и без фантазии любой дурак может, а ты попробуй, как я — сделать пяток, но каждый — шедевр, лучше твоих всех!»

Закреплению этого свойства характера нередко способствуют старшие. Психологи и педагоги не без основания говорят о своеобразном явлении, благоприятствующем развитию истероидности как поведенческой тенденции, — о воспитании по типу «кумира семьи». Что бы ни сделал ребенок, каких бы результатов ни добился, каких бы ошибок ни совершил — его воспитатели (прежде всего родители) оценивают его поведение безусловно положительно. Они выражают (и сообщают ребенку) полную уверенность в его выдающихся способностях и бесспорных заслугах.

Таким образом, в неустойчивую работоспособность, поверхностность обладателя истероидного радикала, в принципе не предполагающего достижения каких-либо серьезных, осязаемых практических результатов, органично вплетается представление о собственной непогрешимости.

Но реальна ли эта самоуверенность? Насколько она прочна, устойчива в различных жизненных обстоятельствах? Не является ли она иллюзией, создаваемой обладателем истероидного радикала для себя самого и окружающих? — Вот важнейшие вопросы, требующие рассмотрения.

В самооценке человека можно выделить, с некоторой долей условности, две составляющие. Одна — это оценка масштабов и значения собственной личности (с этим у обладателей истероидного радикала, как мы знаем, все в порядке). Другая — уверенность в своих силах, в способности решить предлагаемую задачу «здесь и теперь».

Поскольку вы внимательно следили за мыслью автора, коллеги, то легко догадались, что если первая из этих частей самооценки получает в рассматриваемом случае постоянное

положительное подкрепление («кумир семьи») к с годами только развивается, то вторая, напротив, время от времени страдает от осознания объективно невысокой результативности.

Возникает конфликт самооценки. Владелец истероидного радикала постоянно испытывает психический дискомфорт, воспринимая себя неординарной, богато одаренной личностью, и одновременно переживая постыдную для высоко ценимого собой человека неуверенность, боязнь спастись перед реальными трудностями.

Единственным выходом из создавшегося неприятного положения для него становится поиск социального окружения, которое безоговорочно согласилось бы воспринимать его таким, каким он хочет казаться — ярким, значительным, успешным.

Иными словами, истероид*

** Автор устал называть его «индивидом, обладающим истероидным радикалом». Давайте условимся, коллеги, терминами «истероид», «шизоид» и т. л. здесь и далее обозначать людей, у которых в характере эти радикалы явно доминируют над остальными.*

в течение всей жизни воспроизводит модель межличностных отношений, аналогичную той, семейной, модели, в которой он играл роль «кумира». Не имея полноценной возможности справиться с реальностью, истероид создает иллюзию. Иллюзию благополучия и успеха. При этом все, что противоречит этой иллюзии, удаляется (вытесняется) из его сознания. Все те, кто не желает верить в иллюзию, удаляются им из его социального окружения.

Пример 1

Вы, конечно, помните, как в известном комедийном фильме «Пятый элемент» «мегазвездный» радиоведущий после каждого выхода в эфир требовательно обращался к своему близкому окружению: «Ну, и как я выступил?» Ответом было многоголосое: «Ты был бесподобен! Ты превзошел самого себя!!» Иной реакции этот эгоцентричный человек просто не потерпел бы. Разумеется, это шарж. Однако в реальности истероиды ведут себя практически так же. Попробуйте-ка, скажите известному эстраднему вокалисту, что в его репертуаре слишком много неоригинальных песен. Отповедь будет впечатляющей: оскорбленный артист нелицеприятно пройдетя и по вашей внешности, и по вашей генетике... Ему необходимо, чтобы зритель видел в нем исключительно талант, гениальность. Он и выступать-то старается только в благожелательно настроенной аудитории, от остальных отгораживается плотным кольцом охраны. А знаменитая Эллочка-Людоедка из «Двенадцати стульев»? Как благосклонно встретила она Оста-па Бендера! А он всего-то похвалил ее «мексиканского тушкана», то есть согласился поддержать создаваемую ею примитивную иллюзию богатства и шика. Мужу-инженеру, не понявшему и не оценившему ее «имитаторских» усилий, досталось совершенно другое — «развод и девичья фамилия»... Истероидность одинаково, по сути, проявляет себя и в характерах «звезд», и в характерах домохозяек.

Таким образом, имеющийся в его распоряжении психический потенциал истероид употребляет не на производительный труд и упорное преодоление препятствий, а на создание и сохранение (в собственном психическом пространстве и в сознании окружающих) иллюзорного благополучия, что становится основной тенденцией его поведения.

Создается впечатление, что в нервной системе истероида вначале формируется некий рабочий коллектив нейронов (нервных клеток), нацеленный на решение поведенческой задачи. Однако при столкновении с трудностями или просто когда решение

оказывается более долгим и утомительным, чем казалось, этот нейронный «коллектив» теряет интерес к процессу работы и пытается сразу, откуда ни возьмись, сбросить ее результат... Как если бы войско двинулось на неприятеля, но, увидев, как силен враг и как много нужно еще сделать для победы над ним, побросало бы оружие, взяло в руки трубы, литавры и переносные походные арфы и вообразило себя военным оркестром, исполняющим победный марш... Поскольку в реальном мире подобные трюки, как правило, невозможны — действие переносится в психическое пространство, где позволительно оперировать иллюзиями.

Можно предположить, что для осуществления такого способа адаптации слабость нервной системы должна сочетаться с достаточно высокой внутренней динамикой (подвижностью) нервных процессов, обеспечивающей гибкую перестройку «войска» в «оркестр».

Внешний вид. Истероидный радикал никак не связан по крайней мере, в представлении автора, с особенностями телосложения. Поэтому сразу перейдем к оформлению внешности.

Вы спросите, можно ли на групповой фотографии разглядеть человека, наделенного выраженным истероидным радикалом (то есть истероида)? Отвечу, коллеги: нельзя не разглядеть!

Истероид, желая обратить на себя благожелательное внимание (а иначе ему не создать искомой — см. выше — модели отношений), принимает все меры к тому чтобы не затеряться в толпе. Он хочет выделиться. Говоря языком гештальтпсихологии, он стремится предстать перед окружающими «фигурой» и ни в коем случае не слиться с фоном.*

**Такой стиль поведения называется демонстративным, соответственно, второе название истероидного радикала — демонстративный.*

В этой связи, основной особенностью оформления внешности, свойственной истероидному радикалу, является яркость.

Яркость, насыщенность красок одежды, яркость косметики, обилие и яркость украшений, иных аксессуаров. Помните, как Пушкин в «Арапе Петра Великого» описывает процесс одевания щеголя Корсакова: «Француз камердинер подал ему башмаки с красными каблуками, голубые бархатные штаны, розовый кафтан, шитый блестками; в передней наскоро пудрили парик, его принесли, Корсаков..- потребовал шпагу и перчатки, раз десять перевернулся перед зеркалом и объявил Ибрагиму, что он готов».

Яркость дополняется претензией на оригинальность. Именно «претензией», а не истинной оригинальностью (которая, скажем, забегая вперед, является уделом шизоидов). Истероид, выбирая одежду и т. д., отдает безусловное предпочтение моделям, наиболее оригинальным из общеупотребительных, общепризнанных. Он следует моде, но не творит моду.

Истероид по сути своей не творец, а подражатель, имитатор. Подумайте, а как же иначе? Ведь, решая задачу выделиться из общей «серой» массы, истероид делает лишь первый шаг к обретению своего внутреннего психологического благополучия. Ему еще только предстоит расположить к себе окружающих, заставить их поверить в его необыкновенные способности, редкие душевные качества и т. д. А этого добиться невозможно, не оставаясь понятным и близким большинству. Излишняя оригинальность здесь может только помешать, оттолкнуть людей.

Пример 2

Рассказывают, что Сергей Есенин при встрече с представителем одного из многочисленных в то время эксцентрично-«революционных» направлений в искусстве, ходившим по улице нагишом, поспешно ретировался. Великий поэт

сам обладал выраженной истероидностью, очень любил быть на виду, оригинальничать на публике, порождал о себе масштабные слухи, однако он сознательно избегал всего, что «чересчур», знал и чувствовал границы дозволенного. Он не хотел, чтобы его отождествляли с клоунами от литературы.

Вообще, истероиды, боясь нелестных для себя сопоставлений, избегают общества шизоидов.

Продолжая тему имитаторства истероидов, отметим их удивительную способность к социальной мимикрии, что в области оформления внешности проявляется в склонности переодеваться в самые различные наряды, приобретать характерный внешний облик той социальной группы, в которую они в данный момент включены (или тешат себя иллюзией, что включены). И не просто переодеваться, но преображаться! Формально-поведенчески и, что самое интересное, внутренне тоже.

В такие минуты истероид не просто выглядит, как типичный (даже наиболее яркий, узнаваемый) представитель этой группы, но и ощущает себя им. Сама личность его существенно трансформируется. Один и тот же человек, щедро наделенный истероидными качествами, одинаково легко и комфортно чувствует себя и во фраке, на высочайшем приеме, и в телогрейке, сидя на деревенской завалинке, и в военном мундире, щеголевато прохаживаясь вдоль строя...

При этом, будучи одетым во фрак, он (специально не настраиваясь, не заставляя себя!) размышляет о благе Отечества, о преимуществах монархии перед демократией и об иных высоких материях; телогрейка настраивает его на домотканно-лирический лад. «Инда взопрели озимые, — думает он, лениво щурясь. — «Рассупонилось красно солнышко, растолдыкнуло свои лучи по белу светушку ..».

Мундир заставляет его беспрестанно чертыхаться, врать напропалую о былых боях и походах, бранить в голос

подчиненных, сквозь зубы — начальство, и мечтать о прибавке к жалованью*...

** Любопытно, что истерия как психическое заболевание не имеет, по сути, специфических симптомов (болезненных проявлений). Больной истерией имитирует (неосознанно) признаки других — самых разнообразных — заболеваний: внезапно развившейся глухоты, немоты, паралича конечностей, бронхиальной астмы, даже эпилептического припадка... При этом имитирует так, как сам представляет эти заболевания (в собственной интерпретации). Подчеркнем, это не симуляция, это именно неосознаваемая имитация, очень даже неприятная и разрушительная для самого больного истерией (истерика). Заметьте, как много общего с истероидностью. Разница в том, что истерик имитирует различные болезни, а истероид — различные характеры, социальные роли, результаты поведения.*

Чтобы так преобразиться, знаете, кем надо быть? — Правильно. Никем. Чем более в реальном характере выражена истероидная тенденция, тем больше личность напоминает некий конструктор, который легко разбирается и собирается вновь, но всякий раз — в совершенно иной конфигурации.

Сколько-нибудь устойчивого ядра личности просто не существует. Постоянно присутствует только одно — эгоцентризм. Личность становится изменчивой, как форма жидкости, зависящая исключительно от формы сосуда, в который ее наливают. Для истероида таким сосудом становится социальное окружение.

Интересный пример. Очень известная (если не сказать, выдающаяся) певица на одном из своих концертов сказала, обращаясь к публике: «Не путайте меня с героинями моих песен. Я не такая, как они». И добавила (внимание!):

«Я вообще не знаю, какая я». Очень откровенная и психологически точная самооценка истероида!*

**Разумеется, одной истероидности для того, чтобы стать выдающимся артистом или вообще кем-либо, состоявшимся в жизни, мало. Для этого в реальном характере должна обязательно присутствовать паранояльная тенденция. Но об этом позже.*

Добавив эти штрихи к общей характеристике истероидного радикала, мы не уклонились в сторону, а попутно обосновали еще одну важную особенность истероидной внешности — изменчивость. Никто так часто не меняет свой внешний вид (посредством прически, макияжа, одежды и т. п.), как истероиды.

В некоторых случаях изменчивость приобретает характер контрастности. Истероид любит быть ярким. Но что делать, если вокруг много ярких, нарядных людей? Как выделиться на их фоне? Остается одно — прийти на праздник жизни в отчетливо затрапезном одеянии. Убрать любые проявления радости из собственной внешности: волосы в пучок и под серый плат, румяна, помаду, серьги и бусы — долой, на ноги — боты «прощай молодость»... И вот оно — вожделенное внимание окружающих!

Для истероида нет более драматичной ситуации, чем встреча где-нибудь в общественном месте с человеком, нарядившимся в точно такое же платье! Обостренно реагируют истероиды и в тех случаях, когда оказывается, что они — из-за каких-то нелепых случайностей — одеты неподобающим образом.

Помните, у Саши Черного: «Зачем же индивид удрал с концерта вспять? — Забыл в рассеянности галстук повязать!»

К сказанному добавим, что любой человек, уделяющий внимание собственной внешности, имеет в характере истероидный радикал.

При этом его выраженность, «процентное содержание» относительно других радикалов, определяется не в последнюю очередь тем, насколько человек внимателен к своей внешности, сколько времени, сил и средств он тратит на ее оформление. Если забота о внешности является основным занятием индивидуума, ради которого он часто пренебрегает всеми остальными, следовательно, он — истероид.

В оформлении пространства (жилья, рабочего кабинета и т. д.) истероидный радикал проявляется практически теми же

свойствами, что и в оформлении внешности. Яркостью, претензией на оригинальность, изменчивостью, склонностью имитировать предметную субкультуру социальной группы, к которой он принадлежит (или, чаще, хотел бы принадлежать) в этот период его жизни.

Пример 3.

Имитация предметной культуры

И снова вспоминается Эллочка-Людоедка. Ей так хотелось выглядеть не хуже дочери голландского миллионера, что она тратила все свое «воображение дятла» и все небольшие семейные финансы на приобретение вещей, хотя бы приблизительно имитирующих роскошь. Знаменитые стулья, приобретенные Эллочкой на аукционе под носом у опростоволосившегося Великого Комбинатора, были данью этой самой мотивации. В обыденной жизни мы также нередко наблюдаем нечто подобное. Человек, сидящий на антикварном стуле, за антикварным столовым прибором, наверняка — хоть чуть-чуть! — воображает себя отпрыском и наследником богатого и знатного рода. Обратите внимание, истероид по-разному произносит тосты, закусывает, рассказывает застольные истории и т. п., когда он пьет вино из пластикового стаканчика и когда — из старинного хрустального бокала с монограммой.

Свойством истероидности является также нескрываемый эгоцентризм. Собственные фотографии: соло, в окружении семьи и — на почетном месте — в обществе известных персон, дипломы, кубки, призы, именные значки и пр. убедительно свидетельствуют, что у хозяина этого интерьера самое любимое слово — «Я». Попадая в интерьер, созданный истероидом и принадлежащий ему, даже неискушенный наблюдатель сразу же и без труда получает максимум позитивной информации о личности его обитателя.

Пример 4

Автору пришлось как-то побывать в квартире одного знаменитого психотерапевта, часто выступающего на эстраде с гипнотическими «опытами». Первое, что бросилось в глаза, была большая афиша, на которой красовалось имя обитателя квартиры, его научные и эстрадные регалии...

Таким образом, интерьер истероида персонифицирован и используется в интересах самопрезентации.

Истероиды обожают всевозможные безделушки, отдавая предпочтение ярким, экзотическим, редким экземплярам.

Привычки истероида — тоже своего рода безделушки, имеющие привкус имитации реальной деятельности. Истероид нередко подражает коллекционерам, собирая подобие реальной коллекции. История, стоимость и иные качества собираемых вещей ему важны не сами по себе, а лишь постольку, поскольку они способны вызвать широкий социальный резонанс, сделать их обладателя центром всеобщего внимания. И здесь он стремится быть, с одной стороны, оригинальным, с другой — понятным подавляющему большинству потенциальных зрителей...

Любопытно, что если истероид курит, то, как правило, трубку или сигары. Это эффектно, элегантно, значительно и... на самом деле — не более чем имитация курения.

Многие из привычек истероида связаны с оформлением внешности. Поэтому среди его вещей особое место занимают специально предназначенные для этого инструменты, украшения и т. д.

Ну и, разумеется, истероида легко узнать по яркости и разнообразию его гардероба. Постоянное его пополнение, приобретение все новых и новых туфель, шляпок, перчаток,

платьев, кофточек, галстуков и т. д. — главная привычка истероидов.

Наличие истероидного радикала обнаруживается также в характерных мимике и жестикуляции, отличительными особенностями которых являются манерность, театральность, претенциозность. Истероиды любят красивые, «выигрышные» позы, призванные свидетельствовать о «высоком происхождении», «элитном воспитании». Они принимают подобные позы во всех случаях, независимо от содержания и объективного значения происходящего (кроме тех, когда они по той или иной причине подражают шизоидам, о которых мы поговорим позже). Выражение их лиц часто приобретает характер произвольно надеваемых ими «мимических масок», формально соответствующих роли (имитируемому психологическому состоянию), которую истероиды в данный момент играют.

«Маска высокомерия», «маска недоумения», «маска гнева», «маска дружелюбия», «маска сочувствия», «маска приветливости»... Именно формально, поскольку при этом довольно отчетливо чувствуется их неискренность, деланность, наличие в них признаков наигрывания, имитации реальных переживаний.

Эти характерные для истероидов феномены гениальными штрихами обозначает Толстой, описывая, в частности, поведение Бориса Друбецкого — персонажа великого романа «Война и мир»:

«Мундир, шпоры, галстук, прическа Бориса, — все это было самое модное и сотте й faut... Он сидел немножко боком на кресле подле графини, поправляя правой рукой чистейшую, облитую перчатку на левой, говорил с особенным, утонченным поджатием губ об увеселениях высшего петербургского света и с короткой насмешливостью вспоминал о прежних московских временах и московских знакомых. Но нечаянно... он упомянул, называя высшую аристократию, о бале посланника, на котором он был, о приглашениях к N.N. и к S.S.».

На этом обсуждение особенностей внешнего вида, обусловленных наличием в характере истероидного радикала, позвольте завершить. Надеюсь, они определены достаточно ясно, и могут теперь служить для вас, уважаемые коллеги, опознавательными (психодиагностически значимыми) признаками истероидности, т. е. поведенческой тенденции, проистекающей из данного радикала.

Качества поведения. Что за характер скрывается за яркой истероидной внешностью? Прежде всего, следует отметить удивительную способность истероидов производить на людей наиболее выигрышное впечатление с первых же минут знакомства. Подчеркнем, наиболее выигрышное. То есть с самого начала они выставляют напоказ лучшее, что в них есть. Поворачиваются к окружающим «фасадом». В дальнейшем впечатление от них идет на убыль.

Они много обещают, охотно и широко декларируют масштабные намерения, убеждают — на словах — в наличии у всех присутствующих и, прежде всего, у них самих больших возможностей и т. п., словом, активно создают иллюзию всеобщего благополучия и гарантированного успеха. На это, в основном, и уходят их силы. Дальше их поведенческий «сценарий» просто не прописан.

«Сейчас отсюда вылетит птичка!» — говорят они, завладевая вниманием окружающих. При этом в их собственном психическом пространстве рождается маленькая иллюзия, что птичка все-таки вылетит. Для них такой поворот событий вроде бы даже не исключен, хотя рассудком они понимают, что птички нет и взяться ей неоткуда.

Иллюзия длится до тех пор, пока истероид и его зрители готовы, хотят в нее верить. Затем какой-нибудь юный эпилептоид, устав от ожидания, занудливо спрашивает: «А где же птичка?» —

И злобно констатирует: «А птички-то никакой и нет. Обманули!» Иллюзия рушится, зрители расходятся. Истероид принимается — нет, не за разведение птичек, — а за создание новых иллюзий и поиск новых зрителей.

Социальная гибкость, то есть широкая приспособляемость к самым различным, разнообразным социальным условиям, группам людей, видам деятельности, — также важное свойство истероидов. Они гибки, потому что поверхностны.

Пример 5

Вот, например, характерный случай, произошедший на съемочной площадке знаменитого кинорежиссера Сергея Эйзенштейна. Он снимал очередной фильм на революционную тему и требовал от костюмеров документально точного сходства артиста, исполнявшего роль А.Ф. Керенского, с оригиналом. «Во что был одет Керенский?» — грозно спрашивал дотошный режиссер. Костюмеры нерешительно мялись. Вдруг из толпы статистов вышел бородатый немолодой мужчина и заявил: «Александр Федорович носил френч защитного цвета с университетским значком на груди». «Откуда вы это знаете?» — удивился заинтригованный Эйзенштейн. «Я был министром Временного правительства», — с достоинством ответил незнакомец... Возможно ли представить, чтобы, например, Ленин, Дзержинский и Свердлов, в случае провала Октябрьской революции, в поисках хлеба насущного или просто, от нечего делать, подались в массовку на съемки фильма, скажем, «Корнилов в июле»? А истероидный экс-министр сделал подобный шаг. И многие другие его коллеги тоже. Они, устав бороться, приспособились. Нашли для себя возможность спастись, ужитья с новой властью. Уверен, этот бывший министр с удовольствием увидел бы и обратил внимание знакомых на появление своего имени в титрах к революционному фильму...

Не потому ли победа осталась тогда за «твердокаменными большевиками»?

Попробуйте-ка быть гибким, будучи твердо убежденным в чем-либо, имея собственные устойчивые принципы, правила, взгляды, добиваясь желаемого конкретного результата. Не получится. Придется сталкиваться с противоположным мнением, бороться, негодовать, защищаться, дистанцироваться от оппонентов и злопыхателей... Нельзя быть гибким, занимаясь реальным делом. Легко меняться, подстраиваясь под социальное окружение, можно только за счет замены одной иллюзии на другую. Так происходит с истероидом.

Главное для него — при любом раскладе сохранить благожелательное внимание к своей персоне. Только вниманием он по-настоящему дорожит.

Наличие истероидного радикала определяет и способность к ролевому поведению. Увлечите истероида новой, желательно — необычной, неординарной, ролью и вскоре вы его не узнаете. Он, как будет вам казаться, полностью, кардинально изменится. *

**Разумеется, на самом деле он не приобретет сколько-нибудь устойчивых качеств «новой» личности. Но имитация будет впечатляющей (хотя и непродолжительной)!*

Истероидный радикал (особенно в сочетании с гипертимным) наделяет человека способностью к экспромту. Отсутствие заранее определенного алгоритма поведения, пробелы в информации об условиях, в которых ему предстоит проявить себя, истероида не смущают. Напротив, он вдохновляется возможностью заменить скучноватую реальность гораздо более яркой иллюзией. Кроме того, в основе экспромта — артистизм, талант гибко приспосабливаться к любым обстоятельствам за счет быстрого выбора и убедительного исполнения подходящей к случаю роли.

Пример 6.

Как тут не вспомнить вновь Остапа Бендера! Его истероидность и гипертимность помогали ему выходить из самых трудных положений. Одно проникновение на агитационный теплоход под видом свободного художника чего стоит! «Я закончил ВХУТЕМАС с отличием!» Это заявление и вся остальная неумная болтовня Великого Комбинатора — яркий пример истероидного экспромта.

Вот какова она — истероидность. Она (и только она!) делает человека заметным, гибким, артистичным. Согласитесь, не самые плохие качества для этой жизни. Уже не говоря о способности творить иллюзию. Иллюзия правит миром, господа! В девяносто девяти случаях из ста мы охотнее выберем иллюзию, чем правду. Причем, как правило, именно иллюзию благополучия. Не верите? — Давайте проверим.

Ответьте, только честно. Вам удобнее думать, что вы живете в уютном, чистом, безопасном доме или что подвал вашего жилища кишит крысами, у мусоропровода постоянно питается и ночует бомж с открытой формой туберкулеза, которого время от времени теснят, претендуя на его территорию, «отмороженные» наркоманы?

Что профессия, которой вы посвятили всю свою жизнь, по-настоящему востребована обществом, исполнена смысла и пользы или что вы большую часть рабочего времени (годы напролет!) толчете воду в ступе?

Что вы женаты на доброй и чуткой женщине, подруге ваших суровых дней, которая денно и нощно заботится о вас или...?

Впрочем, чувствую, заносит. Проклятая эпилептоидность!

Мир так устроен, уважаемые коллеги, что с приобретением любого позитивного свойства одновременно приобретается и его негативное «второе я». Это частное проявление диалектики.

В отношении истероидного радикала мы обязаны сказать что оборотной стороной сопряженной с ним социальной гибкости является беспринципность. Умение и желание истероида производить яркое впечатление на новых людей превращаются в склонность время от времени менять круг друзей, переходить из одного коллектива в другой и т. п. Талант актера, имитатора, «иллюзиониста» ведет к отказу от реальной деятельности в пользу иллюзии, имитации результата.

Экспромт оборачивается т. н. «псевдологией» — вдохновенным враньем, посвященным своим или, реже, чужим успехам.*

** В отличие от обычного, рядового вранья, псевдология возникает не нарочно, из корысти или коварства, а на высоте возбуждения, когда желание создать иллюзию у истероида столь сильно, что он искренне верит собственному вымыслу.*

Говорят, истероиды хорошо чувствуют людей, их настроение, умеют под него подстраиваться. Это не совсем так. Истероидам, с их сугубым эгоизмом, эгоцентризмом, люди важны только как публика, внимающая и хлопающая в ладоши. Они никого не настроены понимать, никому не сочувствуют, они умеют лишь имитировать психологическое состояние собеседника, по типу «зеркального отражения», не более. Впрочем, иногда и этому бываешь рад.

Задачи. В предыдущей главе мы условились о том, что в разделе «задачи» будут нами обсуждаться те виды деятельности, которыми обладатель изучаемого радикала способен заниматься с минимальным психическим напряжением, те результаты, на достижение которых он нацелен независимо от внешней (в т. ч. материальной) стимуляции.

Да, коллеги, вы не ослышались. Характер рождает наиболее мощную (перед которой бледнеет даже столь ценное нынче

денежное вознаграждение) мотивацию к определенному виду деятельности.

Истероид всегда и везде, в чем бы ни заключались его должностные обязанности, по какому бы департаменту он ни числился, занимается почти исключительно самопрезентацией. Никогда глубоко не проникая в содержание деятельности, он искренне убежден, что может справиться с любым заданием, было бы желание. Однако дальше его присутствия во всевозможных президиумах, масштабного публичного прожектерства, обещаний всеобщего неременного процветания, клятв «лечь на рельсы» в случае неуспеха, эффектного позирования перед зрителями и слушателями и т. п. дело не идет.

Мы с вами должны знать, что истероид: а) любому своему занятию (даже если его принудили составлять бухгалтерскую отчетность или чистить отхожее место) постарается обеспечить максимум общественного внимания; б) при столкновении с первыми реальными трудностями резко начнет терять к работе интерес и, в конце концов, бросит ее недоделанной; в) на требование дать отчет о полученных результатах мгновенно, экспромтом, нарисует панораму многочисленных ожидаемых и неожиданных успехов (почти сплошь иллюзорных). И так будет всегда. Хотите, поощряйте его за это материально, хотите — лишайте сладкого.

Поэтому, если вы намерены все же использовать качества истероида с пользой для коллектива, ставьте перед ним задачи презентации (товаров, услуг, идей, новых проектов) и (дай бог, чтобы нас никто не услышал, особенно — моралисты-эпилептоиды и работяги-параноики!) отчетности.

В первом случае он будет максимально выигрышным способом представлять широкой общественности свой коллектив и созданный им продукт (на самом деле, разумеется, самого себя как лучшую часть такого замечательного, работоспособного, талантливого, et cetera, коллектива). Во втором — будет изо

всех сил стараться «не потерять лицо». И у него получится. Более того, если уж у него это не получится, то...

При этом ни проверять его, ни как-то особо стимулировать, ни подсказывать ему не надо. Единственное, надо вовремя его остановить. Иначе, поощренный вниманием, он докатится до псевдологии или, чего доброго, до выдачи всем присутствующим известной ему информации, не подлежащей разглашению. Есть у истероида такой грех. Словом, выпуская его на сцену (в широком смысле), надо придерживать его за фалды, чтобы в нужный момент утащить за кулисы.

Автор сказал: «Ставьте перед ним задачи». Надеюсь, вы понимаете, что вне зависимости от того, ставите вы перед ним эти задачи или не ставите, истероид будет решать именно их.

Категорически нельзя (или просто глупо) мучить истероида работой рутинной, однообразной, требующей сосредоточенности на деталях, последовательности и настойчивости. Тем более, если по окончании ее не ожидается мощного социального резонанса. Оскорбленный, он либо сразу уйдет от вас, либо начнет искать выход из психотравмирующей ситуации, погружаясь то в одну, то в другую объективно легкую, но «долгоиграющую» болезнь (его начнут одолевать бесконечные «простуды», «дистонии», «несварения желудка», «растяжения связок»). Он станет защищаться от вашего произвола больничными листами и справками об освобождении от работы. Как минимум он возьмет в привычку регулярно опаздывать на службу.

Да, вы можете вступить с ним в войну. Но качество и результативность работы от этого не повысится. Более того, возникший конфликт взбудоражит общественное мнение, а уж общественным мнением манипулировать истероид умеет, поверьте, получше нашего с вами.

Так что, коллеги, лучшего способа управлять людьми, чем сотрудничать с ними, ставить перед ними не просто выполнимые, а

наиболее для них легкие и потому приятные задачи, не существует.

Только так и можно обеспечить искомую профессиональную надежность человека — стабильную результативность независимо от внешних условий. Ведь даже «ненадежный» истероид в одном абсолютно надежен — в желании нравиться, привлекать внимание, играть роль за ролью... Сделайте это его профессией, и вы не узнаете горя.

Оглянитесь вокруг и вы увидите, что профессиональная успешность истероидов (нередко, довольно значительная!) связана исключительно с теми областями деятельности, которые предполагают создание иллюзии: актерство, писательство, журналистика, отчасти — политика, отчасти — наука, особенно в некоторых ее отраслях, модные нынче «связи с общественностью», реклама и т. д. и т. п.

Да, разумеется, актер трудится (не за счет истероидности, а за счет присущего индивиду паранояльного радикала) в поте лица. Но, согласитесь, сыграть роль и построить, скажем, пролет моста через реку — не одно и то же. Роль — иллюзия, мост — реальность. Кто не верит — пусть попробует перебраться на другой берег силой воображения!

Особенности построения коммуникации. Если вы хотите сразу понравиться истероиду, сделайте так, чтобы он почувствовал себя «фигурой» на вашем «фоне». Осыпьте его комплиментами, иными знаками вашего расположения и доброжелательного внимания. Не бойтесь переборщить.

Истероид, пусть даже очень умный, развитый, выдавший виды, конечно, заметит, но непременно простит вам подобный разгул воображения. Он будет про себя думать: «Ну, брат, ты хватил. Через край, понимаешь. Хотя...». И в его душе разольется теплота, возникнет ответная волна дружелюбия.

Помните, что для истероида лучший подарок — публичное признание его заслуг. Он более всего ценит моральные поощрения. Хотите его отблагодарить, отметить в лучшую сторону — вручите ему грамоту, повесьте медаль. При всех, под громкие аплодисменты. Не пытайтесь в темном углу, сопя, молча совать ему в карман мятые купюры «в знак искренней и сердечной благодарности». Смажете картину.

Не упускайте возможности поздравить истероида с праздниками, с днем его (!) рождения. Вовсе не обязательны при этом дорогие подарки (знайте, истероид не станет, подобно эпилептоиду, пытаться выяснить цену подаренной вещицы). Покажитесь ему на глаза, скажите несколько теплых слов. Этого будет достаточно, чтобы упрочить ваше взаиморасположение. Девиз истероида: «Внимания много не бывает!»

Если же вам приспичило совершить в отношении истероида грубую коммуникативную ошибку, наоборот, начните конкурировать с ним за место «фигуры», всеми силами оттесняйте его в «фон». Тяните одеяло внимания на себя. Он тут же преисполнится к вам ненависти. С чем вас в этом случае и поздравляю.

Надеюсь, коллеги, вы правильно, в гуманистическом смысле, понимаете цель изучения разделов, связанных с управлением поведением. Управлять поведением можно и должно, но не за счет пошлых, к тому же малоэффективных попыток «зомбирования», «программирования», а посредством приведения в гармоничное соответствие психологических возможностей человека, с одной стороны, и среды его обитания, деятельности, с другой.

Возможно, кто-то из вас решит, что сознательно подстраиваться под постороннего (да и близкого) человека, расчетливо подыгрывать ему, в надежде улучшить взаимоотношения — излишне, не вполне честно. Возможно, — отвечу резко, — этот «кто-то» ошибся дверью. Ему не психологию надо изучать, а кирпичи в печке обжигать... Обиделись?

Правильно, что обиделись. Простите автора за этот маленький эксперимент. Автору лишь хотелось показать, что хамство, грубость, в которые вдруг превращается наше желание быть прямым, откровенным, резать «правду-матку», не взирая на лица, — не лучший способ завязывать и укреплять отношения.

Не хочется заканчивать разговор на этой агрессивно-нравоучительной ноте. Поэтому предлагаю, «на десерт», несколько вопросов и заданий.

Вопросы и задания

1. Отыщите в тексте главы указания на источники происхождения истероидного радикала, а также на определяемые этим радикалом особенности внешнего вида и качества поведения человека. Постарайтесь их как следует осмыслить и запомнить.

2. Как вы думаете, как поступит истероид, в кошельке которого денег хватает либо на бутерброд с колбасой, либо на новую заколку для волос? На что он потратит последние деньги?

3. Выбирая себе, например, щенка, какими критериями будет руководствоваться истероид? Что для него важнее всего (кстати, не только в собаках, но и в людях, в т. ч. близких)?

4. В тексте приведены примеры проявления истероидности у героев произведений А.С. Пушкина (Корсаков, «Арап Петра Великого») и Л.Н. Толстого (Борис Друбецкой, «Война и мир»). Прильните, как говорится, к источнику, уважаемые коллеги, и попробуйте отыскать в других поступках указанных литературных героев качества, проявления, результаты истероидного поведения.

5. Стефан Цвейг, если не изменяет память, высказался в том духе, что, дескать, лучшие психологи, истинные знатоки человеческой природы — писатели (а те, кто величает себя «психологами», — лишь жалкие пигмеи, пустобрехи и путаники, ни черта не смыслящие в людях). Что ж, как говорил Иван Сусанин в известном анекдоте: «Пробабли, пробабли...». В любом случае, с первой частью этого высказывания глупо не соглашаться. Поэтому, коллеги, прошу вас провести ваш первый самостоятельный психодиагностический опыт именно на примере из классической русской литературы. Итак, Лермонтов, «Герой нашего времени»:

«Грушницкий — юнкер. Он только год в службе, носит, особому роду франтовства, толстую солдатскую шинель... Он закидывает голову назад, когда говорит, и поминутно крутит усы левой рукой, ибо правую опирается на костыль. Говорит он скоро и вычурно: он из тех людей, которые на все случаи жизни имеют готовые пышные фразы, которых просто прекрасное не трогает и которые важно драпируются в необыкновенные чувства, возвышенные страсти и исключительные страдания. Производить эффект — их наслаждение... Грушницкого страсть была декламировать: он закидывал вас словами, как скоро разговор выходил из круга обыкновенных понятий; спорить с ним я никогда не мог. Он не отвечает на ваши возражения, он вас не слушает... он начинает длинную тираду, по-видимому имеющую какую-то связь с тем, что вы сказали, но которая в самом деле есть только продолжение его собственной речи... Он не знает людей и их слабых струн, потому что занимался целую жизнь одним собою. Его цель — сделаться героем романа. Он так часто старался уверить других в том, что он существо, не созданное для мира, обреченное каким-то тайным страданиям, что он сам почти в этом

уверился. Оттого-то он так гордо носит свою толстую солдатскую шинель... Грушницкий слывет отличным храбрецом; я его видел в деле: он махает шашкой, кричит и бросается вперед, зажмуря глаза. Это что-то не русская храбрость!.. Приезд его на Кавказ ...: я уверен, что накануне отъезда из отцовской деревни он говорил с мрачным видом какой-нибудь хорошенькой соседке, что он едет не просто служить, но что ищет смерти, потому что... тут он, верно, закрыл глаза рукою и продолжал так: "Нет, вы ... этого не должны знать! Ваша чистая душа содрогнется! Да и к чему? Что я для вас? Поймете ли вы меня?.." — и так далее. Он мне сам говорил, что причина, побудившая его вступить в К. полк, останется вечною тайной между им и небесами».

Ну, те-с, и какой же радикал преобладает в характере г-на Грушницкого? (Подсказываю: «Исте...». Дальше — сами.)

6.В романе А.Н. Толстого «Хождение по мукам» отыщите и выпишите в конспект проявления истероидной тенденции в характерах сестер Булавиных — Екатерины Дмитриевны и Дарьи Дмитриевны (по три-четыре примера.)

7. Попробуйте применить полученные знания на практике (только, ради бога, будьте осторожны и деликатны!).

Глава 3

Эпилептоидный радикал

Общая характеристика. В основе эпилептоидного радикала лежит нервная система, ослабленная т. н. органическими изменениями.

Как известно, главной действующей единицей нервной системы является нервная клетка — нейрон. Это самая сложно устроенная живая клетка. Ее внутренняя структура настолько дифференцирована, тонка, оригинальна, что ее невозможно воспроизвести при делении клетки. Поэтому нейроны не размножаются, в отличие от всех прочих клеток организма.

Нейроны очень чувствительны к внешним воздействиям, особенно к недостатку питания — кислорода, глюкозы. В неблагоприятных условиях* нейроны существенно изменяются.

** А такие условия создаются, например, при воздействии на формирующийся плод через организм матери инфекций, интоксикаций — в т. ч. алкоголя, наркотиков; при психических и физических травмах матери и/или ребенка — до, во время и сразу после рождения и т. д.*

И, как вы догадываетесь, не в лучшую сторону. Они повреждаются (если не погибают!) и восстановлению в прежнем виде не подлежат. Эти неприятности и есть на языке физиологии органические (т. е. необратимые) изменения.

Кору головного мозга человека образуют, по одним подсчетам — 9, по другим — 14 миллиардов нейронов. Всех, как говорится, «не задушишь, не убьешь». Органический процесс в интересующем нас случае, не доходя до уровня заболевания (т. е. оставляя мозг во вполне работоспособном состоянии), тем не менее, делает свое черное дело, ухудшая, прежде всего, скорость обработки информации.

Представьте себе, что в вашем персональном компьютере процессор, скажем, Pentium-4, заменен на 386-й. Представили? Нечто подобное происходит и с пострадавшими нейронами. Они

начинают значительно медленнее, чем их неповрежденные собратья, решать возложенные на них информационные задачи. Снижаются не только быстродействие, но и максимальные объемы оперативной и долговременной памяти. И в сложных нейронных ансамблях, обеспечивающих нашу с вами психическую деятельность — мышление, эмоции, речь и т. д., — появляется слабое звено.

Вы прекрасно знаете, коллеги, как развиваются события, когда, скажем, какое-то подразделение фирмы плохо справляется со своими обязанностями, работает с перегрузкой и к тому же медленно. Мало того, что страдает эффективность производства, но и психологический климат в коллективе резко ухудшается. Ширятся и растут взаимные претензии, недоверие, раздражение, накапливается агрессия. Этот пример в контексте обсуждения внутренних условий эпилептоидного радикала не случаен. Похожая модель складывается и в нервной системе, прежде всего головном мозге, эпилептоида.

В грубом приближении к действительности (попробуем нарисовать некий образ!), происходит следующее. В подпорченных органическими изменениями участках коры (и в т. н. подкорковых структурах) головного мозга накапливается, застаивается возбуждение. Так в узких местах дороги скапливаются автомобили, образуя «пробки». Так на столе у нерадивого, неумелого, медлительного клерка собирается ворох всевозможных бумаг.

Возбуждение растет, захватывает соседние участки мозга и, не находя адекватного выхода (не получая разрядки посредством мышечного или интеллектуального действия), перерастает в раздражение. В свою очередь, раздражение, достигая своего пика, прорывает заслон самоконтроля, резко вырывается наружу, проявляясь на поведенческом уровне вспышкой агрессии (физической и/или словесной).

Отметим, что эта последовательность состояний: застой возбуждения — раздражение — агрессия, не зависит от воли, желания человека, наделенного эпилептоидным радикалом.

Она практически не зависит и от каких-то единичных внешних обстоятельств, поскольку predeterminedена описанными выше особенностями нервной системы, то есть «внутренними условиями». Внешние сигналы играют в этих случаях роль повода, а люди, от которых они исходят, — мишени, подвернувшейся под руку стрелку, у которого палец уже давно напряженно впивается в спусковой крючок.

Немотивированные вспышки агрессии, управлять которыми эпилептоид не властен, чем-то напоминают столь же немотивированные приступы мышечных судорог у больных эпилепсией. Отсюда и сходство в названиях.

Но не одними «вспышками» жив эпилептоид. Постоянно присутствующее в его нервной системе напряжение (из-за информационных перегрузок оно присутствует почти все время, кроме периодов, непосредственно следующих за «вспышкой», — тогда эпилептоид погружается в полную апатию, безразличие, хоть танцуй у него на голове) рождает чувство тревоги. Тревога — это переживание надвигающейся опасности. *

**Чего боится эпилептоид? Всего, что предполагает излишнюю информационную нагрузку, прежде всего неуправляемого поведения окружающих. Тревога — неизменная спутница слабости, а его нервная система ослаблена.*

Следует сказать, что, выдержав испытание естественным отбором, в качестве эффективных механизмов выживания эволюционно закрепились три основные формы реакции животного на опасность: бегство, т. н. «мнимая смерть» и агрессия.

Как известно, ничто звериное человеку не чуждо. Перечисленные реакции нашли отражение в нашем поведении в

экстремальных ситуациях, да и в повседневном поведении тоже. Вспомните истероидный радикал. Разве присущий ему уход от неприятных, психотравмирующих переживаний в мир иллюзорного благополучия — это не символика бегства? Да, что там символика! Истероидам в самом прямом смысле свойственно убежать от опасности, из ситуации, в которой они (даже они!) не видят возможности сохранить хотя бы внешнее достоинство. Эта их особенность получила соответствующее название — «фугиформная реакция» (от латинского fuga — скачка, быстрый бег, бегство).

В качестве примера фугиформной реакции вот вам, коллеги, реальный случай:

Сотрудники одной небольшой компании готовились к празднику 8 Марта. Мужская часть коллектива, как всегда, была преисполнена энтузиазма, и каждый хотел отдичиться. Один из сотрудников, назовем его в нашем рассказе Петр, вызвался купить традиционно полагающееся к столу спиртное непосредственно на заводе-производителе — и гарантия качества, и дешевле, чем в магазине (бюджет коллективных праздников, как правило, ограничен). Все знали, что Петр любит больше говорить, чем делать, но в данном случае он выполнил обещание, и разнообразные водки, ликеры, настойки и т. д. заняли свое место на праздничном столе.

Праздник стартовал, Петр, как и положено яркому истероиду, был в ударе: шутил, пил по-гусарски с локтя, тут и там срывал аплодисменты дам... Когда отшумела первая волна поздравлений и возникла короткая пауза, слово взял некий господин шизоидного склада. Его тост был образцом шизоидного выступления-экспромта (познакомившись с этим радикалом, мы поймем, почему шизоиды сплошь и рядом бестактны и почему они никак не могут подобрать слова для выражения собственных мыслей в их точном значении). Он сказал: «А теперь давайте выпьем за Петра, который проявил чудеса предприимчивости и

накупил для нас... дешевой водки!» Присутствующие, особенно их прекрасная половина, слегка поморщились. Петр явно воспринял это неудовольствие на свой счет (истероиды, что бы вокруг них ни происходило, воспринимают это на свой счет. Истероиды уверены, что весь мир только о них и думает, и говорит). Он побледнел, сжал зубы. Потом вдруг вскочил и опрометью бросился из помещения, где проходил банкет. Больше в тот вечер на празднике он не показался... Продолжим, однако, изучение форм реагирования на тревогу.

«Мнимая смерть» у животных выражается в полном обездвижении, резком замедлении дыхания, сердечных сокращений. От страха они впадают в транс. Картину довершают их обильные пахучие выделения, заставляющие врага-хищника воспринимать подобную жертву как падаль. И поскольку не все плотоядные питаются падалью, у животного, наделенного данной формой реагирования, появляется шанс выжить. Во многом подобную стилистику приобретает поведение человека, в характере которого доминирует тревожный радикал (подробнее о нем — позже). При виде, а нередко уже в предчувствии появления потенциально опасного объекта, тревожного человека охватывает скованность, он теряет кураж, замолкает, старается стать «тише воды, ниже травы».

Агрессия, стремление подавить врага, напасть на него первым, лишить его способности сопротивляться, подчинить себе и, таким образом, взять под контроль ситуацию являются основой эпилептоидной тенденции в поведении.

Легко себе представить, коллеги, какого рода поведенческая установка, какой взгляд на мир, на окружающих людей формируется у эпилептоида, постоянным фоном настроения которого становятся тревога, раздражение, злоба, агрессия.

Да, верно, эпилептоид — мизантроп, человеконенавистник. Чувство глубокой неприязни к людям пропитывает всю его

жизненную философию, предопределяет выбор профессии и т. д. Поверьте, автор не преувеличивает.

Случилось как-то автору познакомиться с человеком, который еще во времена так называемой «холодной войны» работал над изготовлением бактериологического оружия — страшного способа массового уничтожения людей. Изначально у этого человека было медицинское образование, и автор не удержался и спросил: «Как же вы, врач, которого со студенческой скамьи учили спасать жизнь людям, пришли к противоположному. Вы получали удовлетворение от этой, с позволения сказать, профессии?» Этот господин, абсолютно не обидевшись на жесткий вопрос, напротив, с жаром стал объяснять: «Да вы просто не представляете себе, какое это экологически чистое оружие! Оно убивает только людей, никого больше. Атака закончится, останки людей естественным способом растворятся в природной среде, вместе с ними без следа растворятся и бактерии — теперь абсолютно безопасные...». Да, чудная картина: травка зеленеет, солнышко блестит... и людей нет. Мечта эпилептоида!

Но не спешите записывать эпилептоидный радикал в социально вредные, опасные. Жизнь, как известно, устроена так, что объективно полезные и для общества, и для конкретного человека поступки часто совершаются отнюдь не из любви к ближнему, а благие намерения ведут... сами знаете, куда.

Обобщая, можно изобразить следующую схему поведения, производную от эпилептоидного радикала.

Из-за слабой, малоподвижной (т. е. относительно медленно переключающейся с одной задачи на другую) нервной системы эпилептоид не справляется с быстрыми и объемными информационными потоками. Информационные перегрузки и вызываемый ими стресс заставляют его страдать психологически и даже физически: эпилептоид постоянно чувствует тревогу, поскольку окружающие его информационные потоки

воспринимаются им как хаотичные, неуправляемые. Он как будто погружен в иноязычное окружение — все вокруг говорят о чем-то, жестикулируют, а понять и управлять этим невозможно! Он постоянно пребывает в положении упоминавшегося выше клерка, заваленного служебными бумагами, с которыми у него нет сил разобраться, а они все поступают и поступают... Он обречен на муки, если только не... А что, собственно, должен и может сделать обладатель эпилептоидного радикала, чтобы повернуть свою адаптацию в нормальное, как у других людей, русло?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно понять, что собой представляют те самые пресловутые информационные потоки, от хаотичного броуновского движения которых страдает эпилептоид. Информационные потоки — это, главным образом, предметы и люди. Следовательно, чтобы избавиться от головной боли (в ее прямом и переносном смысле), эпилептоиду необходимо взять под контроль, «выстроить», упорядочить людей и предметы в окружающем его жизненном пространстве. Что и становится стержнем социальной адаптации по эпилептоидному типу.

Клерку, чтобы прекратить непрерывный поток документов, в котором он уже практически захлебнулся, надо повесить на свою дверь строгую табличку: «Прием корреспонденции по понедельникам и пятницам, с... по...» и агрессивно рычать на каждого, кто осмелится нарушить это указание. Так, в общем, и поступает эпилептоид.

Внешний вид. Если истероидный радикал, как мы узнали из предыдущей главы, не накладывает отпечатка на телосложение его обладателя, то в случае с эпилептоидным радикалом дело обстоит иначе. Телосложение имеет значение.

Известно, что и нервная система, и костно-мышечно-связочный аппарат человека изначально развиваются из одного и того же т. н. «зародышевого листка» — относительно автономного

скопления клеток зародыша. Так что, когда этот общий для них зародышевый листок подвергается неблагоприятному воздействию, проблемы возникают впоследствии как в мозге, так и в опорно-двигательном аппарате. Хотя «проблемы» в отношении здорового человека — слишком громко сказано.

Эпилептоидам свойственно телосложение, которое знаменитый немецкий психиатр Кречмер назвал «атлетико-диспластическим». Это относительно большая мышечная масса, крепкий костяк, массивный торс, короткая шея. Словом, «неладно скроен, но крепко сшит». При взгляде на эпилептоида понимаешь, что этот человек физически довольно силен, но несколько непропорционален — уважение невольно возникает, но лепить с него Аполлона или Афродиту в голову не приходит. *

**По наблюдениям автора, развитая от природы мускулатура, пропорционально ли она распределена по телу или не очень, практически всегда указывает на наличие в характере эпилептоидного радикала.*

Телосложение эпилептоидов-женщин, как вы, наверное, догадались, напоминает мужское: крутые плечи, относительно узкие бедра, мышцы, наводящие на мысль о нежелательности незапланированных встреч в узкой, темной подворотне...

Правомерен вопрос: всегда ли эпилептоидный радикал сопряжен с описанным выше типом телосложения? Ответ: не всегда, но — как правило. Скажем так: если у человека есть признаки атлетико-диспластического телосложения, то в его характере обязательно присутствуют качества эпилептоидного радикала. Но если указанных признаков не наблюдается, это еще не означает, что человек не может быть эпилептоидом.

Данное высказывание относится и к другим психодиагностически значимым типам телосложения, о которых мы еще будем говорить.

Разговор об оформлении внешности начнем с присущей эпилептоидному радикалу функциональности. Это характерное свойство эпилептоидов, в котором выражается их неистребимое стремление к порядку, везде и во всем. Одежда, считают они, должна обязательно соответствовать ситуации, в которой находится и действует человек. Для работы существует рабочая одежда, для праздника (к слову, эпилептоид — редкий участник увеселений) — праздничная.

Эпилептоиды терпеть не могут людей, которые не разделяют этой точки зрения и приходят, например, на субботник по благоустройству территории в парадном костюме (так ведут себя, как вы понимаете, наши друзья истероиды). «Явился — не запылился! Не мусор убирать пришел, а покрасоваться», — с нескрываемым раздражением говорят про таких эпилептоиды.

В свою очередь, рабочая одежда классифицируется ими по видам деятельности: для офиса, для производства, для уборки помещений, для сада-огорода и т. д. и т. п. По этому принципу формируется эпилептоидный гардероб. Иными словами, эпилептоид не столько одевается, сколько подбирает подходящую экипировку.

Эпилептоидам чужды украшения, прочие аксессуары. Они предпочитают одежду укороченную, простого, незамысловатого кроя, без излишеств, без претензии на оригинальность. Их любимые стили — опять же, рабочий и спортивный.*

**Крайне важный психодиагностический признак! Как бы ни был по-истероидному расфуфырен объект нашего психологического исследования, мы теперь будем знать, что коль скоро в его дорогой, нарядной одежде преобладает спортивная стилистика — значит, в его характере присутствует и эпилептоидный радикал.*

Эстеты — обладатели эмотивного радикала — считают вкус эпилептоидов грубым, а их представление о красоте — примитивным.

Женщины-эпилептоиды охотно носят одежду мужского типа, и она на них неплохо смотрится.

Кинематографисты хорошо уловили вышеуказанные особенности эпилептоидов. Поэтому во многих фильмах-«ужастиках» главные герои — серийные убийцы, маньяки предстают перед зрителями кто в опрятной спецовке, кто в чистом, без единого пятнышка, комбинезоне садовника (он же — газонокосильщик), кто в отутюженном медицинском халате, кто в короткой спортивной куртке и джинсах...

Опрятный, чистый, отутюженный — эти определения, коллеги, также из поведенческого арсенала эпилептоидов. В оформлении внешности этот радикал, помимо функциональности, проявляется аккуратностью и чистоплотностью.

Одежда эпилептоида всегда в полном порядке. Он не допустит прорех, оторванных пуговиц, пятен. Если прореха все же образовалась (а у бережливого эпилептоида, экономящего на новом платье и белье, это время от времени случается) — она тут же будет аккуратно, незаметно для постороннего глаза заштопана. Если пуговица, не дай бог, оторвалась — она будет незамедлительно пришита на место, и не первыми попавшимися под руку, а подходящими нитками. Если появилось пятно... О! Это тема для отдельного разговора.

Эпилептоиды стирают одежду с энергией и азартом енота-полоскуна. Именно эпилептоидов (и на самом деле никого другого) интересуют различные марки стиральных порошков, моющих средств и т. п., их сравнительные возможности.

Помните, одно время по телевидению крутили рекламный ролик: встречаются две подруги, и у одной из них пятнышко на манжете блузки замаскировано большими круглыми наручными часами? Большие яркие часы указывают на истероидность, не

правда ли? Но одной истероидностью подобное странноватое поведение не объяснишь. «У меня под часами пятно. Я так его прячу», — смущенно заявляет девушка (и это выдает наличие в ее характере шизоидного радикала, с которым мы вскоре познакомимся).

«Почему бы тебе его не отстирать? — недоумевает ее подруга (девушка явно эпилептоидного склада). — Ведь есть же отличный порошок.

Сердце радуется, что в этой — пусть придуманной, рекламной — ситуации шизоид, которому в голову обычно не приходят простые, очевидные для всех решения, попал в надежные руки рационалиста-эпилептоида.

В завершение знакомства с эпилептоидными признаками оформления внешности отметим, что обладатели этого радикала постоянно рвутся стричь все и вся — волосы, ногти, траву, вековые деревья, выстригая (если их вовремя не остановить) до кожи, до голой земли. Поэтому характерными для эпилептоидов являются короткие стрижки, они не терпят бород, усов и прочих «волосяных приборов», удлиненные ногти их раздражают.

Оформление пространства с точки зрения эпилептоидов — это, прежде всего, наведение порядка и чистоты. Запустите эпилептоида в квартиру (офис, кабинет и т. д.), захлавленную, запущенную до крайности (забегая вперед, скажем, — шизоид постарался), и вскоре вы ее не узнаете. Все будет вымыто с мылом, вычищено, аккуратно разложено по полочкам, отполировано и натерто до блеска.

Все вещи, до единой, будут расклассифицированы и размещены рядом с себе подобными. Книги — к книгам, посуда — к посуде, платье — к платью, хозяйственный инструмент — к хозяйственному инструменту... Следующим шагом эпилептоида по организации пространства в собственном духе станет разделение получившихся групп предметов на подгруппы. Книги будут подразделены на жанры; посуда — на тарелки, чашки, кастрюли,

столовые приборы; платье — на повседневное, выходное, по видам работ; хозяйственный инструмент — на точильный, сверлильный, шанцевый и бог знает какой еще...

Затем эти подгруппы будут разбиты им на еще более мелкие, и так до тех пор, пока буквально каждый винтик и шпунтик не обретут своего законного места.

Принцип функциональности соблюдается эпилептоидами не только в отношении одежды. В обитаемом ими пространстве нет бесполезных вещей. Каждый предмет либо уже используется, либо тщательно подготовлен к использованию.

Причем, обратите внимание, используется точно по назначению. Эпилептоид не станет, к примеру, измерять диаметр отверстия линейкой. У него для этого есть штангенциркуль. Не станет забивать гвоздь плоскогубцами, для чего же тогда молоток? Само понятие «гвоздь» для эпилептоида слишком абстрактно. «Какой гвоздь? — спросит он. — Сапожный? Мебельный? Для какой цели? Какой длины?»

Эпилептоид всегда хорошо знает, какая игла для какой ткани, какой крючок для какой рыбы, какая кастрюля для какой пищи, какой растворитель для какой краски, какой клей для каких обоев... И все это, хочу особо подчеркнуть, интересует его не из отвлеченно-эстетических, а из самых что ни на есть технологических соображений.

На рабочем месте эпилептоида в офисе всегда есть полный набор канцелярских принадлежностей, и все они «в боеготовности». Различные маркеры, стиральные резинки разной мягкости; обязательная для эпилептоида, обожаемая им картотека... Карандаши остро отточены, ручки прекрасно пишут (а не безжизненно царапают бумагу или разводят унылую мазню, как у шизоида). Загляните в его персональный компьютер — и там вы найдете исключительный порядок: четко организованное дерево файлов, стройные шеренги ярлыков, продуманные, чтобы быть понятными с первого прочтения, названия и т. п., благодаря чему

любая информация извлекается за считанные секунды. Все предназначено для того, чтобы замедленность психических процессов компенсировать рациональностью технологий обработки информации! Откройте сейф...

Впрочем, о чем это мы? Загляните, откройте... Ну-ну. Так эпилептоид и позволит вторгнуться в его кабинет, шарить в его компьютере, рыться в его сейфе. Горе тому, кто осмелится покуситься на его личное пространство, на сферу его компетенции, рискнет нарушить его суверенитет! Война в этом случае неизбежна.

Вернемся ненадолго в раздел «общая характеристика». Определяемый эпилептоидный радикалом стиль поведения, как вы помните, это стремление активно подавить источник потенциальной угрозы, взять под тотальный контроль все окружающее пространство, всех, кто в нем находится, лишить их спонтанности, непредсказуемости поступков и, тем самым, избавить себя от тягостного переживания тревоги.

Таким образом, наведение эпилептоидом формального порядка, как это описано выше, есть не что иное, как средство подавления других людей, желание лишить их самостоятельности, возможности действовать по своему усмотрению.

Вглядитесь пристальнее, и вы увидите, что развешенные, разложенные, расставленные строго по местам чашки, тарелки, поварешки, домашние туфли, полотенца, ножи и вилки, утюги и сковородки — это овеществленный приказ.

«Не смей ничего трогать без разрешения! Немедленно положить на место! Вымыть руки перед едой! Переодеться! Переобуться! Я навел здесь порядок, и тот, кто нарушит его, — будет безжалостно наказан!» — говорит эпилептоид, оформляя по своему пространство.

Если вам, уважаемые коллеги, случится прийти в дом, где с первых же шагов вас поразит стерильная чистота, где вас усадят за стол, покрытый белоснежной скатертью, с аккуратно

расставленными хрусткими крахмальными салфетками, безукоризненно вымытыми, скрипящими тарелками и сияющими бокалами, где, едва вы возьмете с тарелки последний кусок, вам тут же заменят ее на свежую... Автор настоятельно советует: долго в гостях не засиживайтесь. Не нервируйте хозяев. Проще говоря, не нарывайтесь. Поскольку, будь вы хоть Альбертом Эйнштейном и Александром Солженицыным «в одном флаконе», все ваше всемирно-историческое значение рухнет в глазах принимающей стороны — в одночасье! — как только вы, по своему шизоидному обыкновению, уроните на скатерть первую каплю с неаккуратно подносимой ко рту ложки. А вслед за всемирно-историческим значением придет черед рухнуть и вашему телу. Во всяком случае, этого нельзя исключить. Эпилептоидов выводят из себя неаккуратные люди, а чтобы соответствовать их представлениям об аккуратности, надо самому быть эпилептоидом.

Кроме порядка, эпилептоиды привносят в свой быт пристрастие к ремесленническому труду, что также отражается на предметной стороне их среды обитания. «Утром встал — сразу за дрель!» — девиз эпилептоидов. Среди их любимых вещей особое место занимают всевозможные пилочки, сверлышки, отверточки, напильнички, шильца и прочий инструмент, позволяющий выполнять работу тонкую, требующую пристального внимания к мелким, хрупким деталям, точных, неторопливых движений. «Штихель штихелю — рознь, — охотно поучают они, — поспешишь — людей насмешишь!».

В отношении мимики и жестикуляции эпилептоидов следует отметить, что, как правило, они медлительны и сдержанны в движениях.

Сказывается их постоянный внутренний самоконтроль. Крупные мимические мышцы редко задействованы. Широкоразмашистые, с большой амплитудой жесты нехарактерны. Мы не увидим эпилептоида покатывающимся от хохота, ликующим, рвущим на себе ризы или посыпающим голову пеплом.

Эпилептоиды чаще мрачноваты, несловоохотливы. По-настоящему они раскрываются в ситуациях, насыщенных агрессией, угрозой для жизни и здоровья (силовое противоборство, экстремальный спорт, сражение). Создается впечатление, что именно тогда они живут по-настоящему, в полную силу. Многие, чтобы посмотреть на это, платят деньги. Зрелище, что и говорить, впечатляющее. Их тугоподвижная, «забитая» органически измененными нейронами, как сточная труба отходами, нервная система получает, наконец, адекватные раздражители. Ее «пробивает». Эпилептоид, летящий в затажном прыжке вниз головой в бездонную пропасть, испытывает ту же широкую и разнообразную гамму переживаний, что и эмотивный меломан в зале консерватории во время исполнения его любимой симфонии. «Есть упоение в бою и бездны мрачной на краю! И в разъяренном океане, средь бурных волн, средь грозной тьмы. И в аравийском урагане. И в дуновении чумы», — утверждал устами своего демонического героя Пушкин (а уж он-то, автор язвительных эпиграмм, бретер, а стало быть, обладатель выраженного эпилептоидного радикала, знал, о чем говорит!).

Качества поведения. Лучшее описание эпилептоидного стиля поведения автор нашел, коллеги, в книге... по служебному собаководству. Думаете, это шутка? Будь по-вашему. Но в каждой шутке... Сами понимаете. Нет? Не вполне? Тогда позвольте кое-что объяснить.

Зоологи, а вместе с ними и широко эрудированная публика, знают, как организована стая, например волков или гиеновых собак.*

** Речь идет о принципе, детали в данном случае значения не имеют.*

Самый главный в стае — вожак или, как его еще называют специалисты, используя последовательность букв греческого алфавита, альфа-особь. Он для всех — абсолютный, безусловный авторитет. Мощный, уверенный в себе. Его позиция — закон для остальных. Нарушители этого закона жестоко караются.

Близкое окружение вожака составляют несколько т. н. бета-особей. Это сильные, агрессивные взрослые животные, которым, говоря языком современного менеджмента, вожак делегирует часть своих властных полномочий. Они — опора вожака в его взаимоотношениях с другими членами стаи.

Вместе с тем, от них же исходит и основная угроза «альфа»-особи. Время от времени эти красавцы пробуют вожака, то, что называется, «на зуб». Они нападают на него, и плохи его дела, если он не сумеет отбить это нападение. Сумел — молодец, властвуй и дальше, пока силен.

Ниже в иерархии стоят гамма-особи и т. д., вплоть до какой-нибудь «омеги» — самого жалкого, бесправного, забитого существа в стае, которым она готова пожертвовать в любой момент. Такого рода организация имеет глубокий приспособительный смысл. Она обеспечивает стае, а через нее — всей популяции, всему виду, выживание.

Вы спрашиваете: какое отношение это имеет к теме нашего разговора? — Непосредственное.

Эпилептоид интуитивно (а нередко — сознательно) ведет себя в обществе, в группе людей, как животное в стае. Оказавшись в новом для себя социальном окружении, он начинает «прощупывать» каждого, испытывать на прочность, выясняя, на какое место во внутригрупповой иерархии он сам может претендовать. При этом эпилептоид классифицирует людей, и его классификация проста. Он делит всех на «сильных» — тех, кто не позволил ему помыкать собой, не испугался его агрессивного напора, отбил его экспансивные притязания на чужую территорию

(в широком поведенческом смысле), и на «слабых» — тех, кто уступил, поддался, струсил, спасовал перед ним.

Чем ниже социокультурный уровень группы, тем больше эпилептоидное поведение напоминает аналогичное поведение животных. Скажем, в местах заключения, где царствует т. н. беспредел, соперничество за место в иерархии часто приобретает форму драки — злобной, звериной, без правил и пощады. В ход идут не только кулаки и подручные предметы, но и ногти, зубы...

В цивилизованном обществе рукоприкладство и поножовщина — хочется в это верить! — не приняты. Поэтому эпилептоидные провокации здесь выглядят внешне куда более безобидно. Все начинается, как правило, с попыток нарушить суверенитет другого человека (например, сослуживца), вторгнуться в его индивидуальное пространство — физическое и психологическое. Это делается осторожно, поэтапно.

Представьте себе, что к вашему рабочему столу подходит некий сотрудник и, как бы между делом, берет (без спроса!) ваш карандаш, ручку или ластик, или журнал, который вы вознамерились полистать, — не важно. Вы, утешая себя истероидной иллюзией, думаете, что он таким способом выказывает вам свое расположение, симпатию? — Нет. Прочь иллюзии! Он, чтобы вы знали, завладевает не карандашом, а вашим правом использовать этот карандаш по своему усмотрению. Уступите, промолчите — завтра, придя на работу, вы застанете его уже сидящим в вашем кресле.

Снова, вроде бы, не будет ничего криминального. Ну, сидит. Ну, не уходит, хотя рабочий день уже начался, и вас ждут неотложные дела. Стоит ли прогонять человека, обижать его из-за такой мелочи? — Воля ваша. Ждите, переминаясь с ноги на ногу, когда он соизволит подпустить вас к вашему же столу. Но знайте: если вы не отобьете его атаку и на этот раз, то в следующий он, не вставая с места, велит вам сбегать за пивом.

Таким образом, рекламная проблема «кому идти за "Клинским"» будет в вашем коллективе решена раз и навсегда.

Подобные провокации эпилептоид проделает — во всяком случае, попытается проделать — и с остальными сотрудниками (знакомыми, членами семьи et cetera). В конце концов, искомая иерархия от самого сильного (наверху) до самого слабого (внизу) будет выстроена в его психическом пространстве. Эпилептоид завершит свою классификацию членов группы, каждому «навесит бирку». И в дальнейшем все попытки нарушить, пересмотреть это локальное мироустройство будут им безжалостно пресекаться.

Тех, кто слабее (в его представлении), эпилептоид будет стремиться объединить и возглавить. В этой создаваемой подгруппе он будет чувствовать себя вожаком. Он потребует от «подданных» полного подчинения, лишит их самостоятельности, но, вместе с тем, станет их самоотверженно защищать от нападков враждебных внешних сил. Не из любви к ближнему будет он это делать, а из ненависти к сопернику, посягнувшему на его — эпилептоида — сферу компетенции. По отношению к членам «своей стаи» эпилептоиды авторитарны, деспотичны, требовательны, придирчивы и в то же время покровительственны.

Из сказанного, тем не менее, не следует, что эпилептоид — хороший руководитель, полноценный лидер. Ему недостает самого главного — целеустремленности. В его поведенческом сценарии после слов «навести порядок, построить всех по ранжиру, наладить дисциплину» стоит жирная точка. Дальше сценарий не прописан. Что, собственно, делать с этой вышколенной им командой, на достижение какого результата ее направить — он не знает.

Как у истероида хватает сил лишь на то, чтобы обустроить яркий, во многом иллюзорный, фасад собственной личности, так эпилептоид не способен продвинуться дальше наведения внешнего, формального порядка. Содержательная сторона жизни и ее реальное преобразование остаются за рамками возможностей и

того, и другого. Вот как, однако, проявляет себя слабая нервная система. Выше головы не прыгнешь...

К свойствам эпилептоидного радикала относятся также смелость, решительность (не столько в социальном, сколько в физическом смысле). Логическая связь этих качеств с внутренними условиями эпилептоидности и с формирующейся на их основе мизантропической установкой очевидна и понятна. Ведь что такое «смелость», коллеги, и что такое «решительность», как не глубокое презрение к человеческой личности? Как не готовность стереть с лица земли любого, не исключая самого себя, будь на то хоть малейший повод?

Вспомните, кого в обществе принято считать смельчаками, героями? Как правило, убийц. Давайте решимся назвать вещи своими именами. «Махнул Илюша Муромец палицей — десять тысяч поганых уложил. Махнул мечом — еще двадцать тысяч кровушкой захлебнулись». Примерно так. Лишить жизни человека, даже из самых социально одобряемых побуждений, нельзя, не испытывая изначально недружеского, холодно-презрительного чувства к человечеству. Бить можно только «поганых», иначе — рука не поднимется.

Кроме того, как мы говорили выше, смелое, с риском для собственной жизни поведение дает эпилептоидам сладостную возможность пережить эмоциональный подъем.

Эпилептоиды крайне внимательны к мелочам, к деталям. Это свойство делает их прекрасными ремесленниками, но несносными собеседниками.

Без мелочной тщательности, погружения во все без исключения технологические подробности невозможно сделать по-настоящему хорошую вещь. Но в общении с людьми, в процессе обмена информацией эпилептоидное застревание на третье- (и десяти-) степенных по значимости деталях, бесконечное пережевывание ранее сказанного, настойчивость в соблюдении формальностей и т. п. нередко мешают, приводя к потере времени

без приобретения качества. Это свойство эпилептоидов принято на бытовом языке именовать занудливостью.

Широко известно эпилептоидное ханжество. Обусловленные их глубинной мизантропией подозрительность, недоверчивость, склонность во всем (даже в самых возвышенных поступках) видеть корысть, неверие в человеческую порядочность, с одной стороны, полностью девальвируют в их глазах понятия нравственности, а с другой — развязывают им руки в плане использования моральных норм для устрашения окружающих. Мораль воспринимается эпилептоидами как дубина, которой они всегда готовы взмахнуть, чтобы устранить соперников. Эпилептоиды любят сплетни (и порождать, и выслушивать), не гнушаются и клеветой.

К качествам эпилептоидов, связанным с накоплением и застоем возбуждения в их нервной системе (см. «общую характеристику»), относятся также азартность, склонность к запойному пьянству и садомазохизму в сексуальных отношениях.

Эпилептоид если не игрок, то болельщик. Страстный, безудержный, заранее готовый на жертвы (в т. ч. среди мирного населения). Эта тема не раз обсуждалась в мировой литературе и СМИ.

Отношение эпилептоида к алкоголю непростое. Органические изменения в нервной системе, лежащие в основе эпилептоидности, значительно снижают его способность справляться с алкогольной (как и любой другой) интоксикацией. Эпилептоиды жестоко страдают после употребления спиртных напитков (к слову, так же страдают они от резкой перемены погоды, атмосферного давления и т. п.). Поэтому в большинстве случаев они либо совсем отказываются от их приема, либо ограничиваются слабоалкогольной продукцией. Ситуация меняется, когда эпилептоид чувствует приближение приступа гнева, агрессии. Тогда, чтобы избавиться от неприятных переживаний, он начинает «глушить» себя крепким алкоголем. При этом алкоголь выступает в роли лекарства. «Лечение»,

соответственно, также имеет приступообразный — запойный — характер.

Садомазохизм, являющийся характерным стилем сексуального поведения эпилептоидов, коренится в их стремлении пощекотать себе «застоявшиеся» нервы, а также в жгучем желании поиграть с партнером (партнерами) в любимую игру «сильный-слабый», с переживанием абсолютного психического и физического превосходства (сексуального господства) или абсолютной зависимости (сексуального рабства).

Еще одним безынтересным качеством, сопряженным с эпилептоидный радикалом, является гомосексуализм. Не вдаваясь в подробности этого многогранного социального явления, скажем, что, несмотря на горячие призывы и выступления его сторонников и защитников, гомосексуализм никак нельзя признать вариантом поведенческой нормы.

Разумеется, это не болезнь (по крайней мере, в большинстве случаев). Так же как не является болезнью эпилептоидность. Однако следует констатировать, что гомосексуализм приводит к дегенерации. В буквальном переводе «дегенерация» означает «отсутствие следующего поколения», иными словами, неспособность оставить потомство. Кто же будет спорить, что гомосексуалисты — дегенераты (не в ругательно-бытовом, а в социально-биологическом смысле). Так что поощрять гомосексуализм, потворствовать ему экономически, морально, на взгляд автора, не следует.

Создается впечатление, что гомосексуализм — мягкая, гуманная форма удаления из социума «избытка» эпилептоидности. Своеобразный клапан, через который уходит лишний пар, чтобы котел не взорвался. При этом индивидуум, сексуальное влечение которого направлено на лиц одного с ним пола, не лишается возможности прожить насыщенную событиями и эмоциями жизнь, оставить после себя плоды своего труда, творчества... Но

генетическая линия, несущая мощный заряд эпилептоидности, на нем прервется.

Итак, уважаемые коллеги, мы познакомились с качествами поведения, обусловленными легким, не достигающим уровня болезни, органическим изменением головного мозга. Надеюсь, вы оценили диалектику природы — стоит избавиться от части нейронов, как сразу приобретаешь массу полезных свойств: аккуратность, чистоплотность, организованность, стремление структурировать хаос, способность овладевать тонкими технологиями, смелость, решительность... Конечно, у каждой медали две стороны. Разговор о диалектическом единстве и борьбе противоположностей мы продолжим в следующем разделе.

Но вначале, для закрепления пройденного, вот вам пример из автобиографической книги князя Кропоткина «Записки революционера»:

«Действительным начальником училища был... француз на русской службе полковник Жирардот... Нужно представить себе... человека, не одаренного особенными умственными способностями, но замечательно хитрого; деспота по натуре, способного ненавидеть — и ненавидеть сильно — мальчика, не поддающегося всецело его влиянию... Печать холода и сухости лежала на губах его, даже когда он пытался быть благодушным... По ночам... он до позднего часа отмечал в книжечках (их у него была Целая библиотечка) особыми значками, разноцветными чернилами и в разных графах проступки и отличия каждого из нас. Игра, шутки и беседы прекращались, едва только мы завидим, как он, медленно покачиваясь взад и вперед, подвигается по нашим громадным залам... Одному он улыбнется, остро посмотрит в глаза другому, скользнет безразличным взглядом по третьему и слегка искривит губы, проходя мимо четвертого. И по этим взглядам все знали, что Жирардот любит первого, равнодушен ко второму, намеренно не замечает третьего и ненавидит четвертого. Впечатлительных мальчиков приводило в отчаяние как это немое, неукоснительно

проявляемое отвращение, так и эти подозрительные взгляды. В других враждебное отношение Жирардота вызывало полное уничтожение воли... Внутренняя жизнь корпуса под управлением Жирардота была жалка. Во всех закрытых учебных заведениях новичков преследуют... Но под управлением Жирардота преследования принимали более острый характер, и производились они... воспитанниками старшего класса — камер-пажами... он предоставлял старшим воспитанникам полную свободу, он притворялся, что не знает... о тех ужасах, которые они проделывают... В силу этого камер-пажи делали все, что хотели... любимая игра их заключалась в том, что они собирали ночью новичков в одну комнату и гоняли их в ночных сорочках по кругу, как лошадей в цирке. Одни камер-пажи стояли в круге, другие — вне его и гуттаперчевыми хлыстами беспощадно стегали мальчиков. "Цирк" обыкновенно заканчивался отвратительной оргией на восточный лад... Полковник знал про все это. Он организовал замечательную сеть шпионства... Целых двадцать лет Жирардот преследовал в училище свой идеал: чтобы пажики были тщательно причесаны и завиты... За одно все-таки следует добром помянуть Жирардота. Он очень заботился о нашем физическом воспитании. Гимнастику и фехтование он очень поощрял. Я ему обязан за то, что он приучил нас держаться прямо, грудь вперед... Я ... имел склонность горбиться. Жирардот..., проходя мимо стола, выпрямлял мои плечи и не уставал делать это много раз подряд».

Задачи. Эпилептоиды хорошо справляются с рутинной, неспешной работой, требующей аккуратности и точности, внимания к мелким деталям.

Они — замечательные часовщики, токари, слесари, парикмахеры, краснодеревщики и ювелиры (если в характере присутствует еще и эмотивный радикал), хирурги... вообще — технологи, мастера-ремесленники.*

**Профессионализм в любом деле невозможен без эпилептоидности, поскольку что такое «профессионализм», как не внимание к технологии во всех ее мельчайших деталях?*

Вы в легком недоумении. «Хирурги — эпилептоиды? — спрашиваете вы. — А как же любовь врача к людям?».

Увы, дорогие мои коллеги, автор честно предупредил, что с некоторыми стереотипными взглядами вам придется расстаться. Хорошие хирурги, как правило, наделены выраженным эпилептоидным радикалом. Они придирчивы и требовательны к своим помощникам, они грубоваты, резки во взаимоотношениях, не любят «пускать слюни», избегают подолгу беседовать с больными. Зато они точны в движениях, чистоплотны и уж наверняка не забудут свой инструмент в теле пациента. Кстати, хорошие медицинские сестры, нянечки — тоже эпилептоиды.

Никто так аккуратно не сделает укол, не перестелит вовремя постель, не даст нужное (а не первое попавшееся под руку) лекарство, не наладит капельницу, не уберет в палате и т. д., как эпилептоид. У него все наготове, все в рабочем состоянии. А вы представляете себе, как это важно в больнице, где порой в борьбе за жизнь человека счет идет на минуты, на секунды!

Заметьте, все это он делает не из милосердия, а из... брезгливости к нечистоте, к беспорядку, к недисциплинированности, к нефункциональности. Кроме того, эпилептоид, беря под свою опеку существо очевидно слабое, неспособное конкурировать с ним за место под солнцем, инстинктивно начинает защищать его (каждый знает, с каким административным восторгом, с каким удовольствием по-эпилептоидному строгая медсестра не пускает к больному его близких, родственников).

Эпилептоиды — воины, бесстрашные и самоотверженные. Но не спешите, мои истероидно-эмотивные друзья, коллеги,

заглядывать к ним в душу, когда они выходят на тропу войны. Не инфантильный восторг прекраснородного патриота найдете вы там, а мрачную темную злобу, ненависть ко всему живому и, прежде всего, к агрессору, покусившемуся на святое — на собственность эпилептоида.

Эпилептоиды — контролеры. Божьей милостью! Их хлебом ни корми, лишай премии, угрожай внесудебной расправой, а они будут стоять непоколебимой стеной на пути нарушителей установленного порядка и правил, с особым удовольствием классифицируя этих самых нарушителей на «злостных» и «не злостных».

Лучшие вахтеры, налоговые инспекторы, таможенные досмотрщики и т. п. всех времен и народов — эпилептоиды. Да будь вы другом их детства, их шурином или зятем, их матерью, сестрой или любовницей — они все равно не пропустят вас на охраняемый объект без соответствующего разрешительного документа, не простят вам огрехов в документировании ваших доходов, заглянут вам — с целью проверки — туда, куда и мама родная не заглядывала.

Вот она — диалектика. Во всей красе. Получается, что для человеческого общества защита и подспорье во многих полезных делах, подчас — самое спасение, исходит от человеконенавистников...

Есть ли, вообще, то, чего нельзя поручать эпилептоидам?

Разумеется, есть. Исходя из тех же диалектических соображений. Если эпилептоида не остановить, он просто задушит общество, группу, подчиненного ему индивида своим сугубо формальным порядком. Задушит свободу во всех ее проявлениях, задушит дело. Помните, в известном американском фильме «Телохранитель» герой Кевина Ко-стнера настолько тщательно обустроивает систему безопасности своей подопечной — певицы (ее играет Уитни Хьюстон), что, в конце концов, ему остается лишь сделать последний логический шаг в этом направлении — вообще

запретить ей появляться на публике, то есть прекратить ее профессиональную деятельность. Совсем. Навсегда. И с какой страстью, с какой убежденностью в своей правоте он требует этого!

Эпилептоиду, с его подозрительностью и жестокостью, грубостью и придирчивостью, нельзя полностью доверять решение задач воспитания, обучения, управления. Он не воспитатель — он дрессировщик.

В определенном смысле, дрессировка как функция входит во все вышеперечисленные сферы деятельности. Следовательно, эпилептоидность как тенденция в характере учителя, управленца — вещь необходимая. Но она не должна доминировать. Иначе получится как в кино. Все будут петь жалобными голосами: «Да здравствует наш Карабас Удалой! Как славно нам жить под его бородой. Ведь он никакой не мучитель. Он просто наш добрый учитель». При этом все будут затравлены, запуганы, будут лишь Дружно маршировать и четко выполнять команды, а дело встанет.
.....

Не следует также, коллеги, поручать эпилептоиду поздравления с праздниками и юбилеями. Даже находясь в относительно миролюбивом настроении, он натворит бед. Желая обрадовать, развеселить — напугает, доведет до слез. Желая похвалить — оскорбит. Начав «за здравие», непременно кончит «за упокой». Что уж говорить о ситуации, когда в нем зреет раздражение и он, по своему обыкновению, становится нарочито, прицельно грубым и бестактным.

Особенности построения коммуникации. Как правильно вести себя с эпилептоидом? — Очень просто. Не нужно его пугать. Он перестает нервничать и становится вполне сносным партнером по общению и взаимодействию, если: а) контролирует ситуацию (прежде всего, не перегружен информационными потоками) и б)

видит, что ситуацию контролируете вы. Поэтому с самого начала покажите, что вы хорошо знаете свою личностную территорию, стережете ее границы, устанавливаете на ней свой собственный порядок дел и вещей... Иными словами, оставляете за собой право в ситуациях, затрагивающих ваши интересы, поступать так, как вы (а не кто-то другой!) считаете необходимым. В то же время, дайте ему понять определенно, что уважаете его право на собственность (в широком смысле). Пусть у себя дома хозяином будет он, а у вас — вы.

Если же эпилептоид в этом усомнился и вознамерился напасть на вас с целью взять под свой контроль — постарайтесь не дать ему сесть вам на шею. Не воспринимайте его попытки влезть с ногами в ваше индивидуальное пространство как знак расположения, доброжелательного внимания к вашей персоне. Покажите ему, что вы разгадали его намерения. Сумейте отстоять ваше право распоряжаться своими личными вещами, управлять своими поступками, мыслить, высказываться и действовать так, как вы хотите.

Приучите его подходить к вам с советами только тогда, когда вы его об этом попросили. Не принимайте от него подарков, которые явно покушаются на вашу самостоятельность: дорогих украшений, предметов одежды, билетов, путевок...

«Я считаю, что тебе непременно нужно съездить в этот санаторий, подлечиться». — «А я так не считаю. Если хочешь, сам поезжай. А мне больше нравится туризм. Я поеду в горы с друзьями». Примерно такой диалог должен стать образцом поведения с навязчивым эпилептоидом. Вы сомневаетесь, не слишком ли грубо? Не отдает ли неблагодарностью, хамством? — Правильно. Грубо. Отдает. Да что там «отдает» — разит! Но иначе нельзя. Иначе не только место летнего отдыха, но вообще «место» вам очень скоро будет найдено и жестко за вами закреплено — не забалуешь.

Существует золотое правило: чем раньше, т. е. на более ранних этапах знакомства вы окажете сопротивление эпилептоиду, тем психологически легче будет это сделать. Тем проще (без ссор, без изнуряющего агрессивного противостояния) вы получите в его классификации желаемую позицию — «сильный». Помните: эпилептоид энергетически не силен, он осуществляет экспансию на чужую территорию не от избытка темперамента. Он просто не может позволить, чтобы вокруг него царил беспорядок. Суть его взаимоотношений с окружающими можно выразить так: «Умеешь управлять своей территорией — управляй! Не умеешь (слаб, вял, глуповат, неорганизован и т.д) — уступи место мне (хотя мне и без тебя тяжело)».

А что же делать, если эпилептоид уже давно сидит на вашей шее? Или если он — ваш начальник? Понятно, что попытки жестко противостоять давлению в этом случае обойдутся слишком дорого. Эпилептоид не допустит «бунта на корабле». Остается единственная возможность. Эпилептоидам по сердцу их собственный стиль поведения. Поэтому, если не получается на равных бороться с ними за лидирующее место в группе, «в стае», заставьте себя... стать аккуратным. Для начала приучите себя не опаздывать на работу. Наведите порядок вокруг себя: в своем гардеробе, на рабочем месте, на кухне... Сложно? Понимаю, что сложно. Но напрягите для этого всю заложенную в вас эпилептоидность. И вам воздастся.

Эпилептоид, возможно впервые за годы совместной жизни (работы), почувствует в вас нечто, с его точки зрения, человеческое, достойное. Он непременно поставит вам «в плюс» подобные усилия. После этого можете смело заявлять свои претензии на завоеванное таким способом пространство, а затем — и на связанную с ним функцию (а это уже управление, власть).

Да, он командует фронтом, но домашними тапочками, своими и его, будете отныне командовать вы. И пусть он только попробует бросить их где попало... Так, шаг за шагом, устанавливая вначале

формальный порядок, а затем и правила поведения, можно подвинуть любого, самого грозного и неприступного начальника.*

**Только не вздумайте «качать права», настаивать на своем суверенитете, спорить, если у вас на рабочем столе и вокруг него разбросан мусор, если чистовые экземпляры документов хаотично перемешаны с черновыми и т. п. Иначе тут-то вы и почувствуете всю жесткость властной десницы начальника-эпилептоида. С его точки зрения, право на суверенитет нужно доказать. А доказывается оно собственным упорядоченным, функциональным, профессиональным поведением. Так что нечего на эпилептоида пенять, коль...*

Если этот, относительно простой, «недорогой» с точки зрения энергозатрат, способ поведения вам не под силу, что ж, тогда займите в иерархии эпилептоида то место, какое сможете. Смиритесь с его деспотичностью, грубостью.*

** Эти качества обостряются, когда эпилептоид чувствует себя «не в своей тарелке», когда ему кажется, что ситуация дома или на работе выходит из-под его контроля. При этом он особенно бесится по поводу неорганизованности членов своей «стаи», привносящей в его жизнь дополнительные (необязательные) сложности.*

Поймите, что по-другому общаться он не может. В награду вам достанется его защита. Будете жить за ним, как за каменной стеной...

А теперь, коллеги, вопросы и задания.

Вопросы и задания.

1. Назовите основную тенденцию, определяющую эпилептоидный стиль поведения. Как эта тенденция проявляется в

оформлении внешности, в деятельности, в отношениях с другими людьми?

2. Как вы думаете, почему эпилептоиды так любят при любой возможности вырваться из города на природу, в деревню?

3. Что обычно приходит в голову эпилептоиду, когда он едет на работу в переполненном общественном транспорте? (Постарайтесь ответить на этот вопрос не вслух и не при детях.)

4. Найдите признаки эпилептоидности в персонаже поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» Собакевиче. Приведите собственные примеры эпилептоидного поведения.

5. Для каких профессий, помимо названных в тексте главы, эпилептоидность является необходимым качеством? Каким она существенно препятствует?

Глава 4

Паранояльный радикал

Помните, коллеги, эпиграф к знаменитой некрасовской «Железной дороге»: «Папаша, кто строил эту дорогу? — Граф Петр Андреевич Клейнмихель, душенька»?

Поэт гневно и вдохновенно опровергает это мнение господина «в пальто на красной подкладке». Нет, дескать, Ваня, не

сиятельный граф трудился в поте лица, а простой, голодный и изможденный народ. Под надзором графских опричников — супервайзеров.

Так кто же все-таки строил историческую железнодорожную магистраль, соединившую две российские столицы? Кто вообще строит дороги, мосты, здания, ракеты, политические партии и прочее, что требует трудолюбия, настойчивости и участия большого количества людей?

Козни, как мы теперь знаем, строят эпилептоиды. А все остальное — кто? Попробуем разобраться в этом в процессе изучения парано-яльного радикала.

Общая характеристика. Начнем с вопроса: что, на ваш взгляд, отличает философа от практика?

В представлении автора основное отличие заключается в том, что философ признает диалектику бытия, а практик — нет. Это означает, что философ понимает (хоть и не всегда отчетливо, но все же) диалектическую двойственность любого явления, события, решения. Он знает: все, что происходит в этом мире, одновременно рождает свою собственную противоположность. В каждом тезисе заключен антитезис.

Человечество с целью выживания добывает нефть. Нефть и ее продукты нас согревают, позволяют нам перемещаться на дальние расстояния в относительно короткие сроки. В недалеком будущем (как ни печально сознавать) они станут основой продуктов питания... Но, добывая нефть, человечество наносит непоправимый вред природе, разрушает окружающую среду, тем самым лишая себя возможности выжить. Замкнутый круг. Одно не существует без другого.

Попробуем зайти с противоположной стороны. Человечество всеми силами сохраняет природу в неприкосновенности, для чего закрывает шахты, заводы, уничтожает транспорт, переходит на

натуральное хозяйство. Воздух, вода, почва очищаются от загрязнения. Восстанавливаются нарушенные экосистемы. Люди дышат легко, живут весело, ...но недолго. Останавливается прогресс, резко ухудшается качество жизни, снижается ее продолжительность. Человечество теряет все свои интеллектом, потом и кровью завоеванные преимущества, становится на грань выживания. И снова замкнулся круг.

Философ это понимает. Он говорит: «Все — суета сует». И остается созерцателем. Вынужден им быть. Ведь для того, чтобы стать деятелем, активным преобразователем мира, нужно остановиться на чем-то одном, выбрать из двух альтернативных возможностей — только одну.

В каждом явлении, таким образом, содержатся неразрывно связанные, взаимообусловленные «да» и «нет», но нельзя одновременно сказать «да-нет». Либо «да», либо «нет». Иначе любая интеллектуальная модель любой части бытия так и останется лишь умозрительной. Нельзя реализовать на практике амбивалентную модель. Практика требует конкретности, определенности.

Нужно выбрать цель и добиваться ее, закрывая глаза на все остальное. Так поступают практики. Один добывает нефть. Другой — восстанавливает леса, очищает водоемы.

Теперь зададимся вопросом: почему один человек понимает мир (и, соответственно, ведет себя) как философ, а другой — как практик? Может быть, это происходит по желанию? Захотел — пофилософствовал на тему о диалектическом единстве и борьбе противоположностей, надоело — взялся за проектирование, а там и за прокладку туннеля под Ла-Маншем? Мы противоречили бы себе, если бы ответили на этот вопрос положительно. Разумеется, нет. Желание здесь ни при чем. Вернее, желание возникает тогда, когда в характере человека объективно существуют адекватные ему внутренние условия, когда человеку сложно, а порой — невозможно действовать иначе.

Когда же возникает желание создать нечто реальное, по-настоящему значительное, а то и, чем черт не шутит, масштабное? — Когда у человека есть для этого силы, энергия, которая буквально «распирает» его, не дает ему сидеть, сложа руки. Это первое условие. А второе — когда он четко видит цель, то есть предполагаемый результат своей деятельности. Когда он уверен, что ему ничего, кроме этой цели, не нужно, что он поступает единственно верно, добиваясь именно этой цели, что этому нет альтернативы.

Можно предположить, переходя с поведенческого на нейрофизиологический уровень, что внутренними условиями подобной прагматической, нацеленной на достижение конкретного результата стилистики поведения (не буду вас больше интриговать, вы и так уже догадались, что в этом случае мы говорим о паранояльной тенденции) являются: а) сильная нервная система (энергичность, работоспособность) и б)... легкие органические изменения в головном мозге.

Снова «здорово»! — скажете вы. — Опять органические изменения? Они-то с какого боку?

Давайте, разберемся. Ну, против сильной нервной системы, надеюсь, возражений нет. Что же, если не она, обеспечивает энергетический потенциал, необходимый для воплощения замысла в жизнь? А вот откуда берется целенаправленность?

Судя по всему, она является результатом длительной концентрации (то есть застоя) возбуждения в системе нейронов, обеспечивающей выполнение данной (а не какой-то другой!) деятельности, решение конкретной задачи. Иными словами, не было бы этого застойного возбуждения, не было бы и направленности на цель. Энергия расплылась бы, была бы израсходована на множество разрозненных, разнонаправленных поступков (как это происходит у обладателей гипертимного радикала).

В свою очередь, застой возбуждения обусловлен органическими изменениями в нейронах. При формировании паранояльного радикала, по-видимому, органический процесс не достигает той степени выраженности, которая приводит к заметному ослаблению нервной системы (как это происходит у эпилептоидов), но, тем не менее, лишает психику гибкости, способности быстро переключаться с одной задачи на другую.*

**Можно предположить, что небольшое (по нейродинамическим меркам) снижение скорости переключения нейронов с одного контакта на другой делает энергетически невыгодным, неэффективным формирование новых нейронных ансамблей, отвечающих за решение новых поведенческих задач. Решаемая задача становится основной, приоритетной, притягивает к себе все имеющиеся ресурсы. Тем самым обеспечивается целенаправленность и результативность поведения. Образно говоря, симфоническому оркестру Большого театра не к лицу срываться с места посреди увертюры и мчаться через улицу, в Театр оперетты, чтобы сыграть там пару тактов и стремглав нестись обратно. Сели — так играйте!*

Параноик (давайте так — любовно — называть обладателя доминирующего паранояльного радикала) склонен к «застреванию». Но, в отличие от эпилептоида, ослабленного и оттого застревающего на эгоистических тревожно-агрессивных переживаниях, параноику хватает сил застревать не на поверхностных, формальных, а на содержательных сторонах жизни и деятельности. И, застревая, переделывать, преобразовывать их.

Ощущая в себе большой заряд энергии, параноик, как правило, ставит перед собой задачи, сложность и масштабы которых объективно превышают возможности индивидуума.

При этом он переживает необходимость решения этих задач как свою собственную, лично значимую проблему. Это очень важно! С одной стороны, он не хочет отказываться от задуманного, но с другой — реально не в состоянии воплотить в жизнь свои намерения в одиночку. Вот из чего рождается настоящее лидерство.

Параноик — истинный лидер. Он твердо знает, чего хочет. Он преисполнен целеустремленности и энергии.

Он воспринимает окружающих как подспорье в реализации своего масштабного замысла, по сути — как часть самого себя.

Пример 7

Примером тому может служить любой масштабный политик-преобразователь, основатель научной школы, театра, бизнеса... Для таких все, кто рядом — соратники, остальные — противники, оппоненты. При этом кровное родство значения не имеет. Параноик отдаст свое дело в руки истинному последователю, а не родному сыну, если эти социальные роли не совпадают. Таков был Петр Великий, издавший указ о престолонаследии, по которому российский император получал право сам определять кандидатуру следующего за ним государя — преемника. Для Петра его реформы — дело всей жизни — были важнее корпоративных интересов династии Романовых.

Истероид, желая быть на виду, тоже претендует на лидерство. Но, как и все остальное в его исполнении, это не более чем очередная имитация, создание иллюзии. Да что и говорить, выполнению представительских функций истероида учить не надо. Ах, как великолепно он смотрится в президиуме! Ах, как вдохновенно вещает с трибуны! Ах, какой грозный он и одновременно покровительственный в помпезном начальственном кабинете, восседая на троне!.. Ах, как величественно он принимает верительные грамоты от иноземных послов! Прекрасно. Вот только главного от него не дождетесь — реального дела. Все начнется и закончится «распушением хвоста» и сотрясанием воздуха.

Стремится к лидерству и эпилептоид. Он хочет быть вожаком стаи. Жестким, авторитарным, требовательным. Но что он способен требовать от других? — Порядка. Дисциплины.

Покорности. Страха. Подобострастия... Не более. На этом его социально-психологическая программа заканчивается. Эпилептоид не ставит новых преобразовательных задач. В лучшем случае, он может заставить других выполнять рутинные задания в законсервированных, стабильных условиях существования организации (если только эти «другие» не разбегутся кто куда из-под его грубого диктата).

Из многочисленных функций управления эпилептоид относительно хорошо справляется с распределением обязанностей между исполнителями и контролем промежуточных и окончательных результатов работы. А это, согласитесь, не есть полноценное лидерство.

Вернемся, однако, к параноикам. Их психологическая (как мы теперь понимаем, природой предначертанная!) позиция лидера порождает характерную этику и эстетику. Предлагаю, коллеги, обсудить эту важную тему в следующем разделе.

Внешний вид. Поскольку не существует специфического параноического типа телосложения, начнем сразу с эстетики, то есть в нашем случае — с оформления внешности.

Параноики всем стилям предпочитают классический (они, собственно говоря, его и создают). И не только в одежде.

У классического стиля есть три, как минимум, качества, созвучных параноической тенденции. Первое: он выдержал испытание временем. Второе: его признает подавляющее большинство людей, он понятен и близок массам.

И третье, главное: классический стиль в мировой культуре отражает совершенно определенную социальную позицию — безусловный приоритет общественных целей, ценностей над индивидуальными. И это становится основой параноической этики.

«Единица — вздор! Единица — ноль! Голос единицы тоньше писка», — заявляет классический стиль устами Маяковского.

Примерно о том же самом говорит и параноик, выбирая прическу, одежду, обувь строгого, без излишеств, классического стиля.

В этом стиле, в отличие от спортивного, отсутствует агрессия (точнее, агрессивность индивида). Отсутствует также яркость и, стало быть, претензия на исключительность. Классический стиль, с его тенденцией к унификации формы, с его прямыми углами, заряжен социальным, а не индивидуалистическим содержанием. Он отражает уверенную, консолидированную силу общества и, соответственно, готовность служить его интересам, общественному благу.

Если в характере человека параноичный радикал сочетается с истероидным, то на его одежде (и в его руках) появляются разного рода знаки принадлежности к идеологическим или профессиональным группировкам: надписи на майках, значки с изображением руководителя партии или с ее девизом, флаги, цеховые эмблемы*...

**Человек с доминирующим истероидным радикалом — без параноичного — прицепил бы на майку значок с надписью «Это я — Вася», а вовсе не с ликом вождя. В то время как отсутствие истероидности в характере делает ношение значков вообще не актуальным. Обратите внимание, коллеги, история все та же: чем больше истероидности — тем больше показухи, всевозможных деклараций, тематических шествий и т. д. и тем меньше реального действия.*

Оформление пространства параноиком сводится к превращению любого помещения в рабочий кабинет. Он — трудяга, влюбленный в свою работу. Поэтому все, что его окружает, носит на себе отпечаток его основной деятельности, выбранной им цели.

Уместно вспомнить, что истероид оформляет собственное пространство с единственным намерением — произвести на своих

гостей, сослуживцев и т. д. яркое, незабываемое впечатление. Он изоцряется как только может, наполняя дом (офис) своими портретами, модными причиндалами, оригинальными цацками... В подобном интерьере есть все, кроме одного — там не предусмотрено место для работы.

В отличие от истероида, у эпилептоида есть рабочая зона, где он занимается своими поделками, хранит инструменты. Но эта зона — одна из многих функциональных зон, не более. Существуют и другие. Ревнитель формального порядка — эпилептоид не станет, к примеру, принимать пищу в спальне или выпиливать лобзиком, сидя за обеденным столом.

Параноик работает везде, где он находится. За чашкой утреннего чая он дорисовывает схему, которую не успел закончить прошлой ночью, потому что его, несмотря на выпитый им в одиночку кофеин, все-таки сморила усталость. Принимая душ и затем одеваясь, он в режиме бормотания проговаривает тезисы своего выступления на предстоящем производственном совещании, с удовольствием перебирая в уме наиболее актуальные и трудоемкие задачи. Ложась в постель, он кладет рядом с подушкой телефон, чтобы ни в коем случае не проспять какое-нибудь важное событие, чтобы ни одна значимая проблема не была — не дай бог! — решена без его участия.

Если при этом в реальном характере присутствует еще и шизоидная тенденция, благодаря которой человек просто не убирает за собой, то интерьер постепенно наполняется овеществленными идеями и замыслами — чертежами, моделями, черновиками служебных записок, технико-экономических обоснований и т. д. и т. п.

Наличие эмотивного радикала (и об этом мы поговорим в свое время) пробуждает тягу к искусству. При доминирующем паранояльном радикале это будет классическое искусство, т. е. искусство, наполненное глубоким социальным содержанием (даже порой в ущерб достоверности).

Знаменитый русский художник, знаток российского быта Коровин, преклоняясь перед величием таланта Репина, тем не менее критиковал его картину, вошедшую в наше среднешкольное сознание под названием «Бурлаки на Волге».

«Илья Ефимович, — говорил Коровин (из воспоминаний художника, в вольном пересказе автора) Репину, — и где же, позвольте вас спросить, вы видели таких неавантажных, с позволения сказать, бурлаков? Этих доходяг, оборванцев, бомжей в последней стадии чахотки? Это какой же идиот-купчина доверит подобным, мягко говоря, работничкам тянуть свою баржу? Он так и к зиме на ярмарку не успеет. Настоящие бурлаки (а уж их-то, слава Богу, я перевидал немало, каждый год путешествуя по России-матушке) — ребята крепкие, мощные, румяные, здоровые. А как иначе? Свежий воздух, физический труд, отменное питание — осетрина, белужина, рассыпчатые каши, обильно сдобренные натуральным растительным, а то и сливочным маслом, молоко, ягодные кисели, саратовские вкуснейшие калачи... Помилуйте, Илья Ефимович, но в жизни не бывает таких картин, как Ваши "Бурлаки". Репин угрюмо отмалчивался.

Зато Горький и Шаляпин были в восторге от этого произведения. Они (между прочим, оба — волгари, знавшие быт не хуже Коровина) видели в нем другое — глубоко эмоциональное и высокохудожественное раскрытие актуальной темы угнетения простого народа богатеями-эксплуататорами. Темы настолько важной, что ради нее не то что слегка погрешить против правды жизни, но и отдать самое жизнь — не будет много.

Таким образом, стремление не столько украсить интерьер, сколько наполнить его социально направленным содержанием за счет произведений классического стиля (нравоучительных картин, скульптур, книг и т. п.) — психодиагностически значимый признак паранояльной тенденции.

Паранояльность обнаруживает себя и в двигательной активности человека — в его мимике (в меньшей степени, хотя,

понятно, что на лице параноика отражается его уверенность в себе, в правильности выбранного пути, его сосредоточенность деятеля) и жестикуляции.

Параноиков отличают, по крайней мере, два варианта излюбленной жестикуляции: направляющая и ритмообразующая.

Поскольку параноик всегда уверен, что только он один знает, куда нужно идти, где искать счастья — он охотно показывает это направление всем желающим. «Указующие персты», «простертые длани» (как свободные, так и с зажатыми в них головными уборами) — жесты, типичные для параноиков. Они уверенно тычут пальцем не только в некую «светлую даль», но и, например, в книжную страницу, в лозунг на транспаранте, в чертеж, словом, туда, где четко и ясно выражены их принципы, намерения, Цели, символы их веры. Дескать, глядите, читайте, усваивайте, олухи царя небесного. Вот — правда (тычут в чертеж), а там (тычут в «светлую даль») — счастье! Не век же вам дурнями жить.

Речь параноика часто сопровождается постукиванием по столу кулаком, ребром ладони, негнувшимся напряженным пальцем. Такое впечатление, что он тем самым задает ритм своим словам, обозначая начало и конец каждой фразы. Он словно вбивает в голову слушателям высказываемые мысли. Подобные ритмообразующие жесты часто сочетаются с направляющими: тычки пальцем в чертеж становятся ритмичными.

Кроме того, желая завладеть вниманием индивидуума, параноик нередко сокращает (в физическом смысле) дистанцию между собой и собеседником. Он хочет быть лучше понятым. Он, хватая собеседника за рукав, за лацкан пиджака, за пуговицу, притягивая его поближе к себе, глядя ему в глаза, требует сосредоточенности, лишает возможности увильнуть от разговора.*

**Что отличает параноика от истероида, который в аналогичных ситуациях дистанцию, напротив, увеличивает, чтобы его могли получше рассмотреть.*

Качества поведения. Паранояльная тенденция в характере — это целеустремленность, настойчивость, уверенность в себе, высокая работоспособность, упорство в преодолении препятствий, лидерство, т. е. объективная потребность в помощниках, обусловленная масштабностью замыслов. Об этом, коллеги, мы уже говорили с вами.

Значит ли это, — спрашиваете вы, — что паранояльный радикал делает его обладателя безусловно полезным обществу? А как же быть с полюбившейся нам диалектикой, согласно которой, грубо говоря, в каждой пользе содержится ровно столько же вреда? Или параноик — исключение?»

Нет, друзья, вы снова зрите в корень. Полагаю, вы заметили, что мы все время оставляем такую важную составляющую психики, как интеллект, за рамками рассуждений о характере.

Почему мы не говорим об интеллекте? Да потому, что интеллект (под которым принято понимать результат функциональной интеграции познавательных психических процессов: памяти, внимания, мышления и др.) не определяет стилистику поведения в том смысле, о котором ведем речь мы. Иными словами, он не добавляет новых красок, особенностей (кроме ситуации с шизоидным радикалом, но об этом позже). Интеллект определяет уровень сложности усваиваемых поведенческих стереотипов и, как следствие, уровень социальных результатов поведения. Интеллект, таким образом, является не формообразующим фактором, а ресурсом поведения. Так же, как, например, материальный достаток.

Чем, с этой точки зрения, будут отличаться поступки, взгляды, ценности и т. д. богатого и умного истероида от таковых, присущих бедному и глуповатому истероиду? Разумеется, не стилем. Стилль будет одинаковым: позерство, претенциозность,

стремление вызвать своим поведением социальный резонанс. Просто богатство и интеллект — сразу или постепенно — приведут человека в соответствующую элитную общественную группу, где ему придется хвастать перед другими не грошовой бижутерией, а редкими бриллиантами, не яркой расцветки «юбочкой из плюша», купленной в недорогом магазине готового платья, а эксклюзивными нарядами от всемирно известных домов моды; имитировать не дворового героя — короля вульгарных застолий и мелких потасовок, а члена парламента или полководца...

То же самое можно сказать и в отношении обладателей других радикалов. Высокий интеллект обеспечивает накопление информации лучшего качества и объема, благодаря чему появляется способность отличить по-настоящему значимую вещь от дешевки.

Теперь представьте себе параноика, обделенного интеллектом. Каких целей он станет добиваться, не считаясь с энергетическими и людскими затратами? Представили? — Вот именно. Это не человек, а братоубийственный снаряд, каток — бессмысленный и беспощадный. Не пользу принесет, а непоправимый вред нанесет он обществу.

Пример 8

Увы, примеров тому немало. Вспомнить хотя бы одного из советских лидеров (обделенного не столько интеллектом, сколько знаниями), который заставлял колхозников выращивать кукурузу в ущерб другим сельскохозяйственным культурам; увлекшись ракетостроением, чуть было не уничтожил военную авиацию как «отжившую»; объявив «соцреализм» единственно верным направлением в искусстве, расправлялся с плодами творчества талантливых художников, поэтов, писателей, которые не вписывались в эту доктрину и т. п.

Идем дальше. Знаменитое паранояльное упорство, уверенность в собственной правоте — разве зачастую не оборачивается упрямством, нежеланием и неспособностью услышать своего оппонента, воспринять иную, возможно, более рациональную точку зрения? — Да. Оборачивается. И еще как! Сколько полезных, перспективных замыслов было пущено под откос параноиками! Только потому, что это были не их замыслы. Ни в грош не ставя чужие, собственным идеям параноики (далеко не всегда объективно) придают повышенное значение.

Пример 9

Сегодня уже в прошлом некогда горячий спор о целесообразности восстановления Храма Христа Спасителя в Москве. В путеводителе по столице начала двадцатого века — во времена существования оригинала этого грандиозного сооружения — было сказано: «При его возведении архитектор Тон не выказал достаточно таланта». Стоило ли вкладывать колоссальные средства в строительство этого храма по его старым чертежам? Зачем? Повторять ошибку Тона, чтобы повторно выслушивать нелестное мнение горожан по этому поводу? Автор не берется судить и становиться на чью-либо сторону в этом споре. Хочется только сказать, что у этого проекта была альтернатива и не одна. За время возведения златоглавого колосса окончательно разрушились и теперь не подлежат восстановлению многие архитектурные и исторические памятники нашей столицы (в том числе — церкви). В очередной раз одни параноики победили других за счет большего административного ресурса.

Рассмотрим целеустремленность. Условием ее возникновения, как было уже сказано, является превращение в сознании человека объективно амбивалентной идеи в субъективно моновалентную или, говоря по-русски, в одностороннюю.

Однобокость восприятия мира является оборотной стороной этого качества. Однобокость и упрощенность. Поскольку нельзя захватить сознание масс идеей (занятие, любимое параноиками!), не упростив ее до понятного всем и каждому лозунга. А упрощение идей, коллеги, нередко извращает их истинный, первоначальный смысл. С водой, понимаете, и ребенка недолго выплеснуть.

Пример 10

Так, идея анархии состоит вовсе не в разрушении общественных устоев. Ее суть, согласно воззрениям великого анархиста князя Кропоткина, заключается в передаче властных полномочий (т.е. рычагов управления обществом) с государственного на корпоративный (цеховой) и муниципальный уровни. Это возможно при условии, если значительная часть функций государства (война, дипломатия, эмиссия денег и т. д.) объективно утратят смысл в ходе социальной эволюции, и вместе с ними станут не нужны государственные структуры и учреждения. Таким образом, чтобы приблизить идею анархии, необходимо день и ночь трудиться над созданием деловых корпораций, предприятий, развивать муниципалитеты и подобные им формы местного самоуправления граждан, налаживать внутри- и межотраслевую кооперацию... Делом доказывать, что и без государства общество не разрушится, а наоборот, приобретет невиданный созидательный потенциал. Можно ли все это внедрить в сознание революционно настроенных масс? У кого хватит терпения и здравомыслия на воплощение подобных непростых, трудоемких социальных моделей? Псевдо-анархисты, вроде батьки Махно, взяли на вооружение из всего этого только идею низвержения государства, а вместе с ним и остатков морали, законности... И принялись за ее реализацию не жалея сил. То же самое произошло и с марксизмом. Марксизм — философия. Ленинизм — социальная политика и стратегия (Ленин — великий

социолог!). Вдумаемся, как далеки они друг от друга по своей сути!

Лидерство, производное от масштабности замыслов, — ценное качество, кто спорит. Но лидер-параноик посвящает свой труд, свою жизнь не сегодняшним, а будущим поколениям. Он надевает тяжелое ярмо на себя и на своих соратников-современников, тем самым лишая всех окружающих его людей обыкновенных человеческих радостей и желаний. «Крепитесь, друзья, — говорит параноик, — скорее всего, мы погибнем, надорвавшись от непосильного труда, но наши потомки (при этих словах нездоровый блеск его глаз усиливается) будут жить счастливо!».

Позиция, достойная аплодисментов, если отвлечься от мысли, что и на потомков найдутся свои параноики. Проблемы индивидуальности параноику неведомы, он их брезгливо отбрасывает от себя, воспринимает как недостойное нытье. Он считает людей десятками, сотнями тысяч, миллионами и миллиардами... Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Параноик жаждет и добивается коренных преобразований во всем, за что ни возьмется. Он глубоко копает. Во многих случаях это хорошо. Без этого мир застыл бы на месте и погиб. Но, коллеги, вспомните наши рассуждения о диалектике глубины и поверхностности (см. главу 2). Вспомнили? То-то и оно.

Добавим к сказанному негибкость параноиков, их склонность во всех ситуациях следовать одним и тем же, раз и навсегда избранным путем* — и психологическое описание качеств поведения (в первом приближении, разумеется), присущих этой тенденции, готово.

*Вдумаемся: параноическая преданность идее — это следствие тревоги, которая присутствует в нервной системе и является порождением органических изменений, ослабляющих ее. Параноик боится отклониться от

избранного пути, держится за идею, как за поручень, но его сил, энергии все же хватает, чтобы довести замысел до стадии воплощения.

Задачи. Любая задача, предполагающая получение конкретного результата, может быть доверена параноику. Нужно только знать, что он сразу же постарается укрупнить замысел, увеличить масштабы решаемой задачи, вывести ее из разряда обычных, заурядных в первоочередные. Затем он развернет деятельность столь бурную, что все прочие цели, стоящие перед организацией, отступят под этим натиском на второй план. Повторяю, задача может быть любая. Даже самая, на первый взгляд, нереальная.

Русский философ Николай Федорович Федоров (1828-1903) в качестве главной миссии человечества провозгласил воскрешение всех ранее умерших («отцов»). Действительно, с гуманистической точки зрения, смерть человека, переход его из бытия в небытие — величайшая несправедливость. А как же мысли, чаяния, чувства, привязанности, уникальный опыт каждого из живших и живущих донине на этой планете? — Все в землю ляжем? Все прахом будет? Обидно. «Нужно, — призывал Федоров (вольный пересказ автора), — сделать все возможное и невозможное, все мыслимое и немислимое, чтобы воскресить дорогих нашему сердцу мертвецов». Вот так. Ни больше, ни меньше.

На первый взгляд, идея завиральная. Но не тут-то было. Уже младший современник и последователь Федорова - К.Э. Циолковский (1857-1935) — ставит эту задачу перед собой как вполне реальную и старается перевести ее решение на технологический уровень.

«Хорошо, — говорит он себе, — мы их воскресим, не вопрос. Но где все они будут жить, чем питаться? Возможности Земли в этом плане ограничены, а народ будет все прибывать и прибывать».

И Константин Эдуардович начинает усиленно думать об освоении околоземного пространства, о строительстве искусственных спутников Земли — обитаемых орбитальных станций, где и должны будут поселиться вернувшиеся к жизни люди. В результате ученый выдвигает целый ряд важнейших научных идей, принципов, ставших основой космонавтики, ракетостроения.

В свою очередь, младший современник и последователь К.Э. Циолковского — С.П. Королев — превращает космонавтику из новаторской, полуфантастической идеи в ведущую отрасль науки и промышленности мировой сверхдержавы — Советского Союза, которая (отрасль), кстати сказать, во многом надорвала «экономический пупок» нашего многострадального Отечества.

Конечно, в современной космонавтике вряд ли что осталось от первоначального федоровского замысла. Но не торопитесь его (простите за невольный каламбур) хоронить. Не перевелись на свете параноики. Разве модное нынче клонирование (с прицелом на клонирование человека) — не шаг по пути, предначертанному Федоровым? Интересная мысль, не правда ли?

Итак, параноик любую задачу превратит в главную, приоритетную и добьется реального результата. Зароните ему в голову идею социальной справедливости посредством уравнивания доходов и ждите, когда вас придут раскулачивать. Причем делать это будут его (и отчасти вашим) именем.

Поручите ему создать, скажем, юридический отдел в строительной фирме, и вскоре его усилиями эта фирма превратится в адвокатскую контору с маленьким строительным подразделением, ведущим лишь собственное строительство хозспособом.

Не следует поручать параноику работу, требующую внимания к конкретному человеку, к его индивидуальным проблемам. Из параноика плохой социальный работник, врач, воспитатель. Он не хочет и не умеет «беседовать по душам»,

сочувствовать, сопереживать, вообще, тратить время на «единицу».

Не может параноик и соотносить свое мнение с мнением других людей, вносить коррективы в собственную позицию. Поэтому переговорщик из него неважный — негибкий, упертый, стремящийся подавить оппонента. Думаю, вы догадываетесь, к какому результату приведет подобная манера вести переговоры? Конечно, к полному разрыву отношений, к конфронтации.

Особенности построения коммуникации. Грубой коммуникативной ошибкой в отношении параноика будет попытка его переубедить. Это не значит, коллеги, что автор рекомендует исключительно пораженческую позицию. Нет. Просто как бы вы ни старались, как бы ни были красноречивы и доказательны в речах, обращенных к параноику, он не воспримет их, останется при своем мнении, и вы даром потратите силы.

Как же быть? — В представлении автора, если идея, которой предан параноик, цель, которой он беззаветно служит, вас напрямую не затрагивают — оставьте его в покое. Пусть себе работает, стремится, достигает. Не спорьте с ним ради самого спора — дешевле обойдется.

Если же он оказался прямо на вашем пути, что вынуждает вас либо бороться, либо сдаться, — боритесь. Только не с ним непосредственно. Выходите на вышестоящий уровень, на руководство (с надеждой, что там нет его единомышленников, или что там нет параноиков, а с истероидами, эпилептоидами и т. д. справиться значительно легче). Отнимайте у него ресурсную базу. Апеллируйте к общественности, вербуйте сторонников. Вовсю эксплуатируйте собственную паранояльность.

А если ее в вас мало — сдавайтесь. Устраивайтесь ему в кильватер и, уверяю вас, вы не пожалеете. Благодаря флагману (он же — локомотив) параноику вы далеко продвинетесь в своих

социальных достижениях. Вспомните, например, скольких своих соратников Королев «вывел» в академики, в герои труда...

Параноик снисходителен к бывшим оппонентам. Когда они приходят к нему с повинной, параноик воспринимает это как само собой разумеющееся. Конечно, ведь он-то никогда не сомневался в своей правоте, деля мир на единомышленников (т. е. праведников) и инакомыслящих (т. е. заблудших). Поэтому для него переход из стана заблудших в стан праведников — событие естественное и желанное.*

** Это свойство коренным образом отличает параноика от эпилептоида. У эпилептоида нет символа веры, нет определенной цели. Ему безразлично, во что верят другие. Главное — из какой они «стаи». С его точки зрения, попытка некой особи перейти из своей стаи в чужую — признак слабости, поражения. А слабых, тем более чужаков, надо наказывать, и пребольно. Что эпилептоид активно и осуществляет.*

Завершая разговор о параноическом радикале, давайте дадим свой ответ на вопрос, заданный в начале главы: так кто же строил железную дорогу?

Насыпь, вероятно, делал какой-нибудь Силантий, рельсы укладывали Дормидонт с Прокопием, шпалы прибывали к полотну Захар с Никитой... Зосима пилил осины, Герасим валил их наземь, Прокоп вел подкоп...

А железную дорогу, все-таки, строил граф Петр Андреевич Клейнмихель!

Аналогичный случай описан Ильфом и Петровым в замечательном романе «Двенадцать стульев».

«Фамилия инженера была Треухов. Трамвайная станция, постройка которой замерла на фундаменте, была задумана Треуховым уже давно, еще в 1912 году, но городская управа проект отвергла. Через два года Треухов возобновил штурм городской управы, но помешала война... Треухов мечтал о большом деле. Ему нудно было служить в отделе по благоустройству Старкомхоза, чинить обочины тротуаров и

составлять сметы на установку афишных тумб. Но большого дела не было. Проект трамвая, снова поданный на рассмотрение, барахтался в высших губернских инстанциях... "Это варварство", — кричал Треухов на жену. — Денег нет? А переплачивать на извозопромышленников, на гужевую доставку на станцию товаров есть деньги?"... Он вынимал из стола напечатанные светописью на синей бумаге чертежи и сердито показывал их жене в тысячный раз. Тут были планы станции, депо и двенадцати трамвайных линий... Все хозяйственные работы по дому он выполнял сам. Он сконструировал и построил люльку для ребенка и стиральную машину. Первое время сам стирал белье, объясняя жене, как нужно обращаться с машиной. По крайней мере, пятая часть жалованья уходила у Треухова на выписку иностранной технической литературы. Чтобы сводить концы с концами, он бросил курить... Вопрос решился благополучно... Треухов утонул в работе».

Трамвай в Старгороде, как вы помните, был пущен в эксплуатацию в аккурат к Дню международной солидарности трудящихся.

Вопросы и задания

1. Каковы внутренние условия формирования паранояльного радикала? Какие качества поведения связаны с этим радикалом?

2. Рассуждая об особенностях построения взаимоотношений с обладателем выраженного паранояльного радикала, автор, с неизвестно откуда взявшейся агрессивностью, советовал конкурировать за ресурсы. В ряде случаев это, действительно, уместно. Однако отношения между людьми наиболее эффективно строить на базе сотрудничества. Как вы полагаете, можно ли

сотрудничать с параноиком, и на какой почве? Ответ подкрепите примерами.

3. Назовите известных вам людей, наделенных доминирующим паранояльным радикалом. Постарайтесь собрать о них побольше информации, иллюстрирующей наличие данного радикала. (Вообще, коллеги, пора бы вам завести блокнот, куда будете записывать ваши собственные наблюдения, закрепляющие теоретический материал.)

Глава 5

Эмотивный радикал

«Комната князя Андрея была в среднем этаже... Он услышал сверху женский говор.

— Только еще один раз, — сказал сверху женский голос, который сейчас узнал князь Андрей.

— Да когда же ты спать будешь? — отвечал другой голос.

— Я не буду, я не могу спать, что же мне делать! Ну, последний раз...

Два женские голоса запели какую-то музыкальную фразу...

— Ах, какая прелесть! Ну, теперь спать, и конец.

— Ты спи, а я не могу, — отвечал первый голос... — Соня! Соня! Ну, как можно спать! Да ты посмотри, что за прелесть! Ах,

какая прелесть!.. Ведь такой прелестной ночи никогда, никогда не бывало. .. Нет, ты посмотри, что за луна!»

(Л.Н. Толстой «Война и мир»)

Сколько страсти! Сколько чувства! Наташа Ростова (а «первый голос», как вы помните, коллеги, принадлежит именно ей), в отличие от ее подруги Сони, переполнена эмоциями. Она купается в них, как в пьянящем потоке, и хмелеет на глазах. Это не имитация, не полуинтуитивное стремление очаровать своим поведением князя Андрея Болконского, который в это время «стоял позадь забора». Нет. Это по-настоящему глубокие и красивые переживания.

Кому же они свойственны? Кто этот счастливчик, баловень судьбы и любимец природы? Конечно, обладатель эмотивного радикала. Но обо всем по порядку.

Общая характеристика. Внутренним условием формирования эмотивного радикала является так называемый низкий порог эмоционального реагирования (иначе — высокая чувствительность).

Здесь есть о чем поговорить. Во-первых, что такое «эмоциональное реагирование»? Во-вторых, что такое в данном смысловом контексте «порог»? В-третьих, что означает «низкий порог»? Что ж, давайте разбираться последовательно.

Несмотря на разнообразие научных определений понятия «эмоции», большинство исследователей, а вместе с ними и мы — обычные люди, знающие толк в жизни, сходятся в главном. Эмоции — род психических явлений, обладающих рядом особенностей.

Начнем с того, что эти явления — реакции. Они возникают не активно, не сами по себе, в отрыве от происходящих событий, а реактивно, то есть в ответ на некие стимулы. Это реакции неспецифические, они не привязаны намертво к какому-то

определенному объекту (предмету, явлению природы, классу предметов или явлений), Как, скажем, понятия или образы.

В сознании человека каждый значимый объект пребывает в виде понятия и/или образа. При этом понятие содержит информацию о сущности отражаемого объекта, а образ — в основном, о его форме. Конечно, эта информация с течением времени, с накоплением опыта уточняется, обогащается. Но она всегда является производной от этого конкретного объекта, а не от какого-то другого.

Как отражение в зеркале, как тень. Они могут несколько видоизменяться, но это, тем не менее, мое отражение, моя тень. Они существуют, пока существую я. Подойдет к зеркалу другой человек — и там появится уже не мое, а его отражение...

Вот, к примеру, лопата. Каждый из нас хорошо представляет себе зрительно и понимает, что это за предмет, как он выглядит, для чего используется. В нашем сознании существует и образ, и понятие — «лопата». Зрительный образ является результатом восприятия, понятие — результатом мышления.*

** Подробнее о том, что такое «мышление», мы поговорим при обсуждении шизоидного радикала.*

Образ более конкретный, понятие — более обобщенное, абстрактное. Но и в образе лопаты, и в понятии «лопата» отражена специфика именно лопаты, а не стула, раковины или самолета.

Другое дело — эмоции. Нет эмоциональной реакции, которая соответствовала бы исключительно лопате и ничему другому. У разных людей лопаты вызывают разные эмоции: кто-то с энтузиазмом потирает руки в предвкушении удовольствия от физического труда, кто-то брезгливо кривит рот, понимая, что его ждет утомительная и непрестижная работа... С другой стороны, у одного и того же человека одна и та же лопата, но в разных

обстоятельствах, в разные периоды жизни вызывает неодинаковые эмоции. Наконец, одинаковые эмоциональные реакции могут вызывать абсолютно разные предметы: например, радость — не только лопата (что ж автор застрял-то на ней!), но и новый автомобиль, фляга воды в пустыне, канцелярская кнопка, на которую уселся ничего не подозревающий преподаватель и т. д.

Иными словами, эмоции отражают не форму и содержание объектов, а скорее, их субъективное значение для конкретного индивидуума.

Наконец, эмоции конкурируют с мышлением за поле сознания. Когда происходит активный процесс интеллектуальной обработки информации, эмоции отступают. И наоборот. Сильные эмоции вытесняют рациональную оценку происходящего, «выключают» мышление.

Перечисленные выше признаки как раз и позволяют отнести исследуемое психическое явление к эмоциям. И не только отнести, с целью научной классификации, но и глубже познать его суть.

В представлении автора, наиболее точное определение сути эмоций дали кибернетики, занимающиеся проблемой создания искусственного интеллекта. По мнению этих ученых, эмоции — «аналоговая модель психизма». В то время как мышление — «дискретная модель психизма». Бог с ним, с психизмом! Мы с вами и без специальных пояснений догадались, что под этим термином понимается субъективное отражение объективного мира посредством человеческой психики. Интереснее ситуация с «аналоговой» и «дискретной» моделями.

В данном контексте «аналоговая модель», если автор правильно понимает, — это отражение мира в его непрерывном существовании. Отражение — как единого целого — предметов, пространства, в котором они расположены, времени, с течением которого они изменяются...

Дискретный — значит «прерывистый». Действительно, понятия, являющиеся результатом мышления, четко отделены друг

от друга (об этом мы говорили чуть выше). «Каждому предмету — собственное понятие», — скажем мы, почти не искажая реальности.

Что же получается? В понятиях сконцентрирована информация о сущности, о наиболее важных, наиболее устойчивых во времени свойствах предметов (явлений) окружающего мира. Однако понятие о предмете — не сам предмет. Понятие — вещь абстрактная. Пока мы его используем в умозрительных рассуждениях о природе вещей, реальные предметы живут своей жизнью, меняются (в каких-то мелочах, частностях, но тем не менее), взаимодействуют с другими предметами и с нами, теряя свое прежнее — субъективное и объективное — значение и приобретая новое и т. д.

Для того чтобы не упустить этот, остающийся за пределами понятий, но от этого не менее важный, пласт информации, существуют эмоции.

Эмоции обеспечивают человеку возможность отражать мир как нечто целое, непрерывное, единое. В этом, получается, их главное предназначение.

Следует ли из этого, что посредством эмоций человек фиксирует в своем сознании абсолютно все, что происходит вокруг и внутри него?

Что и говорить, природа одарила нас уникальными возможностями воспринимать информацию. Мы можем слышать тепловое движение молекул, видеть горящую свечу, расположенную на расстоянии тысячи метров от нашего глаза... Мочь-то можем, а вот слышим, видим ли? Далеко не все и не всегда.

Информацию, которую улавливают наши органы чувств, психика воспринимает выборочно.*

** До центральной власти тоже доходит не все происходящее на местах — законы управления универсальны.*

Чтобы получить шанс быть отраженным человеческой психикой, объект должен воздействовать на нее с достаточной силой. Сила воздействия, минимально необходимая для того, чтобы вызвать эмоциональный отклик, называется порогом эмоционального реагирования. Люди, у которых этот порог относительно ниже, чем у остальных, получают возможность реагировать на слабые, незаметные для большинства окружающих, сигналы. Они вне зависимости от своего желания, повинувшись собственной природе, чувствуют малейшие изменения ситуации, эмоционально откликаются на мельчайшие детали, нюансы происходящего. Эту особенность психики, накладывающую отпечаток на поведение человека, мы и будем, коллеги, называть эмотивным радикалом.

Эмоции принято делить на «низшие» и «высшие».

Низшие эмоции возникают при непосредственном воздействии раздражителя на органы чувств: положили в рот вкусный кусочек, выпили с морозца рюмку водки, почесали пятки перед сном, приняли горячую ароматную ванну — почувствовали удовольствие.

Высшие — сопровождают интеллектуальную деятельность. Сначала вырабатывается понятие о происходящем, затем это понятие соотносится с непрерывным контекстом жизни и наделяется субъективным значением («и увидел он, что это хорошо»; «над вымыслом слезами обольюсь» и т. п.).

Разумеется, порог эмоционального реагирования для низших и высших эмоций — не совсем одно и то же. Чтобы возник эмоциональный отклик на легкое почесывание за ушком, достаточно иметь чувствительную нервную систему. Чтобы эмоционально отреагировать на замечание Остапа Бендера в адрес дипломатов, играющих в теннис: «класс игры невысокий», — одной чувствительной нервной системы мало. Нужен изощренный ум, богатый запас знаний, высокая интеллектуальная культура.

Но, учитывая эту разницу, мы, тем не менее, отметим, что если человек лишен чувствительной нервной системы, никакой интеллект не поможет ему стать эмоциональным, отражать смысловые нюансы, подобные указанным выше. Поэтому «внутренним условием» эмотивного радикала мы будем считать именно ее.

И еще одно замечание. Принято полагать, что чувствительность нервной системы обратно пропорциональна ее силе. По наблюдениям автора, это не совсем так. Слабая нервная система рождает тревожность, а не эмоциональность.

Эмоции — богатые, разнообразные, «спектральные» переживания (от неизбывной тоски до бурной радости, восторга; от экстаза до гнева, негодования), делающие жизнь человека более насыщенной, глубокой, яркой, требующие энергетических затрат и, самое главное, обеспечивающие постоянство внутренней среды организма, и восстанавливающие психическое равновесие.

Тревога одномерна, «монохромна» (либо — есть, либо — нет), тягостна, поскольку она всегда ухудшает субъективное восприятие качества жизни. Она расшатывает психику. Таким образом, человек стремится переживать эмоции и избавиться от тревоги.

Поэтому автор солидарен с теми исследователями, которые видят причину развитой эмоциональной чувствительности в особом, природой заданном режиме функционирования специализированных структур головного мозга.

Для нас с вами, коллеги, важно не приписывать на поведенческом уровне обладателям эмотивного радикала несвойственной им слабости, низкой работоспособности и т. д.

Завершая этот раздел, скажем, что эмотивный радикал порождает две главные тенденции в поведении человека: альтруистическую (гуманистическую) и эстетическую (гармонизирующую). Связанные с этими тенденциями качества *tubi* рассмотрим ниже.

Внешний вид. Специфического эмотивного телосложения не существует. Однако уместно сказать, что каким бы ни было реальное телосложение обладателя эмотивного радикала, на первый взгляд (а возможно, и на второй, и на третий) оно покажется гармоничным.

Главным свойством эмотива (давайте так назовем носителя эмотивной тенденции) является способность чувствовать гармонию и приводить ей в соответствие самого себя и все, что находится в окружающем пространстве.

Что есть гармония, если не равновесие, не соразмерность во всем, вплоть до мельчайших деталей? Равновесие не только внутри объекта, в его составных частях, свойствах, но и в его положении относительно других объектов, относительно ситуации, в которой он находится. Эмотив чутко реагирует на любое отклонение от этого равновесия и стремится его восстановить.

Поэтому, будь он сам Квазимодо, эмотив найдет способ элегантно завуалировать недостатки собственной внешности. Что-то он задрапирует тканью, что-то спрячет или, напротив, выделит цветом, что-то загримирует умело наложенным макияжем... словом, у него получится.

В отличие от истероида, эмотив не намерен во что бы то ни стало привлекать к себе внимание других людей, но он, тем не менее, не останется незамеченным. Его внешность будет яркой в такой степени, чтобы, с одной стороны, не слиться с фоном, а с другой — не мозолить глаза окружающим. Ни больше и ни меньше

Все в нем соразмерно и адекватно внешним и внутренним условиям — цвет и форма волос, глаз, губ, одежды, лака на ногтях, белья, количество и разнообразие украшений...

Чувство стиля, вкус, гармония — вот качества оформления внешности, присущие эмотивному радикалу.

Кроме того, эмотивы не любят острых углов. В том числе в одежде. Они охотно носят трикотаж. Мягкие, свободного покроя свитеры, пуловеры, платья, шейные платки. При этом избегают тесной, давящей одежды, аксессуаров (галстуков, перчаток, обтягивающих джинсов и т. д.).

Индивидуальное пространство эмотива оформлено не менее гармонично и со вкусом, чем его внешность. В нем обязательно присутствуют произведения изобразительного искусства, художественной литературы (прежде всего, романтическая проза, стихи), музыкальные инструменты.

Эмотив не только искусственный и жаждущий новых эмоциогенных воздействий зритель (читатель, слушатель), он нередко сам рисует, пишет стихи, музыку, поет... Все эти занятия и увлечения накладывают своеобразный отпечаток на пространство, обустроенное эмотивом, овеществляются в нем.*

** Сравните: истероид украсит интерьер собственным портретом; параноик — портретом вождя, авторитетного мыслителя, подарившего ему цель в жизни; эмотив — картиной «Московский дворик» или «Грачи прилетели»; эпилептоид выбросит все это к чертовой матери и, покрасив стену в немаркий серый цвет, вывесит на ней таблицу «Распорядок дня» с собственноручными подписями всех чад и домочадцев в графе «ознакомлен».*

Эмотивы часто пребывают в элегическом настроении («утро туманное, утро седое»), которое отражается в их мимике. Эмотива выдают печальные глаза, задумчивые, слегка подернутые влагой, мягкий, добрый взгляд («у тебя глаза добрые»).

Жестикуляция сдержанная (в плане размаха, амплитуды движений), но экспрессивная, точно и емко выражающая искренние переживания, свойственные эмотивам. Любопытно: для них характерны плавные женственные жесты (независимо от реальной половой принадлежности индивида). Часто мы заблуждаемся, принимая женоподобных мужчин-эмотивов за

гомосексуалистов. Истинный гомосексуализм, если вы не забыли, прерогатива эпилептоидов.

В то же время, широко распространено мнение, в соответствии с которым эмотивные (и истероидные) черты характера действительно принято относить к «женским», а сочетание эпилептоидного и паранояльного радикалов — к «мужским». Возможно, эмотивная жертвенность, нежелание и неспособность оказать жесткое сопротивление претенденту на их жизненное пространство на самом деле предрасполагают к вовлечению в гомосексуальные отношения?

Интересно, что думают на этот счет специалисты?

Позы эмотивов удобные, свободные, при этом — не стесняющие окружающих. Про таких говорят: «ловок и органичен, как зверь». Действительно, всякий раз, глядя на эмотива, кажется, что он выбрал оптимальную позу — удобную для него и для всех, изящную без наигранности, выигрышную без напряженности, красивую без претенциозности. На этом, впрочем, все звериное в нем заканчивается.

Качества поведения. Эмотив — эстет, он тонко чувствует красоту и глубоко переживает малейшие отклонения от ее канонов. Он страдает, глядя на аляповатую мазню вместо живописи или на грубую эклектику, выдаваемую за новое слово в искусстве, слушая фальшивое пение или резонерство глупца, объявляемое вершиной мудрости (при том, что он способен и в эклектике, и в гротеске уловить гармонию... разумеется, если она там есть).

Это человек истинных, а не наигранных эмоций, сочувствующий, сопереживающий другим людям. Он всегда готов предоставить плачущему свою жилетку. По отношению к человечеству эмотив — антипод эпилептоиду. Он альтруист,

человеколюбец, он воспринимает боль ближнего острее, чем свою собственную.

В отличие от параноика, он ценит нужды, чаяния индивида значительно выше, чем абстрактное, с его точки зрения, «благо общества». Во взаимоотношениях с окружающими эмотив тактичен, он очень внимателен, чуток к происходящему, хорошо улавливает малейшие оттенки настроения собеседника.

Он не может причинить не только физического (помните, у Высоцкого: «бить человека по лицу я с детства не могу»*), но и психологического ущерба.

** Согласитесь, коллеги, что бить человека по лицу вообще невозможно. Ударить можно «гада», «свинью» и т. д. «по харе», «по рылу», «в пятак» и т. п. Нужно только представить себе свиное рыло вместо человеческого лица — и вперед! Эпилептоиду это сделать легко. Эмотиву — немыслимо. Для эмотива человек всегда останется человеком, а его лицо — лицом, ликом.*

Он не станет говорить «в доме повешенного о веревке», он скажет только то, что на самом деле будет уместно и поможет разрядить обстановку, и только тогда, когда придет для этого время.

Эмотив щепетилен в вопросах морали, наделен «нравственным чувством», совестлив.

Определимся, коллеги, с понятиями «мораль» и «нравственность». Мораль — это формы поведения, допустимые в обществе. Границы морали вполне разумные, щадящие, и общество вправе требовать от своих членов морального поведения. При этом мораль имеет тенденцию меняться, отражая объективные перемены, происходящие в социуме. Мораль, вообще, во многом зависит от условий, в которых живут люди. Мораль средневековья и современности, бедных и богатых слоев общества, гуманитариев и естественников, верующих и атеистов — разная. Сегодня она уже не такая, какой была вчера, а завтра будет не такой, как сегодня.

Нравственность же — это представления человечества об идеале взаимоотношений (как с точки зрения формы, так и содержания). Нравственность неизменна с сотворения мира, ее постулаты универсальны, одинаковы для всех людей без исключения. При этом требовать от обыкновенного человека исключительно нравственного поведения — утопия. Эта задача из разряда невыполнимых.

Люди — как вы, уважаемые коллеги, знаете — ведут себя по-разному, в том числе и по отношению к морали и нравственности. Рассмотрим это на примере известных нам радикалов.

Истероиду утешительно думать о своей принадлежности к высоко моральной и высоконравственной части человечества. Он не упускает случая подчеркнуть и продемонстрировать это на людях. На самом же деле, в плане соблюдения моральных норм он весьма нетребователен — ни к себе, ни к окружающим. Он допускает многое, лишь бы не было ненужной огласки. Нравственность, замешанная на глубокой эмоциональности, истероиду вообще чужда.

Мизантропы-эпилептоиды по определению безнравственны, при этом они активно третируют окружающих, заставляя их подчиняться чрезмерно жестким моральным требованиям (эпилептоидное ханжество). Таким образом, эпилептоиды пытаются властвовать над другими от имени общества, на что, собственно, их никто не уполномочивал (мы сравнительно недавно обсуждали это, коллеги; см. главу 3).

Параноики избирательно подходят к решению проблемы морали. Они хорошо знают, чем индивидуум обязан обществу, но вторая сторона медали — чем общество обязано индивидууму, для них «покрыта мраком», как обратная сторона Луны.

Есть только один радикал, обладатель которого не разделяет субъективно мораль и нравственность и старается достичь идеала в повседневных отношениях между людьми, стремится к торжеству

добра, милосердия. Этот радикал (тоже мне, секрет Полишинеля!) — эмотивный.

Ответственность, добросовестность — качества, которые эмотив проявляет в деятельности. Как часто мы, давая положительную характеристику своим сослуживцам, через запятую перечисляем слова «исполнительный», «добросовестный», хотя это совсем не однокоренные свойства характера. Если исполнительность замешана, скорее, на тревоге, на боязни не сделать что-то вовремя и как следует, то в основе добросовестности лежит стремление не подвести товарищей, не уронить честь коллектива, глубокое чувство долга, ответственности за порученное дело.

Лишь эмотиву по-настоящему близки такие понятия, как «самопожертвование», «патриотизм», «гражданственность» и т. п.

Почему? — Да потому, что эти понятия не имеют рационального объяснения. «С какой такой радости я должен жертвовать своим здоровьем, жизнью, благополучием, достатком? Разве что силой заставят, припугнут», — так рассуждают многие и находят это логичным.

Вообще-то, если быть абсолютно корректным, рациональное объяснение самопожертвованию существует. И природа, и общество обязаны жертвовать малым, чтобы сохранить большее. Судьба индивидуума всегда вторична по отношению к судьбе вида. Но рассуждать подобным образом несвойственно человеку, пекущемуся прежде всего о себе (пожалуй, только шизоид способен, поразмышляв недельку-другую о взаимоотношениях индивида и общества, прийти к логическому заключению, что, дескать, пора принести себя в жертву).

А вот человеку, живущему эмоциями, логика не обязательна. Он и без нее — на интуитивном уровне — осознает, как следует поступить в критический момент, когда и во имя чего нужно «броситься на амбразуру». В таких ситуациях он реализует характерные для эмотивного (и ни для какого другого!) радикала

эмоционально насыщенные, «возвышенные» стереотипы поведения.

Привлекательные качества характера сопряжены с этим радикалом (кто спорит!?). Но диалектика вновь не позволяет нам ограничиться односторонним анализом феномена эмотивности. В каких же случаях человеколюбие, сострадательность, жертвенность, тактичность эмотива оборачиваются во вред ему и окружающим?

Как ни парадоксально, таких случаев немало. А в нашей суровой действительности они происходят, что называется, сплошь и рядом.

Когда жизненно необходимо покарать зло (не абстрактное, а вполне конкретное, одушевленное, персонифицированное), защититься от обидчика, приструнить разболтавшийся коллектив, наладить дисциплину, установить жесткий порядок, без которого рухнет организация, и т. п., человеколюбие превращается в слюнтяйство, а сострадательность — в попустительство.

Добро, как известно, должно быть с кулаками, а эмотивность — добро без кулаков, непотивление злу насилием. Это, с одной стороны, открывает перспективу (весьма отдаленную, судя по всему) торжеству нравственности, но, с другой, часто ставит палки в колеса реальному развитию событий.

Задачи. Где могут найти применение преимущества эмотивного радикала? — Верно. В работе с людьми. Эмотиву не нужно напоминать о том, что его коллеги, друзья, близкие, просто — окружающие, нуждаются в помощи, в доброжелательном внимании, в моральной поддержке. Что они — обыкновенные смертные, которым свойственно ошибаться, заблуждаться, нервничать по пустякам, болеть, страдать... Эмотив будет переживать внутренний дискомфорт, если его лишить возможности посочувствовать ближнему.

Эмотивы — хорошие воспитатели (главным образом там, где нужно смягчить от природы крутой нрав воспитанника), сиделки, домашние (семейные) или курортные- врачи, психологи, социальные работники. Из них получаются неплохие официанты, служащие гостиниц, продавцы.

Следует при этом учитывать, что ничего, кроме сострадания, жалости, внимания, тактичности и т. п., эмотив подарить другим не может. И там, где требуется во благо человека проявить решительность, жесткость, — эмотивный радикал только мешает.

Лучший хирург, например, получится не из эмотива, а из эпилептоида, поскольку человека, нуждающегося в экстренной помощи, нужно оперировать как можно скорее и со знанием дела, а не поливать горячими слезами.*

**Интересно в этой связи, что многие хирурги, имеющие в характере достаточно выраженный эмотивный радикал, стремятся найти способ терапевтического лечения т. н. «хирургических» болезней, иными словами — ниспровергают собственную профессию.*

Другая группа профессионально важных качеств (и соответствующих им задач), сопряженных с эмотивным радикалом, — это эстетизм, развитое чувство гармонии, красоты. Эмотив не выносит намек на пошлость, грубость, дисгармонию (точно так же, как эпилептоид не терпит нечистоты), и это делает его незаменимым редактором — в широком смысле этого слова — любого продукта творческой деятельности.*

**Сама эмотивная тенденция не предполагает творческого начала — это прерогатива шизоидов.*

Эмотив обладает уникальным даром приносить красоту во все, чего бы он ни коснулся. Помните, спор в стихотворении Саши

Черного: «Когда в хрусталь налить навозной жижи, не станет ли хрусталь безмерно ниже?... — И лучшего вина в ночном сосуде не станут пить порядочные люди... Им спора не решить, а жаль. Не лучше ль наливать вино в хрусталь?».

Наливать вино в хрусталь — вот удел эмотивов. В широком и в узком смысле. Они — прекрасные оформители, декораторы. Без эмотивного радикала в характере немыслим художник, музыкант, архитектор, артист...

Чего нельзя поручать эмотивам? — Того, что следует вверять эпилептоидам: охрану, расправу, оборону, разведку, контроль. Да уж, в разведку с ними идти нельзя!

Эмотив, несмотря на всю свою добросовестность, на этих и подобных им участках работы даст слабину, распустит нюни, развесит уши. Он пропустит на режимный объект без пропуска «милого человека, который устал ждать снаружи, замерз», он даст неоправданную отсрочку необязательному должнику, он не сможет (не позволит себе!) обвести вокруг пальца человека, с которым живет под одной крышей. Он, скорее, выстрелит в воздух, чем в заклятого врага.*

** Автору рассказывали про генерала, который перед строем отдавал команду: «пожалуйста, смирно!». Чем, естественно, вызывал презрение у подчиненных-эпилептоидов.*

Особенности построения коммуникации. На первый взгляд, никакие рекомендации по улучшению взаимоотношений с обладателями этого радикала просто не нужны. Эмотив сам выберет оптимальный способ общения, извинит неловкость, смирится с бестактностью, будет стараться найти в собеседнике что-то доброе, светлое, хорошее. Да, это так.

Но, прощая многое, эмотив испытывает наиболее сильный, стойкий дискомфорт от одного лишь недостатка — от неискренности.

Не пытайтесь его обмануть. Не наигрывайте дружелюбия, дружеского расположения, интереса к его персоне. Он сразу же почувствует ложь и очень огорчится. Нет, он не обидится, не затаит на вас злобу (как это сделал бы эпилептоид). Он станет думать, что его общество вам в тягость, и постарается отойти на предложенную вами (так ему будет казаться) дистанцию. Доверительность, возможная и желательная между вами, понесет ущерб. Лучше уж откройте ему ваше настроение (пусть не самое радужное), выскажите претензии.

В отношениях с эмотивом добрая ссора лучше, чем худой мир. Минутная потеря самоконтроля лучше, чем постоянное ношение непробиваемого панциря, футляра.

Вопросы и задания

1. Назовите внутренние условия возникновения и основные качества поведения, присущие эмотивному радикалу.

2. Прочитайте отрывок из романа Л.Н. Толстого «Война и мир»:

«Когда Ростов подъезжал к полку, он испытывал чувства, подобное тому, которое он испытывал, подъезжая к... дому. Когда он увидел первого гусара в расстегнутом мундире своего полка, когда он узнал рыжего Деменьтева, увидал коновязи..., когда Лаврушка радостно закричал своему барину: «Граф приехал!» и

лохматый Денисов... выбежал из землянки, обнял его и офицеры, сошлись к приезжому, — Ростов испытал такое же чувство, как когда его обнимала мать, отец и сестры, и слезы радости, подступившие ему к горлу, помешали ему говорить».

Ответьте, пожалуйста, на реплику персонажа этого великого романа Василия Денисова: «Экая... ваша порода Ростовская». Так какая же это «порода»? Свой ответ подкрепите примерами.

3. Раз уж вы взялись перечитывать «Войну и мир», найдите примеры проявления эмотивного радикала в поступках других персонажей: князя Андрея, княжны Марьи, Пьера Безухова...

4. Назовите профессии, в которых необходима эмотивность. В какой степени и почему она вредит или помогает вашей профессии?

5. Что подумает эмотив о человеке, толкнувшем его в метро? Когда вы найдете правильный ответ, обсудите этот пример с детьми в воспитательных целях (только, боже упаси, не перепутайте эмотива с эпилептоидом!).

Глава 6

Шизоидный радикал

Сущность каждого радикала можно выразить одним или несколькими словами. Например, для определения основного качества истероидного радикала более всего подходит слово «демонстративный» или словосочетание «создающий иллюзорное благополучие». Эпилептоидный радикал можно иначе назвать

взрывчатым, «застревающим» на негативных эмоциях, стремящимся к формальному порядку; паранояльный — тоже «застревающим», но на конкретной цели, на идеях преобразования природы и общества; эмотивный — чувствительным, гармонизирующим...

Каким же словом (или словами) выражается сущность шизоидного радикала? Автор долго размышлял над этим, коллеги. Хотел, как поется в известном романсе, «в единое слово...». Но ничего не получилось, не пришло в голову, кроме слова «странный». Странные это люди — шизоиды. Не от мира они сего...

Общая характеристика. В основе шизоидного радикала лежит специфическая особенность мышления. Какая? Давайте сначала разберемся, что такое «мышление».

Обсудим это на примере. В качестве подспорья возьмем какой-нибудь известный, хорошо нам знакомый предмет. Скажем, стол. Внимательно рассмотрим его и перечислим качества, которые нам удалось в нем обнаружить... Позвольте, коллеги, автору вести речь о его собственном столе, поскольку за вашими столами ему сживать, к сожалению, не приходилось. Вы же смело используйте собственную мебель, потому что для наших рассуждений принадлежность или иное индивидуальное свойство конкретного стола не будет иметь решающего значения (если только не..., однако, проживем-увидим).

Итак, у стола есть размер (в случае автора — чуть больше метра в длину, шестьдесят сантиметров в ширину и более семидесяти — в высоту), цвет (коричневый, а у вас?), качество материала, из которого он сделан (умолчим для ясности), вес (стол достаточно тяжелый, но все же его можно приподнять в одиночку), количество опор-ножек (четыре — у кого меньше или больше?) и т. д.

У стола есть еще и характерная форма — горизонтально расположенная плоскость (столешница), удерживаемая на определенном (удобном для сидящего человека) уровне посредством вертикальных опор.

Теперь вопрос: какое из перечисленных качеств является самым главным, принципиально важным, делающим этот предмет именно столом, а не роялем, телевизором и т. Д.? Кто сказал «цвет»?! — Разумеется, форма.

Именно форма, поскольку она и определяет предназначение, основную функцию данного стола (и миллионов ему подобных) — служить предметом мебели, на котором удобно располагать различные принадлежности для приема пищи, орудия труда, приспособления для игр и т. д. Изменится то, что мы с вами сейчас называем формой (допустим, плоскость-столешница расположится не строго горизонтально, а под углом в сорок пять градусов) — предмет перестанет быть столом. Но если изменится только цвет (коричневый перекрасим в черный) или материал (сделаем не из дерева, а из металла) — стол останется столом. Надеюсь, это понятно.

Среди самых разнообразных по цвету, размеру, весу, деталям формы и т. д. предметов мы легко находим столы. Да, конечно, столы бывают обеденные, письменные, журнальные. Но всех их объединяет, роднит, сближает этот главный родовой признак — горизонтальная столешница на вертикальных опорах.

Специфическая форма стола настолько врезается нам в сознание, что, оказавшись (вообразим на минуту!) на инопланетном космическом корабле или производя археологические раскопки древнего города и натыкаясь на знакомую нам горизонтальную поверхность... (далее по вышеприведенному тексту), мы уверенно определяем: это стол, а что же еще?

Не отдавая себе в этом отчета, мы, уважаемые коллеги, только что проделали основные операции познавательного психического процесса, именуемого мышлением.

Бросив взгляд на окружающее пространство и остановив его на столе, мы осуществили т. н. «первичный синтез». В нашем сознании перестало существовать все, кроме стола. Разложив конкретный (автор — свой, вы — свой) стол на отдельные элементы-качества: форму, размер, цвет — и оценив каждое из них с точки зрения значимости, мы провели анализ; собрав все опять в единое целое, но уже в иерархической последовательности качеств: сначала — самое главное, затем — все остальное, освоили вторичный синтез или просто «синтез».

Поняв в результате, что такое «стол», и разделив все мыслимые столы на группы: обеденные, офисные, верстаки и т. д. (в зависимости теперь уже не от принципиально важного, которым наделены все эти предметы без исключения, а от ряда второстепенных качеств), мы осуществили классификацию, а осознав роль и место стола в мировом пространстве, его всемирно-историческое значение и неразрывную взаимосвязь с другими предметами — поднялись до систематизации.

Таким образом, мышление — это познание предметов и явлений окружающего мира через их главные, принципиально важные качества, свойства. Результатом такого знания становится понятие об этом предмете (явлении), которым человек оперирует в своих рассуждениях и действиях.

Иными словами, для того чтобы правильно ориентироваться в мире и продуктивно взаимодействовать с ним, вовсе не нужно знать каждый суший в нем предмет «в лицо». Да это и невозможно. Достаточно иметь четкое представление о главных свойствах основных, необходимых для жизни и деятельности предметов, чтобы узнавать, распознавать их при встрече.*

**Рассуждая о столе, мы сформулировали (возможно, не с исчерпывающей полнотой, но в основном) следующее понятие: стол — это предмет, состоящий из горизонтально расположенной плоскости (столешницы), укрепленной на вертикальных опорах. Теперь мы можем смело идти по жизни с этим знанием и с его помощью делить все попадающиеся на нашем пути предметы на «столы» и «не столы». Очень удобно!*

Понятие о предмете (явлении) содержит информацию о свойствах не только принципиально важных, но и общих для огромного количества аналогичных предметов (явлений). В понятии, как правило, нет места частностям, сугубой конкретике. В этом смысле оно оторвано от конкретного предмета, что дало основание называть мышление отвлеченным, абстрактным познанием. Понятие, выраженное словами, называется определением, формулировкой... Ну вот, пожалуй, и хватит теории.

Проведем эксперимент. Вашему вниманию, коллеги, предлагаются пять предметов, из которых вам предстоит, основываясь на их главных, с вашей точки зрения, свойствах, исключить один — лишний в этом смысловом ряду.

Будьте предельно внимательны. Начали: «гнездо», «нора», «муравейник», «курятник», «берлога». Автор замер в ожидании ответа. Назовите лишнее.

Гнездо? Пожалуйста, аргументируйте вашу позицию. Вы говорите, что гнездо, в отличие от всего прочего, расположено высоко на дереве, и в нем живут птицы? Прекрасно. А как же куры, они-то живут в курятнике? Курица — не птица? Хорошо. Принимается. Кто следующий?

Нора? Почему? Глубоко в земле? Ее нужно рыть, прилагая усилия, в то время как берлога — просто удобная для лежбища яма, которую находит медведь? Логично. У кого другое мнение?

Муравейник? В нем живут насекомые, а это — особый мир? Мир почти внеземных существ? Тем более — муравьи, которых

некоторые исследователи вообще считают формой разума, альтернативной человеческому? Да, уж Серьезная заявка на победу в нашей маленькой викторине И, тем не менее, какой же ответ — правильный?

Курятник. Конечно, курятник. Безусловно, курятник. Ведь это — сельскохозяйственная постройка. Ее сооружают люди, а не куры. Курятник следовало бы расположить в одном ряду не с гнездом и норой, а с коровником, овчарней, конюшней...

В чем же ошиблись те из вас, кто дал другие ответы? ошиблись ли они?

Да, с точки зрения ортодоксального мышления — ошиблись. С точки зрения шизоидного мышления — нет. Шизоиды отличаются от всех остальных (нешизоидов, людей с ортодоксальным мышлением) тем, что понятия о предметах (явлениях) окружающего мира у них формируются на основе не только главных, но и второ-, третье- и десятистепенных по значимости качеств.

Шизоиды легко создают понятия даже на основе вымышленных, предполагаемых свойств, подчас игнорируя при этом очевидные, реальные.

И главные, и малозначительные, и реальные, и иллюзорные качества предметов (явлений) могут с одинаковой вероятностью занять в сознании шизоида место основного, принципиально важного, без которого этот предмет (явление) существовать не может. Получается, что у шизоида для каждого предмета припасено несколько равновеликих по значению понятий. Не верите? Автору, представьте, удалось это доказать экспериментально.

Со времен психологической юности, коллеги, в душу автору запал эксперимент, поставленный аспиранткой, а впоследствии знаменитым на весь мир психологом, профессором Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова — Блюмой

Вульфовой Зейгарник. А было так (или почти так — память с годами слабеет, знаете ли).

По аспирантскому обыкновению, ей не хватило денег, чтобы расплатиться в кафе, и она (юная и обаятельная!) уговорила официанта отпустить ее, с условием, что завтра вернет ему долг. На следующий день, возвращая необходимую сумму, Блюма Вульфовна обратила внимание на то, что официант хорошо запомнил ее среди сотен вчерашних посетителей (кафе пользовалось популярностью). Будь на месте Зейгарник какой-нибудь истероид, он наверняка приписал бы это собственной яркой и неотразимой индивидуальности. Но не такова была наша пытливая аспирантка. Она, поразмыслив на досуге, пришла к выводу, что все дело в том, что незавершенное действие запоминается человеком лучше, чем завершенное. Этот феномен вошел в историю психологии как «эффект Зейгарник».

Всю жизнь завидуя (по белому!) Блюме Вульфовнѐ, автор, наконец, решился и поставил свой собственный эксперимент практически в аналогичных обстоятельствах. Не уверен, что он станет классическим, войдет в историю (куда там, не влипнуть бы в какую-нибудь историю!), но все же, все же...

Как-то раз, сидя за чашечкой кофе в дружеской компании, автор с коллегой-психологом заспорили о происхождении шизоидности.

Коллега настаивал на том, что в основе этого психического явления лежит своеобразная эмоциональность («дерево и стекло», как называл это Кречмер). Шизоиды, дескать, нередко остаются безучастными к очень важным, напрямую затрагивающим их личные интересы, событиям («дерево»), и в то же время неожиданно остро реагируют на пустяки («стекло»). Автор, как вы догадываетесь, отстаивал приоритет своеобразно (см. выше) устроенного мышления, которое, кроме всего прочего, обуславливает и феномен «дерева и стекла».

Действительно, обсуждая этот феномен, мы ведем речь о высших эмоциях, являющихся производными от результатов мышления (глава 5, помните?). Шизоид потому так неортодоксально воспринимает происходящее, что он, не видя в упор того, главного, в чем заключен его кровный интерес, берет во внимание нечто второстепенное и реагирует соответственно — как на малозначительное событие. И наоборот. С эмоциональностью (если рассматривать ее в отрыве от остальной психики) у шизоидов все в порядке. Замерзший шизоид в теплой ванне испытывает то же блаженство, что и любой ортодокс! Так что эмоциональность здесь ни при чем. Мышление сбивает прицел.

Так вот, уважаемые коллеги, чтобы обосновать свою точку зрения, автор взял в руки кофейную чашку и стал на ее примере пояснять окружающим* сущность мышления.

** Кроме двоих спорящих, психологов в этой дружеской компании не было, но зато были два человека, оба интеллектуалы, но один — с ярко выраженным шизоидным радикалом в характере. Другой — обладатель более ортодоксального мышления.*

«У этой кофейной чашки, — сказал автор, обращаясь к своим приятелям, шизоиду и ортодоксу, — есть целый ряд свойств: размер, цвет, вес, качество материала (увы, в подобных объяснениях не избежать повторов), форма — чашка представляет собой емкость для жидкости... Какое из перечисленных свойств является основным, принципиально важным для этого предмета?»

Два ответа прозвучали молниеносно и одновременно, как выстрелы на дуэли.

«Форма, емкость», — сказал ортодокс. Шизоид ответил... Внимание, коллеги! «Смотря... для чего... использовать».

Каково? «Смотря для чего использовать». Для чего же еще, спросим себя, можно использовать кофейную чашку, как не для того, чтобы пить из нее кофе? Она — чашка — кем-то ведь была

произведена по государственному стандарту именно как «чашка кофейная»...

Весь мир, все человечество, дорогие друзья, делится, в зависимости от ответа на подобный простой вопрос, на две неравные части: на шизоидов и на всех остальных.

Несмотря на несколько шуточный тон, выбранный автором, и на не вполне серьезные обстоятельства, в которых проходил этот эксперимент, надеюсь, вы уловили нечто принципиально важное. А именно: на что бы ни смотрел шизоид, о чем бы он ни размышлял, в его сознании складывается не один образ, не одно понятие воспринимаемого предмета (явления), а несколько (целый спектр!) — равновеликих по значению, равновероятных по возникновению и по дальнейшему использованию в поведении.

Параноики, если вы помните, видят в любом явлении только одну сторону и их невозможно убедить в том, что существует еще и другая — альтернативная. Шизоиды, напротив, не могут понять, почему ортодоксально мыслящие люди с такой уверенностью останавливаются на чем-то одном, на каком-то единственном свойстве, с легкостью придавая ему наиглавнейшее значение.

Философы-материалисты, казалось бы, давно поставили точку в споре на тему: кто прав, на чьей стороне истина? Практика — вот критерий. Прав тот, чья позиция подтверждается практикой, дает возможность получать значимый, осязаемый эффект. Все было бы хорошо, да только шизоиды и на результаты общечеловеческой практики смотрят по-своему.

«А кто сказал, что полученный результат — лучший, а тем более — единственный из возможных?» — спрашивают они. И не всегда легко ответить на этот вопрос.

Один умнейший человек (математик!) сказал, что в основе любой системы лежит аксиома, т. е. нечто, принимаемое на веру, без доказательств. Это, по его мнению, фундаментальный, универсальный по своему значению принцип (если не верите, попробуйте доказать, что в вашем паспорте наклеена ваша

фотография и, соответственно, что этот паспорт — ваш. Тысячи людей в мире как две капли воды похожи друг на друга. Согласитесь, что без элемента «веры» доказательство невозможно).

Так вот, у шизоидов такая аксиома отсутствует по определению. Точнее, у них в сознании существует множество вариантов каждой аксиомы.*

**Основываясь на результатах новейших нейрофизиологических исследований психических заболеваний, в частности болезни Альцгеймера, автор предполагает, что отделить главное от второстепенного шизоидам мешает свойственная им слабость процесса торможения в центральной нервной системе. Благодаря этому, в сознании шизоида все выявленные им элементы анализируемого предмета или явления существуют одновременно и равнозначно. Нервные клетки, обрабатывающие информацию о различных по значению характеристиках предмета, продолжают активно функционировать на протяжении всего акта осмысления, вследствие чего «важные» признаки, свойства не отделяются тормозным процессом от «не важных», как это происходит у ортодоксов. Косвенным подтверждением этой гипотезы является вдохновение — состояние психики, в которой властвует возбуждение, а торможение значительно ослаблено, благодаря чему и возникают в сознании человека самые замысловатые, отчетливо неортодоксальные ассоциации (можно сказать, что вдохновение — в указанном смысле, пример шизоидного мышления).*

Хорошо (по-эпилептоидному) помню, как одна студентка на лекции автора, посвященной эмотивному радикалу, заявила: «А кто решил, что гармоничным является именно такое сочетание деталей, предметов одежды, цветов и т. д., а не другое? Вам, возможно, оно нравится, а мне — не нравится. Кто нас рассудит? Сколько людей, столько и мнений». Автор пытался возразить, дескать, если бы культура оформления внешности не содержала стереотипных представлений о том, что гармонично, а что — нет, выработанных эмотивами и воспринятых социумом, то, например, каждый светский раут превращался бы в карнавал шутов.

Студентка, ничтоже сумняшеся, ответила: «А разве это не так? На прием к английской королеве многие теперь приходят в полосатых брюках и кроссовках». Поскольку автор, к сожалению, не вхож в высший свет, то оставляет вам, коллеги, возможность для продолжения этой увлекательной дискуссии.

Зададимся лучше вопросом: можно ли полноценно адаптироваться к социальной среде, сформированной главным образом ортодоксами, с таким мышлением? — Нет. Так жить нельзя. Даже если у конкретного индивида-шизоида высокий от природы интеллект, он позволит лишь более качественно и глубоко осмыслить каждый создаваемый шизоидным сознанием вариант образа или понятия одного и того же предмета, но не избавит от поливариантности мировосприятия и миропонимания.

Как же быть? — А вот как. Мы не должны забывать, что реальный характер состоит не из одной шизоидности. В него включены и другие радикалы, за счет которых в данном случае и происходит постепенная интеграция человека в социум. Шизоидный радикал мешает этой интеграции. Он заставляет сомневаться в важности и полезности каждого усваиваемого в течение жизни поведенческого стереотипа, он пытается подменить один стереотип другим. В результате формируется особая шизоидная структура личности.

На некое своеобразное «ядро», представленное шизоидным радикалом, как бы наслаивается — в муках — социально-ориентированная «оболочка», состоящая из усвоенных (часто формально и с некоторым искажением по сравнению с оригиналом) стереотипов ортодоксального поведения. Чем больше «ядро», т. е. чем более выражена в реальном характере шизоидная тенденция, тем тоньше и ненадежнее «оболочка».

При этом «ядро» и «оболочка» существуют как бы в параллельных мирах: одно — в противоречивом, своеобразном, глубоко оригинальном, нестандартном внутреннем мире, другая — среди людей. Испытывая взаимное влияние, тем не менее, эти

структуры не смешиваются, и личность словно бы раздваивается, расщепляется. В одном человеке, как в коммунальной квартире, живут несколько индивидуальностей (и они — не друзья!), что, по мнению автора, объясняет название виновного в этом радикала (корень «шизо-» происходит от греческого «схизис», что означает «раскол», «расщепление»).

Сказав немало о шизоидном радикале, мы пока не объявили, какова его роль в обществе, в чем его социальное преимущество, какая в нем заключена ценность, благодаря которой он выдержал испытание эволюцией... Объявим. Непременно. Но вначале познакомимся с доступными наблюдению признаками шизоидности.

Внешний вид. Шизоидный радикал сопряжен с астеническим телосложением (узкая, вытянутая грудная клетка, длинная шея, длинные конечности: ноги, руки, пальцы; малоразвитая от природы мускулатура), а также — с высоким ростом (вне зависимости от остальной физической конституции). Напомню, коллеги, что, определяя характерное телосложение, мы всегда должны иметь в виду, что радикал может существовать и при любом другом телосложении. Иными словами, астеник — как правило, шизоид. Шизоид — не всегда астеник.

Среди специфических для шизоида признаков оформления внешности назовем, прежде всего, отчетливую эклектичность — дисгармоничное, парадоксальное смешение стилеобразующих деталей. Причем эта особенность проявляется как в его одежде, которая часто представляет собой некую «сборную солянку» из предметов, принадлежащих разным стилям, так и в его отношении к конкретной социальной ситуации, к требованиям социального окружения.

Если человек сверху одет в пиджак, при галстукe, а снизу — в джинсы и кроссовки, или на официальный прием приходит в

потертом свитере и разноцветных брюках, значит, в его характере есть шизоидный радикал. В выраженных случаях внешняя дисгармоничность шизоидов настолько велика, что заставляет неискушенного наблюдателя думать об их интеллектуальной неполноценности.

Что толкает шизоида на подобные эксперименты с собственной внешностью — науке не известно. Наука, по крайней мере, в лице автора, не в курсе дела. Возможно, собираясь на церемонию вручения Нобелевской премии, при этом надевая фланелевую панамку и меховые полярные унты, он (в своей формальной, негибкой манере) лишь следует рекомендации держать голову в холоде, а ноги — в тепле? — Бог весть. Очевидно только, что знаменитый «человек рассеянный», который «вместо шапки на ходу... надел сковороду, вместо валенок — перчатки натянул себе на пятки», был на самом деле шизоидом.

Автор имел удовольствие общаться с интересным и продуктивным профессионалом-исследователем, излюбленной одеждой которого (человека лет шестидесяти) была ярко-красная куртка с капюшоном, отороченным опоссумом, ковбойская шляпа с загнутыми кверху полями, разноцветные брюки-дудочки и остроконечные туфли-«казаки». Представляете эмоциональное состояние истеро-эпилептоидных организаторов научных посиделок, на которые этот ученый заявлялся с основным докладом? Это был шок. Шок, однако, проходил вместе с первыми озвученными тезисами, как правило, весьма глубокого и содержательного доклада...

Шизоидам свойственна неаккуратность, неряшливость. Оторванные пуговицы, прорехи на брюках, испачканные манжеты, вытертые до блеска локти, дырявое белье и т. п. — их удел.

Опять же, трудно сказать, что мешает им привести себя в порядок. Шизоиды с трагической обреченностью будут провожать взглядом очередную отпавшую и катящуюся по земле пуговицу, но не поднимут ее и уж тем более — не пришьют на место. Они,

всякий раз, осматривая застарелое пятно на рубашке, глубоко вздохнут, но не удосужатся его как следует застирать. Если шизоид, пересилив свою натуру (за счет небольшого эпилептоидного радикала, затесавшегося в реальный характер), все же возьмется исправлять нарушения в одежде, то зрелище получится не для слабонервных. Разнокалиберные пуговицы, разноцветные нитки, которые он будет при этом использовать, превратят его эклектичный наряд и вовсе в клоунский.

Интересно, что шизоиду скорее придет в голову своеобразная мысль замаскировать тем или иным экзотическим способом имеющийся недостаток, чем навести порядок ортодоксальным путем. Автор знал человека, который, теряя одну за другой пуговицы на брюках (ремень он принципиально не носил), выходил из положения, надевая сверху длинный свитер, достигающий до середины бедер и, тем самым, закрывающий от нескромных взоров... малопристойный косметический дефект. Когда же отпала последняя пуговица и брюки перестали держаться на его чреслах, он нашел где-то матерчатый пояс от легкого женского халата, продел его в ременные петли, завязал узлом, замаскировал всю эту композицию длинным свитером и, таким образом, восстановил утраченное физическое и душевное равновесие.

Рука об руку с неаккуратностью идет нечистоплотность. Шизоиды грязноваты. Они редко стирают свою одежду, плохо ухаживают за волосами, кожей, ногтями. Свалявшаяся шевелюра, несвежая кожа, обгрызенные, с облупившимся маникюром (или с неэстетичной «траурной каймой») ногти, а также своеобразное амбре, исходящее от тела и белья, с головой выдают шизоида.

Есть у шизоидов и любимые средства оформления внешности. Это — капюшон (или его подобие), длиннополая, с длинными рукавами и большим воротником верхняя одежда, рюкзак за спиной или большая сумка, висящая на плече, темные очки. Представьте себе человека, надевшего на себя все

перечисленное выше (к тому же вставившего себе в уши наушники плеера и уткнувшегося в книжку, которую он не перестает читать и на ходу), и вы получите незабываемый образ типичного шизоида.

Признаками шизоидности являются также длинные волосы (подобие капюшона) и у мужчин — борода. *

** Эпилептоиды выскабливают себя до состояния бильярдного шара, а шизоиды — зарастают дикой и буйной растительностью.*

Вся эта атрибутика неслучайна. Она отражает глубинную асоциальность шизоидов, вынужденно противопоставляющих себя миру ортодоксальных людей, не смешивающихся с этим миром. Шизоид интуитивно, посредством капюшона, очков, наушников и т. д., формирует вокруг себя некий футляр, через который очень трудно осуществлять обмен информацией с окружающими.

О том, насколько асоциален шизоид, — не только в своей повседневной жизнедеятельности, но и на мировоззренческом уровне — можно судить по обмену репликами, произошедшему, если верить Зиновию Паперному, между тремя незаурядными людьми: героем Гражданской войны Саблиным, поэтами Маяковским и Хлебниковым.

«Я награжден орденом Боевого Красного Знамени за номером шесть, — сказал яркий истеро-эпилептоид Саблин. — Это значит, что таких людей, как я, в Республике всего шесть человек». «А таких, как я, — вскинулся не меньший истероид Маяковский, — один». «А таких, как я, — серьезно сказал шизоид Хлебников, — вообще ни одного». И пошел, по своему обычаю, прятать очередное стихотворение в наволочку.

Излюбленные шизоидами громоздкие сумки и заплечные мешки заставляют проводить невольную параллель с поведением людей, потерявших разум в результате психического заболевания. Мы часто встречаем последних, особенно по осени и по весне,

идущих неведомо куда с большими неопрятными сумками в обеих руках, невнятно бормочущих что-то себе под нос. Сколько их? Куда их гонят? Что так жалобно поют? — Возникает сам собой ряд вопросов. Тот, кто, поборов брезгливость, заглянет внутрь подобных сумок, увидит гору хлама — ничего больше. Но своим хламом эти люди почему-то дорожат, они не расстаются с ним ни днем, ни ночью.

Разумеется, неверно ставить знак равенства между поведением шизоидов — здоровых, полноценных членов социума, и больных. Разница в их поступках существенная, но жизнь под девизом «все свое ношу с собой» в чем-то их сближает. В чем? Автор пока не готов ответить категорично, коллеги. Тем более что в сумках шизоидов, наряду с действительно нужными, полезными предметами, немало всякой всячины, давно утратившей товарный вид и потребительские свойства, попросту говоря — дряни (сломанные зажигалки, скомканные конфетные фантики, грязные подушечки жевательной резинки, неизвестные — из-за стершейся надписи — таблетки и т. п.).*

**Возможно, сумка шизоида — это его индивидуальный мир, в который он никого не посвящает, не приглашает. Это воплощение ухода от общественной жизни, создание своей «системы обеспечения», утверждаемая таким образом асоциальность, барьер между индивидом и социумом. Но любой, кто заглянет в этот «особый» мир, поразится его неорганизованности, хаотичности.*

Шизоиды наделены удивительным даром — нет, не оформления — преобразования пространства. Они моментально замусоривают все предоставленные им жилые и рабочие площади. Порядок, любовно наведенный эпилептоидом, шизоид в мгновение ока превратит в хаос. Он будет оставлять одежду там, где снял, посуду — там, где поел, книги — там, где наслаждался их чтением.

Хаос воцарится на обувных, платяных и книжных полках, в столах, в шкафах, в холодильнике — словом, везде, где это мыслимо и немыслимо. Убирать за собой шизоид отказывается наотрез, приучить его к этому невозможно.

Пример 11

Один известный ученый пенял своей жене: «Ты в своем стремлении навести порядок доходишь до абсурда — ты вытираешь пыль даже под кроватью, где она никому не мешает!»

В чем причина такого поведения? В который уже раз встает перед нами, коллеги, этот вопрос. На взгляд автора, в его основе лежат несколько тесно связанных и взаимообусловленных факторов.

Во-первых, шизоид не способен различить объективно важное и незначимое, поэтому он накапливает в индивидуальном пространстве горы хлама, нередко в ущерб действительно нужным и ценным вещам.*

**Вспомните, как герой поэмы Гоголя «Мертвые души» Плюшкин «бережливо» собирал ржавые гвозди и, в то же время, гноил под открытым небом первосортную пшеницу.*

Во-вторых, в его сознании, вероятно, этот хаос (а точнее свалка) является неким своеобразным порядком. Для него вещи не просто валяются, где попало (как это выглядит в глазах ортодокса), а занимают отведенные им места.

В-третьих, и это тоже очень важно, шизоид — астеник, он слаб и телом, и духом. У него нет сил наводить чистоту, убирать. К тому же, его лимитированная энергия и без того тратится в избытке... на реализацию стереотипов социально приемлемого

поведения. То, что легко для ортодокса, шизоиду дается с большим трудом: завязать шнурки на ботинках, застегнуть пиджак на все, без исключения, пуговицы, не облиться супом за обедом, не споткнуться на ровном месте при ходьбе... не говоря уже о более сложных и ответственных поступках.

Для шизоида выбор ортодоксального способа поведения из всех прочих, существующих одновременно в его сознании, — дело непростое. Он никогда до конца не уверен, что должен поступить, как все. Он спорит с обществом, идет на компромисс или, после внутренней борьбы, сдается — и это происходит постоянно, в быту, в обыденной жизни, по любому поводу. Он вынужден всесторонне обдумывать буквально каждый свой жест, а если не делает этого, то совершает нелепые ошибки. Представляете, сколько энергии забирает подобный образ жизни! Откуда же взяться ей на такие мелочи, как уборка квартиры или мытье посуды?

Мимика шизоидов — это оркестр, в котором каждый музыкант исполняет свою собственную мелодию. На их лицах зачастую возникают странные гримасы, никак не связанные, на взгляд стороннего наблюдателя, с характером происходящего, с актуальной ситуацией. На самом деле так оно и есть, ведь шизоиды живут в мире представлений, в которых отражение реальности искажено и подчас едва уловимо. Кроме того, шизоиды не заботятся об эстетике и сдерживающем самоконтроле внешних проявлений чувств — их тягостные, противоречивые раздумья, сомнения, вычурные переживания становятся достоянием окружающих.

Жестикуляция, сопряженная с шизоидным радикалом, также весьма своеобразна. Ее трудно с чем-либо спутать. Движения шизоидов угловатые, резкие, неловкие, плохо координированные.

Пример 12

Чтобы представить себе, как (и, главное, почему именно так!) передвигается шизоид, обратимся к примеру, найденному автором в статье о знаменитом физике, нобелевском лауреате Льве Ландау. Ландау возвращался в Москву из-за границы после полуторалетнего отсутствия. В поезде он решил написать письмо, открыл чернильницу и... потерял от нее крышечку. Почему-то Ландау не решился расстаться с чернильницей и поместил ее, открытую, в карман пиджака. Выйдя из поезда, он старался двигаться так, чтобы чернильница в кармане его дорогого заграничного пиджака не пролилась. Ничего себе — картинка! Родители будущего светила мировой науки, увидев сына, испытали шок. Они решили, что он, очевидно, болен какой-то тяжелой болезнью... Обратите внимание, странная пластика Ландау в этом эпизоде во многом объяснялась тем, что в своем поведении он сделал акцент на объективно второстепенном жизненном обстоятельстве, на далеко не главной цели — на сохранении чернил в чернильнице. Значительно более важные (по крайней мере, с ортодоксальной точки зрения) цели — встреча с родителями после долгой разлуки (произвести на них хорошее впечатление), сохранение пиджака (при тогдашнем товарном дефиците — вещь существенная), наконец, удобство передвижения по перрону — были им проигнорированы. Очень показательный пример.

Пусти шизоида в дом, и он наверняка что-нибудь разобьет, уронит, обо что-то споткнется, зальет чаем белоснежную скатерть, опрокинет тарелку...

Шизоиды отличаются также устойчивой невосприимчивостью к культуре поведения. Человек, кашляющий или чихающий вам в лицо, не прикрывая рта, или подставляющий к вашему носу свою пахучую подмышку и т. п., — шизоид.

Их позы неудобные, нефункциональные. Высокорослый шизоид, сидя, может казаться карликом. Его ноги, руки, туловище складываются так, что впору задаться вопросом: а есть ли у

человека вообще такие суставы? Кажется, что поза удерживается не благодаря, а вопреки естественной структуре опорно-двигательного аппарата.

Качества поведения. Полагаю, коллеги, вас не оставляет впечатление, что наличие шизоидного радикала — не награда, а обуза для человека. Асоциальность, сложность усвоения и реализации даже относительно простых стереотипов поведения (грубо говоря, бестолковость*), непредсказуемость поступков (никогда нельзя быть уверенным, как поведет себя шизоид, какое качество ситуации он определит, как главное) — все это, без сомнения, затрудняет адаптацию. Что взамен?

** Мой коллега, характеризуя общую знакомую-шизоида, грубовато, но любя, говорил: «Она не дура, она — балда!»*

Творчество! Шизоид — истинно творческая натура. Он не напрягается, не заставляет себя творить, он просто видит все иначе, чем ортодокс. Каждую привычную вещь, банальное явление, хорошо всем известное, набившее оскомину, шизоид воспринимает как нечто новое. Почему? — Да потому, что в основу понятия предмета (явления) он помещает не главное, как все остальные, а второстепенное качество, никем другим не принимаемое всерьез.

Шизоиды рождают новизну, под их интеллектуальным влиянием меняется мир, развивается и обогащается представление о природе вещей. Не будь шизоидов — люди стали бы рабами банальности, до сих пор жили бы натуральным хозяйством (да что там — подножным кормом!), пользовались примитивными житейскими стереотипами, не укротили бы огня, не изобрели бы колеса...

Значит ли это, что каждое умозаключение шизоида — драгоценный дар человечеству? — К счастью, нет.*

** К счастью, ибо творчество — не всегда благо, оно обуславливает изменчивость, для него нет незыблемой истины, а людям обязательно нужны периоды стабильности, консервации, закрепления в культуре всего социально полезного, наработанного предшествующими поколениями. Важно понимать, формируя отношение к творчеству, что оно всегда разрушает ранее существовавшее представление, предшествующую технологию-Будет ли это хорошо — далеко не факт.*

В девятистах девяноста девяти случаях из тысячи умозаключения шизоидов ошибочны, а порой — граничат по качеству с интеллектуальной продукцией олигофренов. Зато в одном...

О, этот золотой случай! Он переворачивает сознание людей, производит революцию в миропонимании: «А ведь Земля-то круглая! А ведь из бобов сои можно приготовить двести вкусных, питательных блюд...».

Кстати, шизоидность — не синоним высокого интеллекта. Интеллект — интегральная характеристика познавательных процессов (мышления, памяти, внимания, восприятия и др.), может у конкретного человека быть каким угодно: высоким, средним, низким... Уровнем интеллекта будет определяться уровень «прозрений» шизоида, соответственно, от этого будет зависеть отношение к нему социума. Кого-то будут считать «деревенским дурачком», «чудаком», а кого-то — философом.*

** Любопытно, в этой связи, какое определение понятию «философ» дал Толстой в романе «Анна Каренина». Характеризуя одного из центральных персонажей романа — Константина Леви-на, Толстой сказал (цитирую по памяти): «Левин был философ, то есть человек, который после долгих, сложных, утомительных рассуждений приходит к выводу, с самого начала очевидному для остальных людей». Ничего не напоминает?*

Шизоиды отличаются тем, что легко, без напряжения (имеется в виду, при высоко развитом интеллекте) постигая суть

самых запутанных, «заумных» теорий, в то же время не понимают «простых вещей».

Шизоиды легко мирятся с интеллектуальными несуразицами. Например, в одной из телевизионных передач некий исследователь заявил, что определенный физический эффект может быть достигнут при условии, если Вселенная окажется на самом деле «полым цилиндром диаметром десять в минус энной степени сантиметров». Шизоиды готовы жить еще и не в таких условиях! Для них равноценно и равновероятно существование и их реальных соседей по лестничной клетке, и зеленых человечков с Марса...

Все равно, в отношениях и с теми, и с другими шизоиды, не желая того, проявят грубость, бестактность. Это их, увы, обычная манера общения.

Они социально неопытны, простодушны, наивны, воспринимают все на веру, в силу чего часто становятся жертвами обмана, розыгрыша.

Они начисто лишены рефлексии, т. е. способности видеть себя со стороны, глазами другого человека и, сообразно этому, модифицировать свое поведение. Будучи взрослыми, они напоминают больших детей (все бы ничего, если бы не взрослые последствия их «детских» поступков!).

Вербальная деятельность шизоидов нередко весьма продуктивна. Их, среди прочего, отличает контраст между эклектичной (подчас гротескной, «клоунской» — в особенности, если проявления шизоидного радикала усилены ис-тероидной яркостью) внешностью и достаточно разумной серьезной речью: лекцией, иным публичным выступлением, статьей в журнале и т. д. Выше автор уже приводил подобный пример: помните господина в ковбойской шляпе?

Вместе с тем, пояснения шизоидов, их попытки ответить на проблемные вопросы, разъяснить окружающим научную задачу или учебный материал, бывает, плохо воспринимаются, выглядят

путанными, «не доходят». Нечто подобное наблюдается и при общении: шизоиды часто жалуются на то, что другие их не понимают (как в эмоциональном, так и в логическом аспектах).

Выбранные шизоидом пути достижения цели выглядят нелогичными. Многие их действия с ортодоксальных позиций представляются излишними, в то время как нужные отсутствуют.

Вот вам, коллеги, характерный пример. Представьте себе, что вы проголодались и зашли в ближайшую закусочную (в ту, где нет официантов и посетители сами себя обслуживают). В руках у вас громоздкий портфель, а вы вознамерились не отказать себе в удовольствии как следует пообедать. По счастливому стечению обстоятельств, за одним из столиков сидят ваши друзья. Какие действия вы совершите и в какой последовательности?

Те из вас, в ком преобладает ортодоксальное мышление и усвоенные с его помощью стереотипы поведения, вначале подойдут к друзьям и поздороваются: «Рад видеть вас. Как поживаете?» Затем попросят приглядеть за портфелем и отправятся к стойке делать заказ. После получения заказа вернуться к друзьям и с удовольствием попируют в честной компании. Не так ли?

Добрый знакомый автора — шизоид поступил иначе. В аналогичной ситуации он, не обращая, казалось, внимания на приятелей, подошел к стойке и заказал кучу всякой снеди. Когда заказ был выставлен перед ним, он, неожиданно для самого себя, столкнулся с проблемой портфеля. Как перенести все разом на облюбованный столик, когда одна рука занята тяжелой вещью? — Проще простого! Он зажал портфель между ногами (теперь, о счастье, обе руки свободны!), взял заказ и начал движение. Идти было неудобно, да и со стороны все это выглядело, мягко говоря, необычно, но это его не смутило.*

**Кстати, шизоиды весьма неприхотливы и легко переносят несовершенство быта, вольготно чувствуют себя в т. н. полевых условиях.*

На его лице заиграла несколько странноватая, однако, вполне дружелюбная улыбка. Теперь стало ясно, что своих друзей он заметил сразу, как только вошел, но почему-то принял решение несколько повременить с общением.

Внушить шизоиду более рациональную последовательность действий очень трудно. Подобные попытки часто наталкиваются на сопротивление, непонимание с его стороны, протест. Советы им отвергаются. При этом, отказываясь следовать совету близких, по-настоящему заботящихся о нем людей, шизоид легко воспринимает линию поведения, подсказанную ему порой первым встречным проходивцем (снова неумение отличить главное от второстепенного!).

Задачи. За какую бы задачу ни взялся шизоид, он непременно в процессе решения отклонится в сторону от намеченной цели.

Шизоид всю жизнь вынужден заниматься исключительно творческой деятельностью. Что такое творческая деятельность? Разве мы не обсуждали это с вами, коллеги? — Что ж, обсудим.

Деятельность человека подразделяется на шаблонно-регламентированную и творческую.

Шаблонно-регламентированная деятельность имеет заранее поставленную четкую цель и определенный алгоритм (технология) ее достижения. Например, хирургическая операция или процесс грунтования холста под будущую картину...

Творческой следует называть деятельность, представление о результате которой и способе (технологии) его достижения меняется (формируется) в процессе самой деятельности: «шила милому кiset, вышла рукавица».*

** Сравните, с этой точки зрения, две задачи: написать письмо родственнику в Мариуполь и построить Эйфелеву башню в соответствии с инженерно-строительной документацией. Какая из этих задач решается*

посредством творческой деятельности, а какая — шаблонно-регламентированной? Надеюсь, коллеги, вы понимаете всю опасность «свободы творчества» при возведении гигантской конструкции, нависающей над центральными кварталами Парижа.

При этом то, что принято называть творческой профессией, включает в себя как элементы творчества (поиск новой формы, новой сути), так и шаблонно-регламентированную деятельность (наработанные профессионалом технологии). Поэтому в творческой профессии нельзя состояться, не будучи отчасти эпилептоидом-технологом, отчасти параноиком — человеком, нацеленным на реальный результат, отчасти — шизоидом.

Для обладателя доминирующего шизоидного радикала всякая деятельность (в т. ч. рутинная, бытовая, в процессе которой сам бог велел пользоваться устоявшимися ортодоксальными стереотипами) становится творческой. На любом ее этапе любая мелочь может послужить (в сознании шизоида) причиной для отступления от магистральной технологической линии (т.н. «соскальзывание»). Воспрепятствовать этому невозможно, даже посредством жесткого контроля. Это можно только предвидеть и учитывать.

Добавим интересную деталь: «соскальзывание» шизоида на, порой, случайно подвернувшуюся ассоциацию — процесс в принципе бесконечный. Шизоид не знает, где остановиться. Мы сказали: «Вышла рукавица». Но это лишь потому, что у шизоида кто-то вырвал эту рукавицу из рук. Не вырвал бы — шизоид, глядя на нее, придумал бы множество разных вариантов переделывания рукавицы во что-либо еще, а затем — и еще во что-то... Каждая новая ассоциация, новый перенос акцента на тот или иной воспринимаемый признак предмета (явления) привлекает к себе дополнительные информационные потоки. Картина мира расширяется и не знает границ. Так что способ существования шизоида — непрерывный творческий процесс.

Таким образом, там, где новый, оригинальный взгляд на вещи необходим (наука, искусство, бизнес) — без участия шизоида в креативной группе не обойтись.*

** Вот мы и открыли с вами секрет творчества. Он прост: хотите привнести творческое начало в решение любой задачи — перенесите, подобно шизоиду, внимание с главных ее условий на второстепенные, и творческий процесс сам собой направится к творческому результату. Например, пьесу А.Н. Островского «Гроза» всегда трактовали как драму сильной и светлой личности в некачественном социальном окружении — «темном царстве». Отсюда, дескать, и нелюбовь ее главной героини — Катерины — к недалекому, слабохарактерному мужу. Она — луч света, а он даже не солнечный зайчик... Трактовали так до тех пор, пока некий творчески одаренный режиссер не обратил внимание на эпизодическую героиню «Грозы» — горничную (если не изменяет память). Она как-то выразилась туманно о привлекательной внешности и темпераменте своей барыни — Катерины. «Вот в чем тут дело! — воскликнул режиссер. — Эврика! Катерина и ее горничная — лесбиянки! Понятно, почему не притягивает муж. Понятно, отчего так злится и, в то же время, не говорит ничего конкретного свекровь — Кабаниха»... Кроме шуток, любое творчество развивается по аналогичному сценарию, и им, следовательно, можно управлять.*

Там же, где работу следует выполнять строго по шаблону, шизоид страшнее врага. Врага можно вычислить и перетянуть на свою сторону, шизоида — ни за что. Поручите ему вытачивать гайки на токарном станке — он с энтузиазмом изготовит тридцать оригинальных вещиц, причем некоторые из них будут напоминать гайки, но ни одна не будет сделана по стандартному образцу. Это касается и предметов, и идей.

Лучше всего шизоиды чувствуют себя в виртуальном пространстве, ими самими созданном. Поэтому они находят свою комфортную профессиональную нишу в программировании, конструировании, писательстве, философии, психологии, изобразительном искусстве и т. п. Конечно, далеко не все плоды

их труда становятся близкими и понятными окружающим. Однако мир, как говорится, не без шизоидов. Обладатели этого радикала тянутся друг к другу, становясь если не едино-, то одинаково нестандартно-мышленниками.*

** К слову, если вам, коллеги, почему-то не по душе авангардизм, сюрреализм и иной аналогично асоциальный «-изм» — не тушуйтесь. Дело не в эстетической неразвитости, а всего лишь в недостатке в вашем характере шизоидности.*

Особенности построения коммуникации. С шизоидами общаться сложно. Поэтому рекомендуется: во-первых, устанавливать с ними формально-доброжелательные отношения, держась на дистанции, не пытаясь без нужды проникнуть в темные глубины их своеобразной души. Во-вторых, не падать духом, не видя быстрых результатов от попыток научить их уму-разуму. Результаты появятся, но позже (когда? — трудно предугадать: может, завтра, а может — через двадцать лет совместной жизни). В-третьих, если вы не выполнили первой рекомендации и сблизились-таки с шизоидом душевно — не бросайте его, несите в полной мере ответственность за того, кого «приручили».

Обидеть шизоида — все равно, что малюго ребенка. При этом будьте готовы к тому, что он может к вам охладеть так же неожиданно и беспричинно, как привязался.

Мы уже упоминали, что для шизоида воспитательное воздействие, дружеский совет близкого человека может не иметь значения, в то время как замечание случайного знакомого окажется вдруг принципиально важным. Правы те, кто этим рационально пользуется. Хотите повлиять на шизоида — вложите ваши слова в уста психолога, священника, врача, друга семьи, соседа и т. п.

Вопросы и задания

1. Что такое мышление? Приведите пример.

2. Какова особенность шизоидного мышления? Проведите эксперимент (только будьте осторожны и ничему не удивляйтесь).

3. В романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» есть немало точных, ярких описаний шизоидного поведения К. Левина. Чего стоит эпизод со свадебной рубашкой! Вспоминаете? Левин — аристократ, миллионщик, один из богатейших людей России опоздал на собственную свадьбу из-за неприятности, случившейся с нарядной рубашкой (единственной! запасной у него, видите ли, не было). Как он мечтал об этом браке, как готовился к нему душевно — и чуть было не испортил все из-за собственной несобранности, непредусмотрительности... Попробуйте найти и другие проявления шизоидности, описанные великим романистом. И не только у Левина.

4. Назовите профессии, в которых шизоидный радикал: а) необходим; б) категорически противопоказан.

5. Попробуйте в толпе отыскать взглядом обладателя выраженного шизоидного радикала, осторожно понаблюдайте за ним (будьте тактичны, наступите на горло собственной шизоидности!). Опишите результаты ваших наблюдений. Только, пожалуйста, не станьте случайной жертвой его физической — прежде всего — неловкости.

Глава 7

Гипертимный радикал

Ничего случайного в этом мире, как мы с вами все больше убеждаемся, уважаемые коллеги, не бывает. Поведение не является исключением.

Невозможно нежиться в лучах славы, не будучи истероидом (тревожного, окажись он неожиданно в центре всеобщего внимания, как говорится, «кондратий хватит»). Не будучи эпилептоидом — не получить удовольствия от генеральной уборки в квартире. Никому, кроме параноика, не придет в голову спать в обнимку с технико-экономическим обоснованием собственного проекта. Только эмотиву по-настоящему небезразлично, почему его сослуживец вдруг побледнел и осунулся. Никто, кроме шизоида, не станет сомневаться в очевидном.

Поэтому, если вы, вставая поутру с постели, радостно говорите самому себе «бонжур», слегка удивляетесь, глядя на человека, спящего рядом с вами (не узнавая его и не помня, как он здесь очутился), и, несмотря ни на что, бодро запевааете: «Нас утро встречает прохладой!», значит, в вашем характере есть гипертимный радикал.

Общая характеристика. В основе гипертимного радикала лежит сильная, подвижная нервная система, с некоторым преобладанием процессов возбуждения.*

** Хочу напомнить вам, коллеги, что, с точки зрения нейрофизиологии, подобное заявление не является строго научным. Но мы и не покушаемся на компетенцию нейрофизиологов. Для нас важно, что указанные выше свойства нервной системы в полной мере обнаруживаются в поведении.*

Гипертим — то есть обладатель выраженного гипертимного радикала — постоянно исполнен сил, энергии, но при этом не сконцентрирован ни на чем определенном, не имеет устойчивой цели, единственного направления, в котором он расходовал бы свои мощные энергетические запасы (вот как сказывается отсутствие органических изменений!). В результате гипертим «распыляется» на множество мелких (в аспекте их социального значения, время- и энергоемкости) занятий.

Гипертим — неутомимый живчик, оптимист. Его постоянно солнечный, безоблачный взгляд на мир невольно передается окружающим, и в этом как раз заключается основная роль гипертимной тенденции в социуме.*

**Из всех перечисленных радикалов у гипертимов самая «полноценная» нервная система: сильная, динамичная... Поэтому гипертим, в основном, и занимается тем, что «сеет» ее направо и налево. Сеет, так сказать, разумное, доброе, вечное. Гипертимы, на всякий случай, стараются дарить незнакомым малышам конфетки по принципу: «а вдруг — мой!»*

Живя по принципу «Эх-ма, горе — не беда!», гипертимы создают вокруг себя жизнеутверждающую, жизнерадостную психологическую атмосферу.

Сила и подвижность нервной системы обеспечивают истинную уверенность в себе — без позерства, без чувства превосходства (которое, как известно, является обратной стороной

переживания собственной неполноценности), без агрессии (ближайшей родственницы тревожности). Гипертим просто ощущает себя в тонусе, всегда готовым к действию — и все. Он не боится жить.

Внешний вид. Специфически гипертимного телосложения не существует, хотя, по определению, астеническое — то есть слабое — телосложение должно препятствовать формированию гипертимности.

Эрнст Кречмер связывал качества характера, которые мы с вами описываем как гипертимные с т. н. пикническим телосложением (коренастые толстячки, наподобие Санчо Панса или артиста Евгения Леонова). Зачастую это действительно так, однако, автору приходилось видеть и вполне гипертимных Дон Кихотов.

Гипертимная стилистика оформления внешности — это тяготение к одежде для отдыха.*

** Если для параноиков, пользуясь определением братьев Стругацких, «понедельник начинается в субботу», то для гипертимов, напротив, «суббота начинается в понедельник». Поэтому, например, в офис они любят приходить в одежде, предназначенной для веселого, легкого времяпрепровождения, которое запланировано ими на вечер (точнее, на остаток суток) после работы.*

Гипертимная тенденция также привносит в одежду, макияж, аксессуары и т. д. особый привкус торопливой небрежности (прошу не путать с дремучей неаккуратностью шизоидов!). Гипертимы вечно все делают на бегу: спеша, дожевывают бутерброд, допивают сок, одновременно натягивая на голову свитер или застегивая рубашку... Не мудрено при этом чего-то «недозастегнуть», а то и вовсе — забыть надеть на себя.

Автору рассказывали, как некая гипертимная девушка, собираясь погожим летним утром на работу, забыла присовокупить к своему наряду немаловажную деталь, а именно — юбку. Да, коллеги, она забыла надеть юбку, и ей понадобилось пройти полквартиры, чтобы по недоумевающим лицам прохожих понять, что она в чем-то погрешила против общепринятых правил. Думаете, она была смущена, испугана? — Вовсе нет! Эта история развеселила ее, дала лишний повод посмеяться самой и позабавить рассказом об этом юмористическом происшествии своих сослуживцев (что она и не преминула сделать, как только исправила погрешность и добралась до работы).

Полное невнимание к общественному мнению (точнее — к условностям, которые бытуют в социуме), свойственное гипертимам, нередко отражается на их внешности. Мы только что говорили о том, как девушка забыла надеть юбку. А ведь, с ее-то характером, она могла бы и вполне осознанно, не завершив полностью туалета, выбежать на улицу «в чем есть». Например, если очень захотела бы кого-то уходящего догнать, остановить.

Отметим, что в подобном поведении нет и намек на пренебрежительное, высокомерное отношение к окружающим (дескать, что хочу, то и делаю, а на других мне наплевать). Нет. Гипертим естествен в своем отрицании условностей. Он на самом деле не понимает, что, собственно, шокирующего в человеке, разгуливающем в людном месте в одном нижнем белье.*

**Помните, как у Булгакова в «Беге» генерал Чарнота шел по Парижу в подштанниках. Ну, по Парижу, ну — в подштанниках... Что тут такого? В чем трагедия? Если одеться, как следует, не было возможности, а идти надо. Что же теперь — застрелиться?*

Еще одна психодиагностически значимая деталь, имеющая отношение к одежде гипертимов: их карманы (сумки и т. д.) часто бывают наполнены разнообразными предметами (подчеркнем —

полезными, актуальными предметами, чтобы не спутать с шизоидным мусором). В этих предметах овеществлено разнообразие социальных связей и интересов гипертимов.

Ежедневно, а то и по несколько раз в день, набор предметов меняется. На смену одним приходят другие. Это означает, что гипертим, выполнив добровольно возложенные на себя общественные миссии, взялся за их новую порцию. «Лекарства Васиной жене я отнес, — констатирует он привычно, — теперь завезу Коле батарейки для радио. Лена просила отдать утюг в починку, а платье — в химчистку. Эта телефонная карта — для Люси, сигареты — для Маши, а презервативы — для всех, с кем сведет сегодня судьба».

Пространство, принадлежащее гипертиму, больше всего напоминает вокзал, перевалочный пункт. Там постоянно кто-то находится. Эти люди подчас незнакомы между собой и лишь догадываются, кто является хозяином квартиры. Сам хозяин дома бывает редко и заглядывает туда ненадолго, мимоходом.

Автор знал выраженного гипертима (с не менее выраженным шизоидным радикалом в характере), у которого в московской квартире вообще не было входной двери. Дверной проем был занавешен то ли войлоком, то ли толстым одеялом — наподобие чума или вигвама. Зато любой осмелившийся откинуть войлок и проникнуть внутрь находил самый радушный прием (но не находил признаков материального достатка. За этим — к эпилептоиду).

В любом случае пространство гипертима предназначено целиком для активного отдыха и общения, а также несет на себе отпечаток небрежности, незавершенности. Все, что ни делается им для обустройства собственных помещений, будь то ремонт, сборка мебели, распределение бытовых и рабочих предметов по местам, — делается наспех, без установки на достижение высокого качества.

В результате обои как будто наклеены, но с огрехами — местами пузырятся, отстают от стены; мебель собрана и расставлена по квартире, но как-то кривовато, косовато, шатается из стороны в сторону; посуда, книги, инструменты, игрушки и т. д. не аккуратно разложены по полочкам, а второпях распиханы куда попало.

Хрупкие (и относительно хрупкие) предметы страдают от бурного темперамента гипертимов. Нет, гипертимы не ведут себя, как слоны в посудной лавке, — неловко, несуразно, бестолково. Это, как вы помните, удел шизоидов.

Гипертимы достаточно ловки, но грубоваты в обращении с предметами. Взяв, например, в руки книгу, они смело раскрывают ее «вовсю ширь», ломая переплет, загибают и вырывают понравившиеся страницы. После такого «прочтения» это уже что угодно, но не книга... Гипертим нальет себе в гостях водки в самый дорогой, раритетный бокал, выпьет и... с чувством, лихо шарахнет этим бокалом об пол: «За здоровье хозяев дома!» (хозяев-эпилептоидов после этого увозит «скорая» с сердечным приступом).

Некоторое время назад у автора (когда он был еще читатель, а не писатель) была привычка покупать утром, по дороге на работу, свежую прессу. Поскольку рабочий День начинался, разумеется, не с чтения газет, они бережно откладывались на край стола до наступления перерыва, когда можно не торопясь, с удовольствием, насытиться актуальной информацией.

Все так бы и случилось, если бы не гипертим-сослуживец, который, в свою очередь, завел привычку, увидев, радостно хватать эту стопку газет и кидаться их «просматривать». «Так и знал, — разочарованно заявлял он всякий раз, закончив чтение «по диагонали», — опять пишут всякую ерунду».

После этого он возвращал газеты. Газеты?! Нет, господа, это уже были не газеты. Это были мятые, скомканные, жеванные, местами надорванные бумажки... Оставалось их похоронить в

мусорной корзине и, вздыхая и злясь, отправляться к ближайшему киоску за новыми. Что и приходилось делать.

Такая же участь постигает и любые сложные, мудреные устройства, например компьютеры, иную электронную технику, попади они в «очумелые ручки» гипертима. Что он с ними делает, на какие кнопки нажимает — остается загадкой даже для выдавших виды и способных предположить самое невероятное шизоидов. Но дисплеи гаснут, из корпусов пробивается синеватый дымок, и техника, имеющая умную, глубоко эшелонированную защиту «от дурака», способная выдержать близкий ядерный взрыв, умирает от прикосновения гипертима.

В основе этого поведенческого феномена лежит не только их торопливая небрежность. Важно, что гипертимы не понимают значения кропотливого труда и, соответственно, ценности его результатов. Поэтому и сама по себе сложная аппаратура, и область ее применения не пробуждают в них душевного трепета и любопытства.

Кроме того, гипертимы не видят проку в любой виртуальной реальности, будь то литература, телевидение, театр или компьютерная программа.

Они любят настоящую жизнь, реальные, а не придуманные кем-то события, они хотят не созерцать, не наблюдать со стороны, а участвовать. Какие там, к черту, телесериалы! Гипертим ежедневно попадает в такие переделки, что, найди он время и желание о них рассказать, все пенсионерки и домохозяйки часами сидели бы и слушали с открытыми ртами, не скрывая слез и вздохов.*

** Надеюсь, теперь вы понимаете, коллеги, насколько несерьезны прогнозы некоторых футурологов, предполагающих, что вскоре весь мир настолько увлечется возможностями компьютеров, что полностью погрузится в виртуальное пространство. Как бы не так! Шизоиды — верно, погрузятся. Так они, извините, его и не покидали. Не было компьютеров — были книги,*

заменяющие шизоидам реальную жизнь, в которой им сложно самостоятельно разобраться. Но гипертимы — никогда! Им не нужны программируемые виртуальные друзья, собеседники, партнеры по виртуальному сексу... Вся эта чушь — спасительная для асоциальных шизоидов — с сотворения мира не вызывала, не вызывает и никогда не вызовет у гипертимов ничего, кроме снисходительной иронии.

Любимыми вещами гипертимов, которыми они наполняют свое жизненное пространство, являются не книги, а записные книжки.

Новые и совсем затертые, с белоснежными и пожелтевшими от времени страницами, они попадаются на каждом шагу. Гипертим с удовольствием, в редкие минуты затишья, просматривает их, выбирая наугад очередную небрежно сделанную запись, с тем чтобы реанимировать угасшие некогда отношения.

«Ира,- читает он собственный нечеткий почерк (писал быстро, на коленке). — Кто такая? Не помню. Да вот же, телефон! Сейчас позвоню и выясню». И он начинает набирать цифры телефонного номера, невзирая на то, что на дворе глубокая ночь, что записи этой уже лет десять, не меньше, что ничего не подозревающая Ира скорее всего спит, накрутив волосы на бигуди, в супружеской постели рядом с похрапывающим мужем-эпилептоидом — ревнивцем и жмотом...

Завершая разговор об оформлении пространства, добавим, что в интерьере гипертимов, являющихся страстными любителями всевозможных поездок на лоно природы, пикников, национальных и интернациональных охот, рыбалок и т. п., присутствуют необходимые для всего этого предметы, устройства. Удочки, ружья, мангалы, шампуры...

Именно присутствуют, а не царят, как у эпилептоидов, которые только и делают, что приводят амуницию в идеальный порядок — чистят, смазывают, меняют порох и дробь.

Это различие проистекает из самой логики эпилептоидного и гипертимного радикалов. Функциональный эпилептоид едет на рыбалку за рыбой, на охоту — за дичью, а на пикники он — мизантроп — вообще никогда не ездит, считая их пустой тратой времени. Гипертиму не нужны рыба и дичь, он ищет лишь развлечений, интересных встреч, он жаден до событий.

Легко узнать гипертима по особенностям мимики и жестикуляции. Его лицо излучает если не веселье, то любопытство. Он всегда жаждет поделиться с окружающими своим приподнятым настроением, приобщить к своей жизни, к своим занятиям как можно больше людей. Поэтому он часто, в поисках партнера по общению, оглядывается по сторонам; не стесняясь, с легкой жизнерадостной улыбкой заглядывает в лица прохожих, «встречных-поперечных», подмигивает им призывно.

Он залиvisto, энергично смеется, не скрываясь, не считая нужным сдерживать себя. Это именно гипертим, и никто другой, покатывается от хохота, подергивая руками и ногами, приговаривая «ой, мама» и захлебываясь.

Гипертимам — вездесущим живчикам — свойственны приветственные и иллюстрирующие жесты.

Они постоянно приветствуют кого-то взмахами рук и кивками, причем на вопрос: «кто это?» далеко не всегда дают уверенный ответ. Приподнятая над головой шляпа, воздушный поцелуй, «салют» тростью, зонтиком, свернутой в трубку газетой и т. п. — жестикуляция из арсенала гипертимов.

Рассказывая о чем-то, гипертим нередко иллюстрирует свое повествование жестами, имитирующими (схематически моделирующими) те или иные описываемые действия. «Они полетели», — говорит он и начинает ритмично махать руками, разведенными в стороны. «Они поплыли», — и его руки

перемещаются теперь уже попеременно вперед и назад, совсем как у человека, плывущего кролем. Кроме гипертимов, с их жизнерадостностью, пренебрежением условностями и некоторой грубоватостью, так больше никто не поступает.

Гипертимы все движения совершают быстро — они быстро ходят, быстро едят, быстро говорят. Автор помнит, каким испытанием оборачивался каждый поход в столовую с приятелем-гипертимом (тем самым любителем свежих газет, упомянутым выше). Сначала приходилось идти по улице, развивая спринтерскую скорость (столовая находилась на некотором расстоянии от учреждения). Затем оба, он — легко, непринужденно, а автор — давясь и обжигаясь, в минуту поедали всю купленную снедь. Ни тебе удовольствия, ни отдыха измученной душе.

Качества поведения. Свойственные гипертимам оптимизм, жизнелюбие и низкую тревожность, являющуюся признаком сильной нервной системы, мы уже обсудили. Поговорили и об их небрежности, невнимании к качеству производимого ими продукта (в широком смысле).

Действительно, за что бы ни взялся гипертим (а он, распираемый энергией, берется за многое), он все сделает «тяп-ляп» и не доведет начатое до конца. Ему не хватает целеустремленности, он распыляет свои силы.

Отсутствие тревоги наносит ущерб исполнительности, обязательности, ответственности, осторожности, постоянству во взаимоотношениях.

Гипертим неисполнителен, потому что склонен недооценивать ситуацию и, в связи с этим, возможные отрицательные последствия своего поведения. Получив задание и средства для его выполнения, он отправится развлекаться. А когда кто-то тревожный напомнит ему, что время, дескать, близится, а

результата все нет, гипертим хлопнет дружески его по плечу и скажет: «Все равно, деньги я прокутил, оставшихся нам для дела не хватит. Пойдем, лучше, потратим и эти. Семь бед — один ответ».

Гипертим необязателен — наобещав «с три короба», он тут же забудет многое из обещанного. К выполнению возложенных самим на себя поручений гипертим также относится избирательно. Он вовсе не «добрый самаритянин», не добровольный социальный работник. Он делает только то, что сулит, в его представлении, новые знакомства, новые интересные приключения.

Гипертим часто проявляет безответственность, поскольку причисляет деловые, серьезные отношения между людьми к разряду условностей, которыми привык пренебрегать.

У него в голове не укладывается, зачем другие надрываются на работе, когда можно отдыхать и бесплатно наслаждаться жизнью.

Помните, как в анекдоте: «лежу под пальмой, жую банан и думаю, что если бы я закончил Оксфорд, заработал в поте лица миллионы, купил банановую плантацию в тропиках, нанял работников, то лежал бы в тени пальмы и жевал себе банан. Что, собственно, я сейчас и делаю».

Гипертим неосторожен. Тревога — не блажь, не бесполезное, досадное препятствие на пути легкого течения жизни. Это подаренное нам природой средство предостережения, предупреждения о реальных опасностях, которых немало в нашем несовершенном мире. А гипертим лишен тревоги. Он нигде, никогда, ни в ком и ни в чем не чувствует угрозы. Он внутренне расслаблен и благостен, даже когда опасность вплотную подступает к нему. Нередко это приводит к драматическим последствиям.

Гипертим смело знакомится на улице с первой попавшейся компанией — «вливается», говоря языком рекламы, не думая, какими неприятностями может обернуться подобное знакомство.

Он не обращает внимания на хвори, недомогания, предпочитая переносить их «на ногах», чтобы не выпасть из захватывающего контекста бытия, поэтому приходит за медицинской помощью, когда болезнь уже зашла далеко. Когда уже поздно что-то делать.

Чем сполна наделен гипертим, так это общительностью. Он охотно расширяет круг общения, следуя своему девизу: «Ни дня без нового приятеля». Не желая знать условностей, гипертим легко устанавливает контакты с представителями разных социальных слоев, групп, являясь своего рода связующим звеном между этими группами.

«Не бойся стучаться в самые высокие двери», — напутствовал автора гипертимный товарищ. Сам он делал это без напряжения.

Стучался и, лучась улыбкой, заходил. Некий грозный Небожитель хмурил брови... Но разве можно сердиться на гипертима! Ведь он ни на чем не настаивает, ничего не просит. Он только говорит: «Господин министр, давно ли вы босиком ходили по траве? Давно ли сидели с удочкой над тихой речной заводью? Не хотите ли вспомнить?» Надо быть последним занудой-эпилептоидом, чтобы прогнать от себя такого человека.

Мы говорили о неосторожности гипертимов. Верно. В то же время, они наделены поведенческой гибкостью и изобретательностью, за счет которых выходят из критических, подчас, ситуаций.

Вот вам пример. Приятель автора (да-да, тот самый мастер по переработке свежей прессы в несвежую) оказался как-то раз в одном небольшом ресторанчике. Кроме него, в зале расположились две компании. Одна, состоящая из крепких молодых людей, очень напоминала «братков», празднующих освобождение друга из мест заключения. Другая представляла собой большую еврейскую семью, отмечающую какое-то торжественное событие. В ресторанчике играла «живая» музыка: пожилой тапер за роялем и девочка-скрипачка. Вот такая

диспозиция, понимаешь. Обе компании до какого-то момента гуляли тихо, не мешая друг другу.

Затем, под влиянием выпитого, в «братках», по-видимому, зашевелилось нечто вроде «национальной гордости великороссов», и они стали недружелюбно, с вызовом, поглядывать в сторону евреев, отпуская агрессивные реплики. Евреи, среди которых было несколько взрослых мужчин, тоже решили не оставаться в долгу и все чаще бросали гневные взгляды на потенциальных обидчиков.

Атмосфера накалялась. Тогда наш гипертим подошел к таперу и заказал «Таганку». Рояль запел, заплакала скрипка. «Таганка, все ночи полные огня...», — подхватили и «братки», и евреи (что поделать, история нашего многострадального Отечества сложилась так, что всех нас роднит не только водка, но и тюрьма). Заметно «потеплело». Не делая передышки, гипертим заказал музыкантам «семь-сорок».

Под залихватскую мелодию стали отплясывать и евреи, и «братки». Выразительнее всех танцевал мой приятель (кстати, природный русак). Пожилая еврейка сказала ему потом: «Вы — настоящий еврей. Теперь таких мало»... От взаимной неприязни не осталось и следа. Началось всеобщее братание. Словом, благодаря гипертиму, вечер прошел как нельзя более удачно.

Все бы хорошо, да общительность гипертима поверхностная, его социальные связи неустойчивые, недолговечные. Налетев как вихрь, он кружит человеку голову, чтобы потом, ни о чем не сожалея, вдруг улететь прочь.

Среди любимых гипертимами песен есть две, особенно точно передающие суть этого характера. «Умейте жить, умейте пить и все от жизни брать. Ведь все равно когда-нибудь придется умирать...».

И вторая: «Может, мы обидели кого-то зря? — Календарь закроет этот лист. К новым приключениям спешим, друзья. Эй, прибавь-ка ходу, машинист!».

Да, уважаемые коллеги, скатертью, скатертью стелется дальний путь гипертима и упирается прямо в небосклон...

Задачи. Поручите гипертиму любое — самое сложное, самое ответственное — задание, и он превратит его в выполнение... в народное гулянье. Будет много разговоров, шуток, взаимных розыгрышей и «приколов», воспоминаний о былом. Все засидятся затемно, а то и до рассвета... но воз нерешенных задач останется на прежнем месте.

При этом, чем более рутинной, трудоемкой, требующей прилежания и терпения будет работа, тем меньше шансов на ее хотя бы частичное выполнение гипертимом. Доверьте ему составлять бухгалтерский отчет, и он проведет ночь... в дискотеке. И никакие посулы — заманчивые и угрожающие — не изменят положения вещей.

Что же следует поручать гипертимам? А вот что. Никто так быстро и хорошо не справится с заданием собрать разных людей (ни сном, ни духом прежде не помышлявших куда-либо идти) в одном месте, в одно время.

В современных условиях, когда, с одной стороны, трудно планировать что-то заранее из-за малоуправляемой динамики жизни, а с другой — большинство видов труда превращаются в коллективные, эта способность гипертимов становится поистине неоценимой.

Он будет действовать, как в известном анекдоте: сказал одному: «Есть превосходный коньячок, нужен первосортный балычок». Сказал другому: «Есть первосортный балычок, нужен превосходный коньячок». Собрались втроем и хорошо посидели.

Его не надо подталкивать, торопить, контролировать промежуточные результаты (дозвонился — не дозвонился до нужного человека?). Он все сделает сам, без напоминаний и с удовольствием. Единственное, о чем следует позаботиться — об

ограничении его коммуникабельности разумными пределами. Иначе на конфиденциальный междусобойчик, так сказать, для «узкого круга ограниченных лиц», он созовет весь город.

Исходя из этого, понятно, что гипертим успешнее всего адаптируется к профессиям типа «массовика-затейника», антрепренера, администратора в шоу-бизнесе, организатора массовых действий. В этом качестве его следует привлекать и в многофункциональные команды.

Помните, у персонажа романа Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» Виктора Михайловича Полесова ничего не получалось, когда дело касалось его прямых обязанностей слесаря. Ни ворота починить, ни мотоцикл собрать он не мог. Зато какую расторопность и энтузиазм проявил он, созывая на заседание тайного общества «Меча и орала» недоумевающих и испуганных старгородцев. Наверняка, они не хотели идти, сомневались, отнекивались, отговаривались, ссылаясь на недосуг. Но ведь пришли же, пришли! Вот вам и слесарь «без мотора».

Особенности построения коммуникации. Вы, вероятно, уже догадались, уважаемые коллеги, что учиться ускорять и облегчать процесс знакомства с гипертимом мы не будем. Не мы с ним, а он с нами познакомится, не успеем и глазом моргнуть. Он привык действовать по принципу: «я такой гусь, что любой свинье товарищ». Кажется, только скажешь ему первое «здравствуйте», а он уже в твоём домашнем халате жарит на твоей кухне яичницу.

В этом разделе нам лучше посоветоваться о том, как избежать его панибратства, фамильярности, как уклониться от его безудержной энергетики, как не быть вовлеченным в бурный, стремительный поток гипертимной жизни, с которым только ему и дано справиться. Остальные — утонут, захлебнутся, обессилив.

Так как же? От панибратства, склонности мгновенно сокращать межличностную дистанцию, переходить на «ты» с

людьми, независимо от их пола, возраста и общественного положения — пожалуй, никак. С этим нужно смириться. Впрочем, беда невелика. А вот от активного, в гипертимном стиле, продолжения знакомства вполне можно отказаться.

Для этого нужно проявить некоторое упрямство. Надо просто не соглашаться на его предложения «прошвырнуться», «задать небесам жару» и т.п., и гипертим вскоре отстанет, переключившись на более податливый и заводной объект.

Вообще, следует принимать гипертима (как и обладателя любого другого радикала) таким, каков он есть. Строить отношения не с иллюзией человека, а с человеком, во всем объективно существующем качественном своеобразии его поведения.

Нельзя, например, все время удерживать гипертима возле себя. Не получится. Кто сказал: «получится»? Эпилептоид?

Если добиваться этого насильем — физическим и/или психологическим — то совместная жизнь превратится в ад. Гипертим, прикованный наручниками к креслу, будет медленно угасать... И если в вас есть хоть капля эмотивности, вы отпустите его на свободу. «Он улетел, — скажете вы заинтригованным окружающим, — но обещал вернуться».

Да, улетевший «с небольшим докладом на заседание Малого Совнаркома», «поматросивший и бросивший» гипертим вернется. Он обязательно отыщет вас в своей потрепанной записной книжке и позвонит. Это случится ночью. Лет через десять. Вы, закрутив волосы на бигуди, будете спать в супружеской постели рядом с похрапывающим мужем-эпилептоидом — ревнивцем и жмотом...

Гипертим — искрящаяся комета, описывающая по жизни круг огромного радиуса и озаряющая своим светом все малоподвижные планеты, попадающие на ее пути.

Вопросы и задания

1. В чем заключается внутреннее условие формирования гипертимного радикала?
2. Найдите признаки гипертимной тенденции в поведении известных персонажей отечественной и зарубежной литературы: Остапа Бендера, Ноздрева, Фигаро. Подтвердите примерами.
3. Какие еще радикалы, на ваш взгляд, интегрированы в характеры перечисленных выше персонажей?
4. Назовите области профессиональной деятельности, в которых необходимо (или желательно) наличие в характере гипертимного радикала. Для каких профессий гипертимность является препятствием?

Глава 8

Тревожный радикал

И вот, уважаемые коллеги, настал момент, когда мы приступаем к изучению последнего... Нет, не так... «Последний» — слишком уж мрачное слово. Лучше сказать, «оставшегося пока непознанным» радикала методики — тревожного.

Признаюсь, что-то автору не по себе. Одолевают его, знаете ли, сомнения. Получится ли у нас овладеть, как следует, этой методикой? Получится ли из этого вообще что-либо путное?

Стоило ли за все это браться? Не поспешили ли мы, не совершили ли ошибки? В общем, как бы чего не вышло.

Общая характеристика. Внутренним условием формирования тревожного радикала является слабая и, судя по всему, малоподвижная нервная система. Что, кроме этого, — для автора пока остается загадкой. Однако можно сказать, коллеги, относительно твердо: нервная система, не способная выдерживать длительный процесс возбуждения, обуславливает, во-первых, реализацию в случае опасности состояния «мнимой смерти» (см. главу 3), во-вторых, низкий порог возникновения тревожных реакций.

Напомню, что под «мнимой смертью» мы понимаем быстро развивающееся, произвольное угасание у животного и человека психической и физической активности в ситуации сильного стресса. Если бы это происходило под контролем психики, сознания, мы бы сказали, что у живого существа есть надежда, что опасность пройдет мимо, что ее источник (хищник, агрессор) не станет связываться с «мертвецом».

Надежды, как осознанного переживания, здесь нет, но объективный шанс выжить — есть. В возникновении этого состояния заключен вполне определенный адаптационный смысл. Природные пищевые пирамиды очень рационально устроены. В частности, чтобы не терять понапрасну ограниченные запасы белка и других ценных органических соединений, многие плотоядные животные приспособились питаться мертвечиной. Для этого в их организме присутствуют ферменты, мгновенно расщепляющие трупный яд — одно из самых токсичных соединений в мире — на более простые в структурном отношении, вполне безобидные химические вещества.

В организме хищников, питающихся живой добычей, таких ферментов нет. Поэтому их попытка отведать падали приведет к

неминуемой гибели в результате отравления. Вот они и проходят мимо животных, которых принимают за трупы, — не из благородства или высокомерия, как можно было бы подумать, а из инстинктивного опасения за собственную жизнь.

Впрочем, мы отвлеклись. В поведении человека «мнимая смерть», так сказать, во всей красе — явление редкое. Значительно чаще наблюдаются различные формы

частичного оцепенения, частичного «паралича» воли, вялость и рассеянность, неспособность собраться с мыслями в минуту опасности и т. п. Все это — поведенческие феномены, свойственные тревожным натурам.

Несколько раньше (см. главу 5) мы обсуждали принципиальное различие между эмоциональными и тревожными реакциями.

К тревожным реакциям относятся волнение, беспокойство, собственно тревога, страх, ужас, панический ужас. Говоря бытовым языком, тревожные реакции — это различные степени выраженности страха. В отличие от эмоций (коих — целый спектр), они монотонны и субъективно тягостны. Эмоции способствуют сохранению жизненно важного постоянства внутренней среды организма (т. н. гомеостаза), тревожные реакции нарушают гомеостаз. Поэтому эмоции, чаще всего, хочется переживать, от тревоги всегда хочется избавиться.

Мы уже не раз говорили с вами, коллеги, о том, что страх (тревога) является важным средством раннего предупреждения об опасности. Однако низкий порог возникновения тревожных реакций приводит человека к ситуации, когда он начинает бояться любых — самых незначительных — изменений обстановки. Вообще, опасается новизны, что оказывает наиболее существенное влияние на стилистику его поведения.

Внешний вид. Мы вынуждены констатировать, что специфического «тревожного» телосложения- не существует в природе — одним психодиагностическим признаком, к сожалению, меньше.

В оформлении внешности тревожные (то есть обладатели выраженного тревожного радикала) являются антиподами истероидов. Если последние из кожи вон лезут, чтобы выделиться на общем фоне, выйти на передний план, стать центром всеобщего внимания, то тревожные прячутся от людских глаз, стараются всеми силами слиться с этим самым фоном.

Помните, коллеги, мы говорили, что истероида нельзя не обнаружить на общей фотографии — настолько он ярок и контрастен по отношению к окружающим. Так вот, характеризуя с этой точки зрения тревожного, мы уберем из фразы частицу «не». Обнаружить его нельзя. Во всяком случае, очень трудно.

«Где он? — спросите вы — Да где же?». — «Вон там, на заднем плане, за фикусом. Видите, колено торчит и плечо. Жаль, всего остального не видно».

Истероиды на групповой фотографии располагаются в центре, тревожные — рассеяны по периферии (как сетовал известный персонаж рассказа Зощенко: сняты «мутно, не в фокусе»).

Тревожные выбирают одежду темных тонов, неброских цветов: серого, черного, коричневого, синего. Предпочитают монохромность (одноцветие) костюма. Украшений (речь в данном случае, прежде всего, идет о женщинах) не любят, макияжа стесняются, но боятся отказаться от них совсем, поскольку в этом случае рискуют выделиться из общей массы, погрешив против конвенциональных норм поведения.

Ходят тревожные всегда в одном и том же. Они «прикипают душой» к вещам и стараются как можно дольше сохранять их в целостности. Обращаются с одеждой бережно, аккуратно. Не скупость

(производное от эпилептоидного радикала), а боязнь столкнуться с проблемой перемены гардероба, с необходимостью приобрести и начать носить что-то новое лежит в основе подобного поведения.

Когда, несмотря на все старания, вещам приходит срок, они ветшают и окончательно теряют свою потребительскую ценность, тревожные — после мучительных колебаний, покоряясь неизбежности, — идут в магазин и покупают (с третьей или четвертой попытки)... абсолютный аналог утраченной вещи. То же самое, но в обновленном варианте.

Таким образом, приобрести обновку для тревожных — проблема, появиться в ней на людях — подвиг. Те из окружающих, кто не понял этого или не принял во внимание, рискуют в своих попытках «улучшить внешность» тревожного столкнуться с его сопротивлением. Причем, не столько с явным протестом, сколько со скрытым, завуалированным саботажем.

Тревожный не хочет наряжаться — и все тут. Настойчивость при этом приведет лишь к актуализации все новых форм противодействия. В конце концов, придется сдаться и оставить его в покое.

«...Отказаться от наряжения, которое предлагали ей, повело бы к продолжительным шуткам и настаиваниям. Она вспыхнула, прекрасные глаза ее потухли, лицо ее покрылось пятнами, и с тем некрасивым выражением жертвы, чаще всего останавливающимся на ее лице, она отдалась во власть m-Ile Bourienne и Лизы... После двух или трех перемен, которым покорно подчинялась княжна Марья, в ту минуту, как она была зачесана кверху..., в голубом шарфе и масака нарядном платье, маленькая княгиня раза два обошла кругом нее, маленькой ручкой оправила тут складку платья, там подернула шарф и посмотрела, склонив голову, то с той, то с другой стороны.

— Нет, это нельзя, — сказала она решительно, всплеснув руками. — Нет, Мари, решительно это не идет к вам. Я вас лучше

люблю в вашем сереньком ежедневном платье» (Л.Н.Толстой «Война и мир»).

Одним из самых неприятных происшествий, способных привести к дезорганизации поведения («мнимой смерти») тревожного, является ситуация, когда что-то случается с вещами, к которым он привык, и/или заранее, по его обыкновению, приготовил для того, чтобы надеть на себя. Например, если близкую его телу рубашку нечаянно прожгли утюгом, испачкали, взяли без спроса*...

**Среди чад и домочадцев попадаются-таки истеро-гипертимы, которым ничего не стоит примерить на себя понравившуюся вещь, независимо от ее принадлежности, да так в ней и остаться.*

О, это трагедия посильнее «Фауста» Гете! Тревожный начинает хаотически метаться по помещению и подвывать, заламывая руки. Затем — падает, обессилев. А где-то, в пяти трамвайных остановках отсюда, медленно разгорается рабочий день, начинается репетиция концерта симфонической музыки, интересное кино, встреча с популярным писателем или мастер-класс психолога-практика. И все это — без него. Без него.

В голову тревожному при этом не приходит, что в гардеробе, если поискать хорошенько, можно найти неплохую замену утраченной вещи. Как же, ведь он настроился, он психологически подготовился к этому предмету туалета, а не к другому! Тревога, охватившая его, парализует ум, расстраивает чувства, обезоруживает волю.

Интересно, что когда истероид сталкивается с человеком, одетым в одинаковое с ним платье, он сильно расстраивается. Тревожный в подобной ситуации успокаивается: ура! есть с кем разделить ответственность за выбранный наряд.

Та же тенденция беречь привычные вещи, сохранять их неизменное месторасположение, с большим трудом и внутренней

борьбой приобретать что-то новое (но ни в коем случае не выбивающееся из установленного, раз и навсегда, неброского имиджа!) прослеживается и в оформлении пространства.

Место, где обитает человек, наделенный тревожным радикалом, узнаешь сразу. Там все чистенько, опрятно, нет ничего лишнего, немногочисленные предметы строго на своих местах.

Именно, что немногочисленные. У эпилептоидов тоже все аккуратно, но они смело оперируют большим числом предметов, разнообразных вещей, без конца классифицируя их, сортируя, раскладывая по полочкам. Когда собственных полочек эпилептоиду уже не хватает, он протягивает руки к чужим, осуществляя вынужденную (сами ведь не могут навести порядок!) экспансию.

Эпилептоид расширяет границы занимаемого им пространства, тревожный — суживает до «прожиточного минимума». Эпилептоид постоянно покушается на чужую сферу компетенции, тревожный рад бы отказаться от части своей, лишь бы его оставили в покое. В этом принципиальное отличие указанных радикалов*.

**На самом деле, в этих радикалах больше общего, чем различий. Эпилептоид боится жизни не меньше тревожного, но ему хватает сил агрессивно защищать свою территорию и диктовать свои условия тем, кто их готов выслушивать, а тревожный бывает деморализован собственным страхом. Возможно, тревожный радикал — есть некое качественное продолжение эпилептоидно-го, следующий этап развития органических изменений в нервной системе.*

Пространство тревожных не похоже также и на пространство истероидов. И не только тем, что у истероидов все предметы, создающие интерьер, яркие, цветастые, запоминающиеся, а у тревожных — блеклые, темные, нарочито заурядные.

Истероиды персонифицируют свое пространство, четко обозначают, кто в нем обитает, кто осчастливил его своим

присутствием: повсюду их фотографические и живописные портреты, именные кубки и салатницы, грамоты, открытки, книги с дарственными надписями типа: «Дорогому Петру Петровичу в день девяностопятилетия от коллектива Районной погребальной конторы. Ждем и надеемся!».

Тревожные, напротив, избегают подобной самопрезентации. Их пространство безлико, оно словно никому конкретно не принадлежит.

Среди вещей, особенно дорогих тревожным, — амулеты, обереги и т. п. Их немного, часто — всего один, но такой, с которым тревожный человек идет по жизни, не расставаясь. Подобный амулет хранится с особой тщательностью, в самые тяжелые минуты играя роль клапана, через который отводится излишек страха. К нему обращаются с молитвой, заклинанием: «Спаси, сохрани, избавь, укрепи дух, отведи гнев...» Потеря амулета для тревожных равносильна потере близкого друга. При этом они могут надолго впасть в состояние душевного оцепенения.

Позы тревожных, их мимика и жестикуляция весьма сдержанны, нередко как бы вообще отсутствуют. Их движения настолько невыразительны, что их трудно разглядеть, а тем более запомнить. Они все время «сидят на краешке стула», боясь привлечь к себе излишнее внимание. Можно находиться с тревожным в одной комнате и не чувствовать, что он рядом. Не потому, что человек будет специально прятаться, скрываться. В том-то и дело, что он просто будет вести себя, как всегда, тихо и незаметно, что естественно для него.

Единственное, что более или менее отчетливо отражается на лицах тревожных, так это оттенки страха (при длительном стрессе — хронического). Помните, как у Толстого: «Княжна Марья возвратилась в свою комнату с грустным, испуганным выражением, которое редко покидало ее и делало ее болезненное, некрасивое лицо еще более некрасивым».

Тревожные разговаривают обычно мало, негромко, их голос монотонный, слабо модулированный.

Вместе с тем, значимым с психодиагностической точки зрения является контраст поведения тревожных в привычном (хорошо знакомом, проверенном, предсказуемом) и в новом для них окружении.

Тревожная тенденция имеет свойство несколько угасать, отступать на задний план, когда ее обладатель находится среди друзей. И тогда другие радикалы, составляющие реальный характер, выходят вперед, формируя стиль поведения.

Вам, уважаемые коллеги, наверняка не раз приходилось видеть и неутомимого спорщика, и самовлюбленного хвастунишку, и пышущего злобой клеветника, распространяющего сплетни, и поэта, декламирующего свои стихи, и остроумного рассказчика, которые... мгновенно умолкали, прятались как улитка в раковину, стоило в привычной для них компании мелькнуть незнакомому лицу.

Качества поведения. Тревожный радикал наделяет своего обладателя боязливостью, неспособностью на решительный шаг, склонностью к сомнениям и колебаниям во всех жизненных ситуациях, мало-мальски отличающихся от привычной. Говорят: семь раз отмерь, один — отрежь.

Тревожный семьдесят семь раз отмерит, и после этого все еще будет пребывать в раздумьях — стоит ли отрезать?

Тревожный человек, говоря словами Чехова (рассказ «Припадок»), «сторожит каждый свой шаг и каждое свое слово, мнителен, осторожен и малейший пустяк готов возводить на степень вопроса».

Есть ли в этой совокупности родственных качеств социально позитивный смысл? — Безусловно, есть. Как есть смысл, например,

в автомобильном тормозе. Попробуйте-ка обойтись без него — разобьетесь!

По сути, проявляя присущую ему осторожность, тревожный требует от любого, кто стремится к новизне, к внедрению новых условий и правил жизни, по-настоящему убедительных доказательств объективной необходимости перемен, продуманности, взвешенности вносимых предложений.

Препятствуя нововведениям, тревожный ревностно хранит традиции — и производственные, и бытовые, и мировоззренческие. Некий профессор Примроз из Эдинбургского университета скептически отреагировал на знаменитое открытие Вильяма Гарвея: «Раньше врачи не знали кровообращения, но умели лечить болезни». Да уж, «раньше мы ничего такого не знали, но зато все умели» — любимая песня тревожных. Из этого следует, по их мнению, что вообще ничего в мире не нужно менять. Пусть все остается как прежде — чинно и благородно. Тревожные — истинные консерваторы.

Существуют, как известно, две основные тенденции в развитии природы и общества: изменчивость (приобретение новых свойств, соответствующих сегодняшним, завтрашним и, вообще, перспективным требованиям окружающей среды) и наследственность (консервация лучшего, что удалось приобрести на предшествующих этапах эволюции). Тревожные олицетворяют собой, точнее всемерно поддерживают, — наследственность. С тем лишь добавлением, что они стремятся консервировать не всегда лучшее, а лишь — привычное.

В деятельности тревожные исполнительны, пунктуальны, организованны, потому что страшатся, не выполнив задания в установленный срок, оказаться в нестабильной, непредсказуемой ситуации. При этом, прежде чем взяться за работу, они пытаются минимизировать степень своей ответственности, для чего добиваются от руководителя четкой постановки задачи, подробных инструкций «на все случаи жизни».

«А если вовремя не подвезут необходимых материалов, тогда что?» — спрашивает тревожный исполнитель у своего начальника. — «Позвонить и потребовать?» — «Понял. А если они скажут, что у них нет, тогда что?» — «Найти других поставщиков?» — «Понял. А если..., тогда что?... » Вполне вероятно, что, утомленный подобным предохранительным занудством и мнимой бестолковщиной, начальник перепоручит это задание другому сотруднику. В этом случае тревожный, внутренне ликуя, не преминет упрекнуть руководителя в непоследовательности: дескать, сам не знает, чего хочет — то «сделай» ему, то «не делай».

Тревожные постепенно «врастают» в порученное им дело, в избранную профессию, с каждым годом осваивая ее все прочнее и детальнее. Кроме того, им психологически комфортно приходит каждый раз в один и тот же кабинет, садиться за один и тот же рабочий стол. Поэтому они не изменяют своему поприщу — служат верно и долго. Это именно тревожные отмечают сорока-, пятидесятилетия работы на одном месте, на одном предприятии (нередко в одной и той же должности).

«Я помню, как стройным юношей я впервые пришел на наш комбинат, — говорит в заздравной речи седовласый директор, обращаясь к юбиляру, — и Вы, уже в те годы опытный бухгалтер, взяли меня к себе в ученики. Сегодня мы радостно чествуем Вас — старейшего бухгалтера Вселенной!». Директор, по гипертимной забывчивости или из эмотивной деликатности, не вспоминает при этом, как «опытный бухгалтер» кряхтел, бухтел и недовольно сопел тогда, много лет назад, не желая брать шефство над кем бы то ни было.

Действительно, тревожным в тягость осуществление руководящих функций, поэтому часто, будучи хорошими, опытными профессионалами, они категорически отказываются от предложений занять должность начальника, пусть даже самого маленького.

В общении с окружающими тревожные также проявляют избирательность и постоянство. Они долго присматриваются к человеку, прежде чем пойти на постепенное сокращение межличностной дистанции. Но тем, кого они «подпустили поближе», к кому привыкли, тревожные остаются преданными на долгие-долгие годы, нередко — на всю жизнь. Их круг общения, таким образом, очень узок и состоит из одного, двух, трех — не больше, Друзей детства.

Важно понимать, что наличие тревожного радикала не делает общение более доброжелательным, гармоничным, сердечным. Тревожные вовсе не добры, не приветливы, не деликатны. Они лишь предпочитают держаться на Расстоянии и помалкивать, когда их не спрашивают.

Задачи. Вы будете удивлены, коллеги, но диапазон задач, с которыми способен, в принципе, справиться тревожный, не так уж и узок.

Тревожного можно научить выполнять многие виды работ, в том числе довольно рискованных, объективно опасных. Но при одном обязательном условии — учить его надо будет долго, постепенно, «шаг за шагом», причем шаги должны быть очень маленькими, осторожными. Не дай бог — испугается! Словом, чтобы добиться от тревожного умения прыгать с парашютом, начинать прыжки надо с детской скамеечки — не выше.

Тревожный должен привыкнуть ко всему новому, что, не спросив его разрешения, ему навязала жизнь. Появится привычка — тревога несколько отступит. Нередки ситуации, когда тревожный вначале яростно сопротивляется переменам, затем, приспособившись, притерпевшись к новому положению вещей, не менее яростно возражает против попыток вернуться к старому.

Лучше всего, комфортнее, ему, разумеется, справляться с рутинной, монотонной работой. Хуже всего — с работой,

предполагающей публичность, частую смену рода занятий, необходимость принимать самостоятельные решения, тем более, не имея времени на их подготовку и осмысление, — смело, экспромтом, на свой страх и риск.

Особенности построения коммуникации. Грубыми коммуникативными ошибками в отношении тревожного будут:

а) озадачить его и оставить без моральной и информационной поддержки, один на один с непредсказуемо развивающимися событиями;

б) поставить его в условия, требующие быстрого принятия решения (независимо от степени сложности решаемого вопроса);

в) отказаться от ранее достигнутых договоренностей, резко изменить согласованные с ним правила коммуникации, пусть даже очевидно для пользы дела.

Во всех этих случаях он испытает сильный психологический дискомфорт, приостановит свою активность («мнимая смерть»), а вас запишет в «непредсказуемые», что в устах тревожного является наихудшей оценкой человека. Возобновить с ним контакты после этого будет крайне сложно.

Общаясь с тревожным, следует избегать проявлений, прежде всего, истероидности и гипертимности.

Тревожный, опасаясь негативных для себя последствий, интуитивно сторонится и не одобряет поведения людей, жаждущих публичного признания («выскачка, — думает он про таких неприязненно, — болтает, обещает... еще беду накличет»), а также готовых пуститься на любую авантюру. Тревожные ценят в людях последовательность, постоянство, скромность, отсутствие амбиций и планов переустройства мира (из-за этого, как вы понимаете, достается от них и параноикам).

Испытывая нечто вроде благодарности к эпилептоидам за их настойчивость в установлении и поддержании строгого порядка,

тревожные, тем не менее, боятся эпилептоидной грубости и излишней требовательности. Часто вместо покорности, повиновения и исполнительности, к которой склонны, они обнаруживают в ситуации прямого контакта с обладателями этого мизантропического радикала все ту же несостоятельность, впадая в «мнимую смерть».

«Утром, по обыкновению, княжна Марья... входила для утреннего приветствия в официантскую и со страхом крестилась и читала внутренне молитву. Каждый день она входила и каждый день молилась о том, чтобы это ежедневное свидание (с отцом — В.П.) сошло благополучно.

.. Княжна испуганно взглядывала на близко от нее блестящие глаза отца; красные пятна переливались по ее лицу, и видно было, что она ничего не понимает и так боится, что страх помешает ей понять все дальнейшие толкования отца, как бы ясны они ни были... каждый день повторялось одно и то же: у княжны мутилось в глазах, она ничего не видела, не слышала, только чувствовала подле себя сухое лицо строгого отца, чувствовала его дыхание и запах, и только думала о том, как бы ей уйти поскорее из кабинета и у себя на просторе понять задачу...

...Княжна взглянула на часы и, заметив, что она уже пять минут пропустила то время, которое должна была употреблять для игры на клавикордах, с испуганным видом пошла в диванную. Между 12 и 2 часами, сообразно с заведенным порядком дня, князь отдыхал, а княжна играла на клавикордах»

(Л.Н. Толстой «Война и мир».)

И все же, выходит, что взаимоотношения с эпилептоидами из всех возможных вариантов тревожных устраивают больше всего*.

**К слову, тревожные очень любят общество эмотивных, но не чувствуют в них необходимой опоры, защиты.*

Доказательством может служить (помимо жизненного опыта, разумеется) следующий фрагмент диалога княжны Марьи и ее брата — князя Андрея:

«— Ну, а по правде, Marie, тебе, я думаю, тяжело бывает иногда от характера отца? — вдруг спросил князь Андрей.

Княжна Марья сначала удивилась, потом испугалась этого вопроса.

— Мне?.. Мне?.. Мне тяжело?! — сказала она. — ...Я так довольна и счастлива с ним... Я только желала бы, чтобы вы все были счастливы, как я».

(Л.Н. Толстой «Война и мир».)

Вот и все, уважаемые коллеги, что мы расскажем вам о тревожном радикале.

Прежде чем, по обыкновению, сформулировать вопросы и задания, автору хотелось бы сказать несколько напутственных слов.

Этап введения в методику «семь радикалов» завершен. Мы достаточно подробно и близко познакомились с каждым из радикалов, узнали и запомнили их характерные внешние проявления, а также иные качества поведения, им присущие. Образно говоря, мы научились читать буквы. Настало время перейти к словам.

Мы обязательно сделаем это, уже в следующей главе. Но прежде хотелось бы еще раз провести перед вашим мысленным взором череду поведенческих тенденций, сопряженных с известными нам теперь радикалами:

- Истероидная тенденция заключается, в основном, в создании и презентации широкой общественности иллюзорно благополучной модели мира, в которой центральное место занимает собственное «Я» истероида.

- Эпилептоидная тенденция — стремление контролировать информационные потоки (предметы и людей), подавление потенциальной угрозы (опасности) за счет установления жесткого, авторитарного формального порядка.

- Паранояльная тенденция — настойчивое продвижение в сознание масс собственной (заимствованной у шизоида, но упрощенной) модели переустройства мира с целью совместной работы над ее реализацией.

- Эмотивная тенденция — гуманизация и гармонизация внутреннего и внешнего мира.

- Шизоидная тенденция — истинно оригинальный, нестандартный взгляд на мир, рождающий творчество.

- Гипертимная тенденция — широкий, оптимистический взгляд на происходящее в реальном мире (без ухода в мнимое благополучие).

- Тревожная тенденция — осторожность, консерватизм, стремление многократно убедиться в объективной необходимости и продуманности любого нововведения.

Иными словами, шизоиды нужны социуму для того, чтобы, взглянув на мир, не как все, не ортодоксально, выработать очередную преобразовательную идею. Истероиды — для того, чтобы сообщить эту идею как нечто новенькое, привлекательное, как можно большему числу окружающих. Параноики — чтобы, упростив идею до лозунга, понятного массам, обеспечить ее общественную реализацию.

Эпилептоиды — чтобы построить в колонны и шеренги эти самые массы, мобилизовать их на общественно полезный труд (не

пряником, так кнутом). Эмотивы — для того, чтобы напоминать всем остальным, что массы состоят из людей, нуждающихся в любви, сочувствии и отдыхе. Что, на самом-то деле, идея должна служить обществу, а не общество — идее. Тревожные — чтобы удержать социум от поспешных, непродуманных действий. Гипертимы — чтобы обеспечить обществу возможность, в случае чего, отправить подальше всех этих шизо-параноиков с их идеями, и при этом не впасть в грех уныния, а напротив, с радужным оптимизмом начать жизнь с начала, с чистого листа, с новой дороги...

Эти тенденции, сливаясь, взаимодействуя и оказывая взаимное влияние, образуют реальные характеры, с которыми нам предстоит иметь дело как психологам.

Подчеркиваю, коллеги, не с отдельными тенденциями (радикалами) мы будем в дальнейшем работать, а с целостным характером, состоящим из совокупности тенденций. Работать — значит, определять его основные поведенческие качества, круг доступных и недоступных задач, особенности построения коммуникации... Это будет вскоре, а пока...

Вопросы и задания

1. Назовите внутреннее условие формирования тревожного радикала. Какие качества этот радикал привносит в оформление внешности, пространства?

2. Какие профессии, на ваш взгляд, лучше всего могут быть освоены тревожными?

3. Найдите описания проявлений тревожного радикала в характере центрального персонажа рассказа А.П. Чехова «Человек

в футляре» — Беликова. Какие еще радикалы входят в его целостный характер?

4. Приведите примеры проявлений тревожного радикала у других литературных персонажей.

5. Попробуйте описать общедоступным литературным языком (без применения специальной терминологии) поведение известных вам людей, наделенных доминирующими истероидным, эпилептоидным, паранояльным, эмотивным, шизоидным, гипертимным, тревожным радикалами. Сделайте упор на их оформлении внешности, проявлениях качеств характера в профессиональной деятельности, в быту, в общении с окружающими.

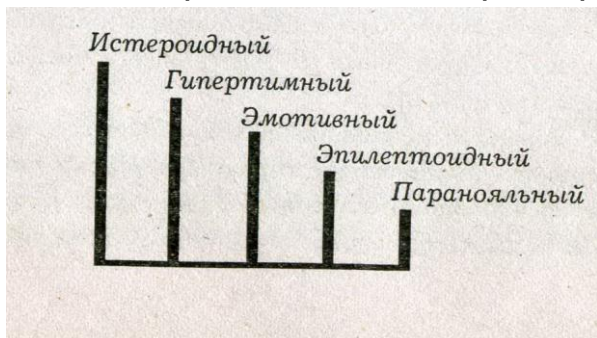
Глава 9

Психологический профиль

Знакомство с тревожным радикалом завершило теоретическую часть нашего исследования стилистики поведения человека в социальной среде. Пришла пора заняться собственно технологией диагностики реального характера.

Для этого потребуется ввести понятие психологического профиля — схематического изображения характера как иерархической последовательности входящих в него радикалов (на первом месте — основной, доминирующий радикал, определяющий ведущую поведенческую тенденцию, затем — остальные, вплоть до самого малозначительного).

Психологический профиль может представлять собой диаграмму, в которой столбиками различной высоты, расположенными «по убывающей» — от большего к меньшему, — обозначены радикалы. Например:

Этот профиль означает, что в реальном характере наиболее выражен (доминирует) истероидный радикал, на втором месте (субдоминирует) гипертимный радикал, третьим по степени выраженности является эмотивный, четвертым — эпилептоидный, пятым — паранояльный.

Для большей простоты и удобства профиль может быть обозначен не столбиками (хотя тем, кто делает в психодиагностике первые шаги, автор рекомендует использовать именно столбики — они заставляют как-то по-особенному задуматься), а последовательностью сокращенных наименований радикалов.

В этом случае наш примерный профиль будет выглядеть так: ист.-гип.-эмо.-эпи.-пар.

Если кому-то придется по душе цифровой код, то, условившись использовать для обозначения радикалов цифры от 1 до 7 (в порядке их изучения: истероидный — 1, эпилептоидный — 2, паранояльный — 3, эмотивный — 4, шизоидный — 5, гипертимный — 6, тревожный — 7), мы получим такую последовательность: 1, 6, 4, 2, 3.

Уверен, уважаемые коллеги, у вас сразу же возникло несколько вопросов. Сколько радикалов целесообразно (достаточно) включать в психологический профиль? Сколько

радикалов вообще может входить в реальный характер? Как определить эту самую «иерархию» радикалов? Как в одном характере формируются радикалы, основанные на разных (противоположных) свойствах нервной системы?

Ответим. В психологический профиль желательно включать все обнаруженные (определенные в процессе психодиагностики) радикалы.

У хорошего психолога-практика существует правило: завершать диагностику характера нужно тогда, когда понимаешь, что ничего нового к уже сказанному тобой об этом человеке добавить не сможешь. Конечно, многое в психодиагностике (как и в любой другой области профессиональной деятельности) зависит от опыта. От начинающего диагноста сложно требовать получения исчерпывающей информации об изучаемом характере. С этой точки зрения психологический профиль, состоящий из трех достоверно определенных радикалов, — это неплохой результат психодиагностических усилий. С его помощью можно решить основные задачи психологического прогнозирования и управления поведением. В реальный характер могут входить теоретически все семь радикалов, описанных нами в рамках изучаемой методики. Принцип таков: чем большим числом радикалов наделен человек, тем более широким спектром адаптационных возможностей он обладает. При этом, однако (от диалектики не уйдешь!), нарушается «монолитность», цельность характера, возрастает его внутренняя противоречивость. И не только.

Весь мир живых существ (не исключая и человека) делится в зависимости от стиля адаптации к окружающей среде на две большие группы: «специалистов» и «универсалов».

Несколько огрубляя ситуацию, можно сказать, что «специалисты» нацелены эволюцией на совершенствование одного-единственного способа адаптации. Их пищевой рацион, область обитания и т. д. строго определены и неизменны. Преимущество «специалистов» заключается в том, что они лучше

всех приспособлены к жизни в данных условиях. Если среда требует быстроты и ловкости, они наиболее быстры и ловки, если выносливости и терпения — выносливы и терпеливы, как никто другой...

«Универсалы» идут другим путем. Они приобретают в процессе развития вида все новые и новые способности, пополняя и расширяя арсенал адаптационных инструментов. Их преимущество — в умении выживать в различных условиях. Да, разумеется, в эффективности освоения тех или иных (конкретных) сфер обитания «универсалы» уступают «специалистам». Но зато они смело преодолевают границу между разными сферами, перед которой «специалисты» беспомощно останавливаются.

Сравним, к примеру, гепарда и медведя (да простят нас зоологи, если что не так). Гепард приспособлен питаться мясом копытных животных, населяющих полупустыню (саванну и т. п.). В погоне за добычей он может развивать умопомрачительную скорость, недоступную медведю.

Попытайся медведь побегать наперегонки с гепардом, он умер бы от разрыва сердца... Но если в результате каких-либо внешних причин популяция копытных резко уменьшится, гепарды будут обречены на голодную смерть. Они не смогут, как медведи (которые, кстати, тоже не прочь полакомиться козочкой или лосенком), ловить рыбу в реке, находить в земле съедобные корни, залезать на деревья в поисках дикого меда.

Приспособление людей к социальной среде происходит аналогично. Чем больше в характере радикалов, тем ближе его обладатель к «универсалам». Эдакий «человек — социальная амфибия». Он вполне успешен и в тиши научного кабинета, в кропотливом труде исследователя, и в переполненном актовом зале университета, где выступает с публичными лекциями, и на спортивной площадке, в сражении за личное первенство по «городкам», и на дачном участке, где возделывает морковные грядки...

«Специалисты» социальной адаптации с легкой руки немецкого профессора психиатрии Леонгарда получили наименование акцентуантов. В характере этих людей отчетливо доминирует, заглушая проявления иных тенденций, один радикал. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Леонгард писал об акцентуантах, что они, проигрывая остальным в обыденной жизни (разнообразной, требующей универсальности), опережают в деятельности, для которой присущие им качества характера являются профессионально важными.*

**Мы с вами, коллеги, посвятили немало времени обсуждению профессиональных задач, решение которых существенно облегчается или, наоборот, затрудняется при наличии в характере того или иного радикала, поэтому повторяться не станем.*

Таким образом, в реальный характер может входить различное число радикалов, и чем их больше, тем дальше человек, ими наделенный, уходит в стилистике поведения от «специалиста» к «универсалу». Что лучше? — Невозможно ответить однозначно. Чтобы забить гвоздь, лучше иметь молоток. Чтобы отрезать кусок хлеба — хлебный нож. Чтобы подстричь ногти — маникюрные ножницы... Но зачем-то ведь делают ножи со многими десятками лезвий и иных приспособлений. Значит, они нужны, пользуются спросом в нашей многоплановой жизни.

Теперь поговорим о более сложном. Как определить иерархию радикалов в психологическом профиле?

Увы, коллеги, ничего нового по отношению к тому, что автор уже сказал по этому поводу, он не скажет (обнадеживающее заявление, не правда ли?).

На первое место в психологическом, профиле следует ставить тот радикал, признаков которого в поведении изучаемого человека

наблюдается больше всего. И здесь, и далее не обойтись без двух вещей: а) глубокого понимания сущности каждого радикала*; б) постоянно тренируемой наблюдательности.

** Что даст возможность учитывать не только те его признаки, которые были описаны выше, но и иные, индивидуальные, описать которые из-за их многообразия просто невозможно. Другими словами, это даст возможность соотносить любое поведенческое проявление с тем или иным радикалом.*

Подумав, добавим еще и «в»: не мудрите, наступите на горло собственной шизоидности при трактовке поведенческих проявлений. Не наделяйте поведенческий феномен псевдо-многозначительностью.

В условной «середине профиля» — на втором-третьем местах — следует располагать радикалы, количество наблюдаемых признаков которых меньше, чем у доминирующего радикала, но все же они вполне очевидны, их выявление не требует особо заостренной наблюдательности и умственных усилий.

Например, перед нами человек, одетый в неброскую, черного цвета одежду, настолько невыразительный внешне и поведенчески пассивный, что мы не сразу замечаем его присутствие. При этом его прическа, ногти и т. д. явно ухожены, на пальце перстенок (небольшой, не яркий, но, тем не менее). Одежда, в крае которой преобладают плавные линии, хорошо на нем сидит, удобна ему, выдержана в едином стиле (без признаков эклектики) и соответствует требованиям обстановки. Как мы расставим радикалы в его психологическом профиле?

На первое место следует, по мнению автора, поставить тревожность, поскольку внешние признаки, описанные выше, более всего соответствуют именно этому радикалу. На втором-третьем местах (пока так) расположатся истероидный и эмотивный радикалы. Для более точного

распределения радикалов по местам потребуется дополнительная информация. Скажем, об оформлении

индивидуального пространства, профессиональных достижениях этого человека и т. д. Разумеется, чем больше такого рода информации, тем корректнее психологический диагноз.

Рассмотрим еще один пример. Человек, одетый ярко (даже слишком, на взыскательный взгляд), претенциозно, с множеством украшений, старающийся во что бы то ни стало выдвинуться на первый план, в центр внимания, говорящий только о себе с явным преувеличением собственных возможностей и заслуг. При этом его телосложение ближе всего к астеническому, и он носит длинные волосы. Очевидно, что первые две позиции его психологического профиля могут быть названы вполне уверенно. Конечно, это истероидный и шизоидный радикалы.

Для определения радикала, занимающего третью позицию в профиле, информации как будто недостаточно. Или все-таки кое-что есть?

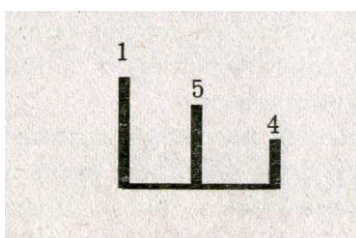
Мы упоминали о том, что сочетание истероидного и шизоидного радикалов (в цифровом коде — 1, 5), за счет одновременной яркости и эклектичности, приближает внешность их обладателя к т. н. «клоунской». В вышеприведенном примере ни о чем подобном сказано не было (а упустить из виду этот характерный образ, как вы понимаете, невозможно). Говорилось лишь о чрезмерной яркости оформления внешности. Это наталкивает на мысль о присутствии в данном характере тенденции, которая гармонизирует шизоидную, противодействует сопряженной с ней эклектике, т. е. об эмотивности.

Где же располагается эмотивный радикал в обсуждаемом психологическом профиле — до или после шизоидного?

По-видимому, все-таки — после. Поскольку истеро-эмотивное сочетание (1,4) является наиболее выигрышным внешне, привлекательным для подавляющего большинства наблюдателей. При взгляде на человека, им наделенного, не возникает мыслей о чем-то «слишком» или «чересчур».

Профиль 1,4,5 — это броская, художественно оформленная внешность, которую трудно не заметить и не оценить по достоинству, это представительная, учтивая манера держать себя в обществе, сочетающая желание нравиться с искренним вниманием к окружающим. На наличие шизоидности будут указывать лишь удлиненные холеные волосы, ногти. Возможны какие-то экзотические безделушки в руках (четки, веер и т. п.), украшения, имеющие некую символику (масонский перстень, например). И, безусловно, признаки астенического телосложения.

Сравните это описание с обсуждаемым примером, и вы поймете, что между ними существует разница. В примере обнаруживается отчетливый эгоцентризм, назойливость в стремлении обратить на себя всеобщее внимание. Следовательно, гармонизирующего влияния эмотивности недостаточно, чтобы нивелировать грубовато-инфантильное желание истеро-шизоида завладеть аудиторией, понравиться всем без разбора (на самом деле добиваясь обратного эффекта — вызывая раздражение у многих). Так что психологический профиль данного персонажа, вероятнее всего, таков:

Существует эмпирически установленное правило: чем больше умственных усилий, напряжения требует поиск поведенческих признаков радикала, тем ближе к концу профиля его следует располагать.

В нашем примере истероидность мы увидели сразу. Тут же, практически без размышлений — шизоидность. Определение эмотивности потребовало рассуждений (что более затратно, не правда ли?). Если еще поднатужиться, то можно задаться

вопросом: чем обусловлено настойчивое желание изучаемого нами персонажа так много говорить о себе, о своих возможностях и заслугах? Не кроется ли за этим намерение обратить присутствующих «в свою веру», а стало быть, паранояльность? Во всяком случае, исключить этого нельзя, как психодиагностическая гипотеза принимается.

Таким вот образом, уважаемые коллеги, и выстраивается цепочка рассуждений при разработке психологического профиля. Ничего сложного, как видите.

Не нужно пасовать перед ситуациями, когда проявления нескольких радикалов присутствуют, кажется, в равных пропорциях. Это всего-навсего означает, что поведенческие тенденции, обусловленные этими радикалами, равно представлены в реальном характере. Как правило, в таких случаях их иерархия динамично меняется, подчиняясь «принципу камертона»: наибольшую выраженность в поведении получает тот радикал, который обеспечивает наилучшую адаптацию к конкретной обстановке (вот они, преимущества «универсалов»!).

И, наконец, последний вопрос: что там с нервной системой? Если иметь в виду автора — то она уже практически на пределе от ваших бесконечных вопросов! — Шутка. Взятая за гуж, так сказать... Так вот, что касается возможности радикалов, основанных на различных свойствах нервной системы, существовать в одном характере: она — эта возможность — есть. Это объективный факт. Как и чем это обеспечивается на нейрофизиологическом уровне, автору неизвестно. Но на поведенческом уровне мы с вами, коллеги, должны знать и учитывать: если в профиле обнаруживается радикал, основанный, например, на слабой нервной системе, то он привносит в характер свойства этой слабости: некоторое снижение работоспособности, повышение тревожности и т. д.

Если радикал предполагает снижение динамики нервных процессов, следовательно, относительное снижение динамики

поведения проявится и в характере — этого следует ожидать, прогнозировать...

Итак, основные инструкции получены, теперь — в бой. К сожалению (с дидактических позиций) и к счастью (с точки зрения психодиагностической этики) у нас с вами, коллеги, нет возможности проанализировать поведение какого-либо конкретного, реально существующего человека с целью построения его психологического профиля.*

** Во-первых, у нас пока нет общих близких знакомых, а даже если есть, то они не давали нам никакого права обсуждать их публично.*

Поэтому тренироваться придется, что называется, «на кошках», т. е., главным образом, на литературных персонажах (не возбраняется также исследовать профили популярных исторических деятелей — прошлого, разумеется!). Давайте вместе попутно решим одну из задач, поставленных в предыдущих главах (заодно, сравним наши мнения).

Рассмотрим, коллеги, характеры сестер Булавиных — Екатерины Дмитриевны и Дарьи Дмитриевны (А.Н. Толстой «Хождение по мукам»).

Любопытно, что сформулированные нами правила построения психологического портрета работают и в отношении литературных персонажей. По-видимому, писатель, создавая силой воображения личность своего героя, идет тем же, абсолютно логичным, путем.

С Дарьей Дмитриевной Булавиной — Дашей читатель знакомится с первых же страниц романа, однако, яркого впечатления эта героиня не производит. Понять и определить ее характер сложно. В ней чувствуется какая-то недоговоренность, сдержанность, самоконтроль, обуздывающий душевные проявления.

«В третьем ряду кресел, у среднего прохода, подперев кулачком подбородок, сидела молодая девушка в суконном черном платье, закрытом до шеи (не будем приписывать особенности Дашиного наряда тогдашней моде, другой персонаж романа — почти ровесница Даши, Елизавета Киев-на — одета совершенно иначе — В. П.). Ее пепельные тонкие волосы были подняты над ушами, завернуты в большой узел и сколоты гребнем. Не шевелясь и не улыбаясь, она разглядывала сидящих за ... столом, иногда глаза ее подолгу останавливались на огоньках свечей... Во время перерыва девушка пошла в буфетную и стояла у дверей, нахмуренная и независимая...».

Отсутствие определенности в поведении, неяркость, какая-то «размытость» образа наводят психодиагноста на единственно верную мысль — о наличии в психологическом профиле изучаемого лица выраженного тревожного радикала.

Тревожность сдерживает, «гасит» другие радикалы, позволяя им проявиться только в привычной обстановке.

Эта психодиагностическая гипотеза подтверждается следующей сценой:

«Даша... стала протискиваться к вешалке. Сердитый швейцар..., таская вороха шуб и калош, не обращал внимания на Дашин протянутый номерок. Ждать пришлось долго...».

Для того чтобы на внешне привлекательную молодую девушку, к тому же самолюбивую, эгоцентричную (как выясняется в дальнейшем), не обратили внимания (и она не создала для этого адекватного повода) — нужна, согласитесь, веская причина. И причина эта — тревожность в ее характере.

Помимо тревожности, представляется важной склонность Даши усложнять собственное отношение к окружающим, к себе самой, к своим душевным состояниям и настроениям, к явлениям и процессам, привычным и естественным для подавляющего большинства людей. Она многое понимает по-своему, во многом видит неоднозначность, поливалентность, иносказание.

«Девушка в черном суконном платье не была расположена вдумываться в то, что говорилось с дубовой кафедры. Ей казалось, что все эти слова и споры, конечно, очень важны и многозначительны, но самое важное было иное, о чем эти люди не говорили...

.. .Нарушилось тонкое равновесие, точно во всем Дашином теле... зачался какой-то второй человек, душный, мечтательный, бесформенный и противный. Даша чувствовала его всей своей кожей и мучилась...»*

** Оцените, коллеги, появление «второго человека». Напомню, что по сюжету романа это чувство возникло у Даши как реакция на пробуждающийся интерес к сексуальным отношениям. Для людей, мыслящих ортодоксально, подобное раздвоение личности в любой жизненный период, в том числе — в период полового созревания, нехарактерно.*

То есть очевидно, что мы обнаружили у нашей героини шизоидность. Эту гипотезу подтверждает целый ряд содержательных деталей.

Во-первых, несмотря на уже вполне зрелый, девятнадцатилетний возраст, Дашины вкусы не определены. В частности, одежду (а для женщины одежда — это реализация целого комплекса важных конвенциональных поведенческих установок) ей выбирает старшая сестра Катя.

Во-вторых, Даша, как мы уже отмечали, склонна к усложненным размышлениям, она пытается каждый эпизод своей жизни непременно осмыслить, для того чтобы затем включить его в создаваемую в собственном внутреннем пространстве — несколько своеобразную — систему мировоззрения, миропонимания. Даша не может жить и действовать интуитивно. У нее существенно снижена способность к эмоциональной рефлексии, в результате чего она часто допускает невольную и

неосознаваемую ею самой бестактность во взаимоотношениях с людьми.

Желая получить ясное представление о той или иной щекотливой ситуации, существующей за рамками ее индивидуального опыта, она буквально выпытывает 'правду' о происходящем у окружающих, прежде всего — у близких, не понимая, что тем самым наносит подчас непоправимый вред их взаимоотношениям:

«Семейное несчастье (по требованию Даши ее сестра — Екатерина Дмитриевна призналась мужу в своей неверности — В.П.) произошло так внезапно, и домашний мир развалился до того легко и окончательно, что Даша была оглушена...».

В-третьих (и это тоже нельзя сбрасывать со счета, учитывая генетическое, во многом, происхождение радикалов), отец сестер Булавиных — доктор Дмитрий Степанович Булавин — в поведении обнаруживает отчетливые черты шизоидности:

«Доктор... кашлял... и почесывал под раскрытой рубашкой волосатую грудь. Читая, он прихлебывал с блюдца жидкий чай, сыпал пепел на газету, на рубаху, на скатерть... Дмитрий Степанович посмотрел на дочь поверх треснувшего пенсне... и сломанным гребешком начал начесывать на лоб седые кудрявые волосы...».

Очевидная неряшливость. К тому же, сломанный гребешок, треснувшее пенсне... Эти предметы в обиходе далеко не бедного, известного в большом губернском городе врача могли появиться лишь при наличии в его характере шизоидности.

Итак, в психологическом профиле Даши первые две позиции принадлежат тревожному (7) и шизоидному (5) радикалам.

Но этим ее профиль явно не исчерпывается. Дарья Дмитриевна любит музицировать, интересуется живописью, влюбляется, искренне радуется, испытывает угрызения совести (эмотивность — 4); у нее стройное, атлетически сложенное тело, она довольно сильна физически, неплохо, с азартом играет в

теннис, поддерживает, наперекор шизоидности, порядок в своей комнате, соблюдает, хотя и не всегда, режим дня (эпилептоидность — 2):

«Даша вставала рано, садилась за книги и сдавала экзамены, почти все — "отлично"... Целые вечера Даша играла на рояле... Часов в одиннадцать Даша закрывала рояль, задувала свечи и шла спать, — все это делалось без колебаний, деловито...».

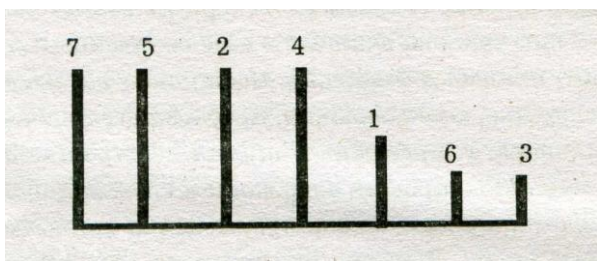
Она относительно неплохо справляется с необходимостью вживаться в разные роли, из психологически сложных ситуаций она перемещается душой в мир оптимистических, позитивных иллюзий (истероидность — 1):

«Что ни говори о Дашиных сложных переживаниях, — прежде всего она была женщиной... Неделю тому назад, когда она увядала, как ландыш, у окна, и казалось, что жизнь кончена и ждать нечего, — ее не прельстили бы, пожалуй, никакие сокровища. Теперь все вокруг раздвинулось-- то, что она считала в себе оконченным и неподвижным, пришло в движение. Наступило то удивительное состояние, когда желания, проснувшиеся надежды устремляются в тревожный туман завтрашнего дня... Среди паутины трещин в туманном стекле Даша увидела какую-то другую женщину, медленно натягивающую шелковые чулки. Вот она опустила на себя тончайшую рубашку, надела белье в кружевах. Переступая туфельками, отбросила в сторону штопаное. Накинула на голые худые плечи мех... Ты кто же, душа моя? Кокоточка? Налетчица? Воровка?.. Но до чего хороша... Так, значит, всё впереди? Ну, что ж, — потом как-нибудь разберемся...».

В несколько меньшей степени Даша наделена гипертимностью (она не стремится к увеселениям, но и не чурается их) и паранояльностью (у нее нет целенаправленности, т. е. нет какой-либо определенной жизненной стратегии, но настойчивости она не лишена, что обнаруживается при решении

бытовых, житейских задач, а также при выполнении данных ей поручений).

Таким образом, поведение Дарьи Дмитриевны Булавиной, каким его описал прекрасный психолог и мастер слова А.Н. Толстой, обусловлено характером, в который входят тревожный, шизоидный, эпилептоидный, эмотивный, истероидный, гипертимный и паранояльный радикалы. При этом, на взгляд автора, наиболее выражены первые четыре радикала, которые вступают между собой в конкурентные взаимоотношения по «принципу камертона» (см. выше), остальные три присутствуют в характере, модифицируя его по-своему, формируя индивидуальные нюансы стилистики поведения, но не более:

Очевидно, что по типу социальной адаптации Дарья Дмитриевна относится к «универсалам».

В описании характера Екатерины Дмитриевны Булавиной — Кати — явно преобладают истероидные мотивы:

«Екатерина Дмитриевна старалась, чтобы дом ее был всегда образцом вкуса и новизны, еще не ставшей достоянием улицы; она не пропускала ни одной выставки и покупала футуристические картины. В последний год из-за этого у нее происходили бурные разговоры с мужем, потому что Николай Иванович любил живопись идейную, а Екатерина Дмитриевна... решила лучше пострадать за новое искусство, чем прослыть отсталой... В комнате... можно было, как по книге, прочитать все, чем жила Екатерина Дмитриевна. Вот в углу маленький мольбертик с начатой

картинкой... Вот старинный рабочий столик, в беспорядке набитый начатыми рукоделиями, пестрыми лоскутками, все не окончено и заброшено... Такой же беспорядок в книжном шкафу, — видно, что начали прибирать и бросили. И повсюду брошены, засунуты наполовину разрезанные (т. е. прочитанные только до половины — В.П.) книги. Йоги, популярные лекции по антропософии, стихи, романы... На туалетном столике... серебряный блокнотик, где было записано... крупным детским почерком: "Даше купить яблочный торт"... Яблочный торт так никогда и не был куплен».

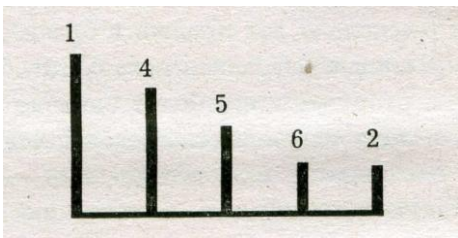
Вместе с тем, сквозь истероидные «образцы вкуса и новизны», старания «не прослыть отсталой», «начатые, но не оконченные» вещицы довольно отчетливо проступает шизоидная склонность к беспорядку. Шизоидность проявляется также в свойственной Кате тяге к вычурному искусству, философии, в ее определенной поведенческой негибкости (несколько лет прожив в браке с первым мужем, она, не вполне довольная психологической стороной этого союза, разрушает его более активно и грубо, чем следовало, исходя из личностного контекста взаимоотношений).

Точно такую же ситуацию — сочетание в психологическом профиле 1 и 5 — мы уже обсуждали в данной главе и помним, что здесь следует ожидать «клоунской», гротескно яркой, эклектичной внешности (или чего-то подобного). Однако в романе Катя, напротив, представлена женщиной, обладающей изяществом, вкусом, который позволяет ей красиво выглядеть самой и формировать привлекательный стиль одежды ее младшей сестры — Даши. Она наделена также (несмотря на по сути эгоцентрические истероидный и шизоидный радикалы) способностью быть внимательной к людям, сочувствовать, сопереживать (с точки зрения автора, у Кати эта способность выражена больше, чем у Даши).

Следовательно, в данном случае мы имеем дело с истеро-ро-эмотивно-шизоидным сочетанием (1, 4, 5). Какие еще радикалы

входят в профиль Кати? Вероятно, гипертимность (она легка на подъем, много путешествует); эпилептоидность (она знает себе цену, не раз проявляла решительность и агрессивность в поведении). Чего в Кате почти нет, так это тревожности (она не пугается таких ситуаций, таких поворотов судьбы, которые у тревожного человека вызвали бы паралич от страха) и паранояльности (вот уж кто, действительно, не знает, чего хочет, к чему стремится, целиком полагаясь на судьбу).

Резюмируя сказанное, изобразим психологический профиль Екатерины Дмитриевны Булавиной:

Глядя на психологические профили сестер, мы понимаем, коллеги, насколько они не похожи друг на друга, насколько по-разному они приспособляются к существованию в социуме. В то же время в них есть кое-что общее. Прежде всего — достаточно выраженная тенденция, несущая в себе взаимовлияющие качества шизоидного и эмотивного радикалов.

Они обе чувствительны, эмоциональны, но в то же время наделены своеобразием, направляющим эту чувствительность на не всегда и не вполне адекватные объекты.*

** Не отсюда ли хождение не «по приключениям», а «по мукам»? Вдумайтесь, сколько сложностей они создали в жизни сами себе, на пустом месте, особенно Даша...*

Вот, уважаемые коллеги, мы и познакомились с технологией построения психологического профиля, т. е. с кодированным обозначением реального характера. Следующая задача —

научиться читать (и пересказывать доступным для окружающих языком) этот код как единое, целостное явление.

Но вначале вопросы и задания.

Вопросы и задания

1. Что представляет собой психологический профиль?

2. Постройте, пожалуйста, психологические профили известных литературных персонажей: Собакевича («Мертвые души» Н.В. Гоголя); Наташи Ростовской, Пьера Безухова («Война и мир» Л.Н. Толстого); Константина Левина, Анны Карениной, Алексея Александровича Каренина («Анна Каренина» Л.Н. Толстого). Сделайте это доказательно.

3. Попробуйте построить психологический профиль одного из ваших знакомых (уверен, что вы сделаете это деликатно).

Глава 10

Психологический портрет

Психологический профиль построен. Что дальше? Каждый из радикалов, входящих в него, определяет поведенческую тенденцию, вступающую в той или иной степени в противоречие с

остальными (иначе радикал не был бы самостоятельным, отдельным психическим явлением).

Понятно, что от последовательного — одна за другой — описания разнородных тенденций мало толку. Получится нечто вроде: «обследуемый (так принято в психодиагностической практике обозначать лицо, подвергающееся психологическому обследованию) обладает устойчивой работоспособностью, активен, настойчив, целеустремлен, склонен придавать каждой решаемой им задаче масштабное социальное значение, в группе стремится занять позицию лидера... несамостоятелен, ведом, старается любым способом уклониться от ответственности, исполнитель, но безынициативен...» (сочетание 3, 7). Чепуха, не правда ли?

Чтобы избежать подобной чепухи, необходимо научиться трактовать сочетание радикалов как единое целое, не смущаясь тем, что тенденции, обусловленные этими радикалами, противоречивые, подчас — взаимоисключающие.*

** По закону диалектики эти различные тенденции, в одно и то же время, и дополняют друг друга, увеличивая адаптационные возможности человека, и порождают внутриличностные противоречия. Пугаться этого не надо, об этом просто следует знать.*

Научиться можно только на практике. Поэтому, уважаемые коллеги, предлагаю взять быка за рога и приступить к делу.

Разумеется, мы не замахнемся сразу на весь психологический профиль целиком, а попробуем познакомиться с принципом решения подобных задач и выработать первоначальные умения на примерах сочетаний двух радикалов. Для простоты предположим, что в этих примерах один из радикалов отчетливо доминирует над другим.

Допустим, в психологическом профиле изучаемого лица (обследуемого) содержится сочетание 3, 7, упомянутое нами выше. Паранояльность доминирует, а тревожность модифицирует ее.*

** В случае, когда в профиле присутствует четко выраженный доминирующий радикал, следует считать, что этот радикал определяет основную цель (тенденцию) поведения, а остальные — механизмы, способы и ресурсы ее достижения. При универсальном способе адаптации цель задает тот радикал, который в наибольшей степени соответствует требованиям обстановки, т. е. отвечает за адаптацию к данным условиям среды. Остальные радикалы обеспечивают ресурсы.*

Как будет выглядеть обследуемый внешне? Как он проявит себя в деятельности, в отношениях с окружающими? Какие задачи он сможет решать наиболее успешно? Какой коммуникативный стиль будет приемлемым для него, а какой — нет? Давайте попытаемся ответить на эти вопросы. Подскажу, коллеги, что за основу описания характера в подобном случае следует брать качества доминирующего радикала, и оценивать, как эти качества меняются под влиянием другой — субдоминирующей — тенденции.

Внешность параноика отличается, как вы помните, приверженностью к одежде классического стиля. Тревожность добавит к этому неброский (чаще всего серый) цвет, «обезличенность» (на одежде не будет никаких опознавательных знаков, выдающих принадлежность обследуемого к тому или иному политическому, научному и т. д. течению — никакого упоминания о «символе веры»), склонность носить одно и то же (почти в буквальном смысле: всю жизнь в одном костюме).

Оформление пространства сохранит характерные для параноика черты «тотальной рабочей зоны», однако количество предметов будет небольшим, минимально необходимым для осуществления избранной деятельности.

Двигательная активность обследуемого не будет столь обильной, исполненной самоуверенности, как у «чистого» параноика. Поубавится направляющих и ритмообразующих жестов. В незнакомом окружении они исчезнут совсем (пока обследуемый не освоится).

Обследуемый будет отличаться высокой устойчивой работоспособностью, настойчивостью, целеустремленностью, старательностью, прилежанием. Он сохранит за собой инициативу, активность при постановке целей, формулировке задач, но при этом будет не лишен осмотрительности, здоровой осторожности.

Масштабность его замыслов несколько уменьшится (почти как у Есенина: «я теперь скупее стал в желаньях»).

Прежде чем начать работу, он проведет целый комплекс подготовительных мероприятий, тщательно обдумает и взвесит все мыслимые способы решения актуальной задачи, сопоставит их с собственными возможностями (при этом он будет руководствоваться правилом: лучше недооценить себя и двигаться к цели медленнее, поэтапно, чем переоценить — и сорвать выполнение задания).

В коллективе функции лидера и большую часть исполнительской работы обследуемый будет стараться взять на себя.*

** Паранояльность, все же, доминирует; тревожность в данном случае лишь усилит обсуждаемый поведенческий феномен за счет неуверенности в возможностях партнеров-исполнителей. Иными словами, принимая функции исполнителя, обследуемый снимет с себя часть более тягостной для него ответственности руководителя.*

Одновременно он будет настаивать на поддержании как можно более стабильного ритма и режима работы; с прохладцей (если не негативно) отнесется к предложениям внести какие-либо

дополнения, изменения, новшества в ранее обговоренный и утвержденный порядок осуществления деятельности. Он будет препятствовать также изменениям персонального состава рабочей группы («коней на переправе не меняют»).

Круг общения обследуемого ограничится деловыми партнерами, коллегами-единомышленниками. Не испытывая интереса к индивидуальным особенностям людей, он будет любой разговор направлять на обсуждение производственных проблем, сложностей, делаясь, таким образом, своей тревогой с окружающими. Попытки приобщить его к чьим-то личным, интимным переживаниям будут им решительно пресекаться («Голубчик, о чем это вы? Какие мелочи вас волнуют! О деле нужно думать»).

Лучше всего обследуемый справится с задачами, направленными на реальное преобразование тех или иных областей человеческого бытия. Но он, при этом, не будет стремиться стать первопроходцем. Ему легче будет жить и действовать в русле общепризнанных программ, идеологических «линий», направлений, по-своему участвуя в их осуществлении.

Такому человеку можно поручить достаточно широкий фронт работ с персональной ответственностью за их выполнение, но он захочет при этом знать, что не одинок, что рядом трудится множество людей, стремящихся к достижению одной с ним цели. Кроме того, будучи социально негибким, он станет избегать разноплановой деятельности, требующей быстрого переключения с одного алгоритма (технологии) на другой.

Переубедить обследуемого, как и параноика «в чистом виде», практически невозможно. Его, как отчасти тревожного, можно испугать, чтобы он отказался от своих намерений (но стараться нужно будет сильно!).

Вот главное, что следует сказать о поведенческой тенденции, формирующейся из сочетания параноического и тревожного радикалов (психологический профиль 3, 7).

Рассмотрим другое сочетание. Пусть это будет 3, 1: паранояльно-истероидное.

Во внешности обследуемого, наделенного этим характером, появятся уже упоминавшиеся опознавательные знаки: эмблемы в петлице, значки с портретом вождя, гербом государства или организации, с изображением достигнутых результатов («Запуск космического корабля «Восток», Офицерский клуб «Москва-Санкт-Петербург» и т. п.). Добавится яркости, претенциозности, ухоженности (именно об этом сочетании радикалов, вероятно, писал Пушкин: «быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей»).

Пространство, оформленное обследуемым, будет изобиловать все теми же опознавательными знаками: портретами, переходящими знаменами, вымпелами, всевозмож-

ными дипломами, наградами и упоминаниями об оных... И это будут реальные награды за реальные успехи.

В мимике, жестикуляции и позах засквозит самолюбование, уверенность в значительности всего, что ни делается обследуемым, высокомерие и покровительственность.

Обнаруживая в деятельности недюжинную работоспособность, увлеченность делом, целеустремленность, обследуемый, вместе с тем, часть времени и сил будет с удовольствием тратить на пропаганду собственных замыслов и достижений. Ему будет скучновато работать в узком кругу посвященных, вдали от магистральных путей цивилизации, решая задачи, не предполагающие широкого общественного резонанса.

Если в предыдущем сочетании мы видели стремление при выборе направлений работы, постановке задач быть осторожным реалистом, то здесь, напротив, мы встретимся с некоторой переоценкой собственных возможностей, излишней масштабностью планов с привкусом прожектерства.

Присутствие истероидной тенденции скажется и на отношении обследуемого к результатам собственных усилий: он будет склонен преувеличивать успехи, игнорировать неудачи. С одной стороны, вера в свою непогрешимость, в «путеводную звезду», безусловно, поможет ему в преодолении трудностей, но с другой — добавит самоуверенности (хоть кажется, куда уж больше!), окончательно похоронит потребность спросить чьего-то совета, поработать над ошибками.

Внимания к окружающим наличие истероидности, как вы понимаете, коллеги, не добавит. В характере станет больше эгоцентризма, появится желание получить высокую оценку своих заслуг (со склонностью, кстати, приписывать заслуги коллектива одному себе). В голову будут приходить мысли о собственной исключительности, особой миссии, общественно-историческом значении. Обострится честолюбие и стремление к карьерному росту.

Так же, как тревожность, субдоминирующая истероидность пробивает брешь в непоколебимом упрямстве параноика — появится возможность уговорить обследуемого изменить первоначальный замысел (или хотя бы отложить на время его осуществление), апеллируя к общественному мнению (дескать, «народ не поймет» и т. п.).

Обратите внимание, что сочетание паранояльно-истероидное (3, 1) не то же самое, что истероидно-паранояльное (1, 3).

В первом случае проявляется склонность демонстрировать, выдвигать на первый план собственные реальные, подчас весьма ценные и значительные, достижения, расширять круг единомышленников, слегка преувеличивая и приукрашивая перспективы для придания дополнительной привлекательности замыслу.

Направленность личности остается, если можно так выразиться, социоцентрической. Индивид служит обществу.

Во втором — настойчивое стремление навязать окружающим собственную персону, израсходовать потенциал паранояльного радикала на достижение сугубо эгоцентрических целей.

Обладатель истероидно-паранояльного сочетания решает истероидную задачу самопрезентации средствами паранояльного радикала — реальными достижениями. Но эти достижения имеют для него значение постольку и до тех пор, пока связаны с его именем.

Перефразируя знаменитое изречение Станиславского, первые «любят искусство в себе», а вторые — «себя в искусстве».

Возьмем еще один пример. Оставив в доминирующей позиции паранояльный радикал (для большей наглядности) дополним сочетание шизоидным радикалом — 3, 5.

Классический стиль оформления внешности останется на первом плане. К нему добавится, например, цветовая эклектика (аляповатый галстук, несуразно раскрашенная жилетка и т. п.), некоторая неряшливость, неаккуратность. Обитаемое пространство будет заполнено предметами, имеющими непосредственное отношение к любимому делу, в беспорядке разбросанными. Двигательная активность, отражающая желание трудиться без усталости, спорить, поучать и т. д., приобретет заметную угловатость, резкость, неловкость.

Стремление к социально значимому, производительному труду, к реальным его результатам останется, но пути их достижения утратят строгую логичность, рациональность, появится склонность неоправданно усложнять ситуацию, не всегда четко видеть цель, пытаться решить две взаимоисключающие задачи одновременно. Пострадает планирование, отчасти из-за описанного только что несовершенного целеполагания, отчасти — по причине своеобразного и не всегда предсказуемого процесса принятия решений обследуемым (упрямо отстаивая свою точку зрения, он может вдруг, без видимого повода, изменить ее на диаметрально противоположную).

В связи с этим, меньше взаимопонимания будет в коллективе. В работе появятся рывки, перебои, конфликты из-за противоречивой информации, поступающей к исполнителям. Хотя, несмотря на это, общая задача для всех будет достаточно ясной, а цель — достижимой, вполне реалистичной (чего нельзя сказать о сочетании 5, 3 — шизоидно-паранояльном, при котором усилия будут направлены на воплощение странных, несуразных, с ортодоксальной точки зрения, замыслов).

Шизоидность привносит в характер творческое начало. Следовательно, здесь так же, как и в предыдущих примерах, можно ожидать некоторых колебаний обследуемого (при всей его паранояльности) по поводу нерушимости собственных намерений.

Однако если тревожность и истероидность указывали на наличие определенных рычагов для сознательного влияния на поведение, то в данном случае подобная возможность не просматривается. Прогнозировать поступки обследуемого можно, лишь опираясь на ведущую паранояльную тенденцию (в конце концов, усложняя, путая, но он все же придет к намеченному результату). Шизоидность в этом сочетании четко дает понять одно: если при решении задачи строгое соблюдение технологии принципиально важно для получения конечного результата, то справиться с ней обследуемый не сможет.

Надеюсь, коллеги, ход рассуждений вам понятен и вы теперь способны самостоятельно воспроизвести его, анализируя любые сочетания.

Давать психодиагностическую оценку сочетаниям трех радикалов ненамного сложнее. Описание совместного проявления (взаимовлияния) двух первых радикалов дополняется и корректируется с учетом свойств, присущих тре-

тьему, — только и всего. Данный подход применим и к трактовке всего психологического профиля целиком.*

**Для самопроверки, когда психологический профиль (вчерне) уже построен, автор рекомендует воспользоваться приемом «попарного сопоставления радикалов». Допустим, профиль выглядит как 1, 3, 2, 4. Сопоставим первую пару радикалов: 1 и 3. Иными словами, ответим на вопрос (привлекая всю известную нам информацию об обследуемом): мы имеем дело с истероидно-паранояльным сочетанием или с паранояльно-истероидным (различия между ними обсуждаются в тексте главы)? Если обследуемый ведет себя как обладатель истероидно-паранояльного профиля, значит, наша первоначальная психодиагностическая гипотеза верна и можно двигаться дальше — обсуждать следующую пару радикалов — 3 и 2: паранояльно-эпилептоидное или эпилептоидно-паранояльное (в первом случае речь идет о человеке, планомерно идущем к преобразовательной цели, во втором — об упорно создающем упорядоченную систему взаимоотношений)? Если же гипотеза дала сбой с самого начала, и мы обнаружили превосходство паранояльного радикала над истероидным (3, 1, а не 1, 3), то следующим шагом будет сопоставление радикалов 1 и 2 (агрессивная самопрезентация или рекламируемая агрессия?). И так до тех пор, пока все радикалы профиля не будут сопоставлены, и не выстроится реальная, обоснованная их последовательность. При таком сопоставлении возможна ситуация, когда радикал, первоначально поставленный в середину профиля, после попарного обсуждения всех радикалов выйдет на доминирующую позицию.*

Попробуем теперь, вооруженные знанием этой, в общем-то, нехитрой технологии, описать психологический профиль Екатерины Дмитриевны Булавиной (см. главу 9) — 1, 4, 5, 6, 2:

«Обследуемая (так, по правилам, строго будем называть мы Екатерину Дмитриевну) характеризуется невысокой, неустойчивой работоспособностью, которая несколько повышается, если к решаемой задаче приковано внимание окружающих и/или ожидается широкое общественное обсуждение ее результатов.

Лучше всего ей удастся гуманитарная деятельность, осуществляемая непосредственно в социальной среде, но, при

этом, не предполагающая тесного неформального общения и активного двустороннего обмена эмоциями и доверительной информацией.

Она предпочитает, не афишируя этого, находиться на некотором психологическом расстоянии от других людей, «держать дистанцию». Будучи человеком довольно уживчивым, с мягкими манерами, нетребовательным, она, тем не менее, вырабатывает — не столько для других, сколько для себя — некие правила построения взаимоотношений с окружающими, критерии оценки их поведения. Если, по той или иной причине, эти правила и требования нарушаются людьми, входящими в круг ее общения, обследуемая старается более или менее деликатно отдалиться от них. При этом «отдаление» происходит не столько в физическом (общение как таковое, как правило, не прекращается), сколько в психологическом смысле.

В обследуемой отсутствуют целеустремленность, настойчивость, нет осознания своего, сколько-нибудь определенного, социального предназначения. В рамках деятельности, отвечающей вышеназванным условиям, некая ситуационно обусловленная цель, разумеется, возникает. Но при столкновении с препятствиями, которые, с точки зрения обследуемой, невозможно обойти, ее работоспособность снижается, и цель постепенно теряет субъективную привлекательность.

Впрочем, благодаря гибкости, изобретательности и оригинальности ума, достаточно развитой чувствительности к нюансам межличностных отношений обследуемая способна имитировать любую, в том числе не свойственную ее характеру деятельность на этапе декларирования намерений, обсуждения перспектив, осуществления первоначальных действий.

Однако, по мере востребованности конкретного осязаемого продукта, сопряженные с этим обязанности становятся для нее все более тягостными. В конце концов, после нравственных

колебаний, ведущих к самооправданию, она отказывается от выполнения принятых на себя обязательств.

Попытки тем или иным способом принудить ее к дальнейшему приложению усилий, к выполнению долга приведут лишь к более энергичному — с ее стороны — и, одновременно, более грубому и прямолинейному уходу из ситуации.

Отсутствие реальных достижений обследуемая склонна отрицать, игнорировать, пытаясь уверить себя, прежде всего, и других людей в обратном, создать иллюзию успеха и благополучия. В тех случаях, когда ошибки и потери все же, несмотря на все ее усилия, становятся очевидными, настроение обследуемой заметно снижается. Она перестает сопротивляться внешним обстоятельствам и погружается в своеобразные, мало понятные окружающим внутренние переживания с непредсказуемым исходом.

В повседневной жизни довольно общительна, любит быть на виду, в центре благожелательного внимания. Обладая развитыми коммуникативными навыками, легко формирует круг широких, поверхностных контактов. Эмоциональна, способна к сочувствию, однако, даже в отношениях с близкими людьми не может преодолеть отчетливого эгоцентризма.

Сосредоточена, в основном, на собственных, эгоистических интересах. Не лишена любопытства, но по-настоящему интересуется происходящим в той лишь степени, в какой оно затрагивает ее личность. Высокая культура поведения, с одной стороны, и оптимистическое, по большей части, отношение к жизни, с другой, позволяют ей быть хорошо, доброжелательно воспринятым членом общества, производить благоприятное впечатление на окружающих.

Однако, в ситуациях субъективно сложных (см. выше) она вместе с самообладанием теряет и чувство эмоциональной зависимости от людей, нравственной ответственности перед ними.

Обнаруживает нетерпимость, грубость, бестактность, безразличие, холодность.

Дело усугубляется еще и тем, что редкие попытки обследуемой выразить свое истинное душевное состояние, объяснить мотивы собственного поведения наталкиваются на непонимание из-за их неоправданной, по мнению большинства окружающих, усложненности, вычурности, отсутствия очевидной логической связи с реальным значением происходящего».

Давайте, коллеги, переведем дух. Разумеется, о стилистике поведения Екатерины Дмитриевны Булавиной можно было бы сказать еще многое, но свою миссию на этом этапе автор считает выполненной.

Автор полагает, что ему удалось познакомить вас с тем, что является результатом психодиагностики характера — с психологическим портретом.

Психологический портрет индивидуума — это систематизированное описание стиля его поведения (включая деятельность и общение) в социальной среде, сделанное — подчеркнем — литературным, доступным для всеобщего понимания языком.*

** Иными словами, употребление в тексте психологического портрета терминов «истероидный», «шизоидный» и т. п. недопустимо. Эти понятия должны быть, по возможности, изложены общедоступно. Даже использование автором в приведенном выше психологическом портрете слов и словосочетаний «эгоцентризм», «коммуникативные навыки» и т. д. с этой точки зрения спорно.*

Таким образом, разработка психологического профиля является первым этапом создания психологического портрета. Собственно портрет является результатом реконструкции профиля, на «скелет» которого словно бы наращивается «мясо»

психологических качеств, свойственных каждому входящему в него радикалу. Нечто подобное проделывал знаменитый анатом профессор Герасимов, реконструируя лица исторических деятелей по их сохранившимся черепам.

Структура психологического портрета состоит из постоянной (облигатной) и переменной (факультативной) подструктур.

Постоянным в психологическом портрете, как правило, является описание, как было продемонстрировано выше, особенностей деятельности и общения: работоспособности, склонности к различным видам деятельности, условий, влияющих на ее эффективность, отношения к людям, коммуникационной культуры, реагирования на субъективно сложные ситуации и т. д.

В зависимости от реальной психодиагностической задачи к этому могут добавляться ответы на те или иные конкретные вопросы.

На сегодняшнем российском рынке труда, как показывают социологические исследования, из профессий, базирующихся на практической психологии, наиболее востребованы три: психолог-менеджер по персоналу, психолог-консультант т. н. «очень значительных персон» и психолог-психотерапевт (точнее, психокорректор).

Соответственно, в психологические портреты, являющиеся базовой продукцией, производимой психологами-практиками, чаще всего бывает включена оценка индивидуальных особенностей обследуемого с точки зрения перспектив его профессиональной пригодности (облегчения или, наоборот, усложнения адаптации к обсуждаемой профессиональной деятельности, участку труда), обучения, ротации «по горизонтали» и/или «по вертикали», мотивации к труду.

В работе с VIP-ами особое значение приобретает формирование привлекательного имиджа. А это отнюдь не просто. Чтобы созданный профессионалами выигрышный, запоминающийся образ внешности и поведения известной

личности не только достиг некой сиюминутной цели, но и закрепился, способствуя дальнейшему ее продвижению «через тернии — к звездам», необходимо, чтобы его прочной основой были реальные, а не выдуманные качества характера. Носить чужое лицо — слишком утомительное, затратное занятие.

Другое дело — объективно познать индивидуальность и, используя ее сильные стороны, построить на их фундаменте красивое светлое здание обновленной личности, раскрепостив, тем самым, внутренние возможности для дальнейшего социального роста. Иными словами, не посадить человека «в чужие сани», в которых долго не усидишь, а смастерить ему свои — легкие, удобные, прочные, быстрые... Там, где психолог сотрудничает с имиджмейкером (или сам является таковым), в психологическом портрете появляется раздел, в котором данная задача подробно обсуждается.

Психологу, специализирующемуся на психокоррекционной работе, важно знать, какие качества характера человека, обратившегося к нему за помощью, почему и на каком жизненном этапе стали вдруг препятствовать поступательному развитию личности.

С точки зрения автора, понятие «конфликтная личность» применительно к психически здоровому человеку — нонсенс.

Надеюсь, в процессе обсуждения радикалов автору удалось убедить вас, уважаемые коллеги, в том, что ни одна из тенденций не наделена абсолютным «отрицательным зарядом» (иначе она просто была бы уничтожена эволюционным процессом, удалена из социума).

Конфликт возникает в тех случаях, когда индивид оказывается погруженным в социальную ситуацию, настолько неадекватную его характерологическим особенностям, что это негативно сказывается на самом процессе социализации.

Поведение в конфликте, индивидуально окрашенное (демонстративное, brutальное, пугливое, тоскливо-обреченное,

противоборствующее и т. д.) за счет присущих человеку поведенческих качеств, является протестом на эту неадекватность. Понять, в чем именно она заключается и что нужно сделать, чтобы помочь страдающему человеку, чтобы превратить его протестный потенциал в преобразовательный — главная задача психолога. Обсуждение путей и способов ее решения в подобных случаях обогащает психологический портрет.

Перечисленными вариантами, конечно, не исчерпывается многообразие содержания факультативной подструктуры психологического портрета.*

** Можно, к примеру, задаться вопросом: мог ли студент Родион Раскольников убить старуху-процентщицу? Если да, то применил бы он для этих целей топор? И тут же — в рамках психологического портрета — ответить: «Да, мог. Именно топором. Им, шизоидам, иначе нельзя. Попал в затруднительное материальное положение, долго думал, придумал — убью старушку. Оптимальный выход! Взял топор — идешь по улице, всем видно, что именно несешь; доставать неудобно, крови много, крику еще больше... С шизоидной точки зрения — идеальное орудие убийства».*

Однако, как сказал Козьма Прутков, нельзя объять необъятного. Научитесь, уважаемые коллеги, составлять психологические портреты, возьметесь за решение реальных вопросов практической психологии, и жизнь не замедлит обогатить вас профессиональной эрудицией и опытом.

Полагаю, что уважаемых читателей интересует вопрос составления не только психологического портрета, но и автопортрета. Конечно, узнав кое-что о структуре и особенностях характера, логично спросить: «А кто же я по этой классификации? Из каких радикалов состоит мой собственный характер? В какой последовательности они представлены во мне?» Ответить можно, только объективно и честно оценив свое поведение. Какова его ведущая цель? Цель, отказаться от которой невозможно ни при каких обстоятельствах?

Если все, что делает в своей жизни человек, например, направлено на его самопрезентацию — создание благоприятного, выигрышного имиджа в глазах окружающих, значит ведущий (доминирующий) радикал в его психологическом профиле... Какой? Верно — истероидный! Все остальные качества, которые находит в себе этот человек, подчинены истероидности. Они играют роль ресурсов, вспомогательного материала, технологического обеспечения ведущего радикала.

Так, паранояльность делает самопрезентацию настойчивой до упрямства (я — лучше всех и докажу это!) и, кроме того, позволяет укреплять свое реноме реальными достижениями. При этом, однако, ценность собственных достижений для человека с таким складом характера теряется, как только они перестают работать на самопрезентацию.

К примеру, писатель с истероидно-паранояльным психологическим профилем гордится своим произведением, посвященным некоему «вождю», поскольку за него он получает высокие звания и премии. Как только этот «вождь» ниспровергается другими и общественное мнение диаметрально меняется, писатель старается забыть и о произведении, и о премиях, и досадует, если ему про них напоминают. Нет, ему не страшно. Просто указание на авторство утратившего актуальность опуса наносит ущерб самопрезентации в сегодняшних условиях. То, что вчера было для него престижно, сегодня — стыдно.

Эпилептоидность сообщает самопрезентации планомерность, организованность, технологичность, функциональность. Сочетание в характере истероидности и эпилептоидности приводит человека в профессию, где основным профессионально важным качеством является создание и поддержание собственного имиджа, склонность к ролевому перевоплощению. В трудной ситуации, когда внимание публики ослабевает, обладатель этих радикалов способен обратить на себя внимание с помощью агрессии, прибегнув к эпатажу, жестоким выходкам, скандалам и т. п.

Гипертимность заставляет осуществлять самопрезентацию в веселых компаниях, в целом, в процессе общения. При этом сочетании радикалов человек обращает на себя внимание анекдотами, шутками, оптимистическими экспромтами, слывет хохмачем и заводилой на общественных праздниках, в застольях...

Шизоидность заключает в себе творческий ресурс самопрезентации. Без шизоидности в характере любая самопрезентация обречена на шаблонность, вторичность, отсутствие оригинальной «изюминки».

Эмотивность гармонизирует самопрезентацию, делает ее красивой и ненавязчивой.

Тревожность сдерживает аппетиты истероида, заставляет его быть осмотрительным, осторожным, выбирать — на кого производить выигрышное впечатление, а от кого — и спрятаться в «фон».

Примерно, так. Чтобы правильно поставить психологический «диагноз» как себе самому, так и любому из окружающих, надо хорошо знать основную — целевую — составляющую каждого радикала. Мы об этом подробно говорили выше.

Коротко напомним:

истероидный радикал определяет стремление, прежде всего, к самопрезентации;

эпилептоидный — к созданию четко структурированного пространства для жизни и работы, в котором исключены непредвиденные информационные потоки (лишние предметы и неуправляемые люди);

паранояльный — к реальному результату преобразовательной активности («нужно мир сначала переделать!»);

ЭМОТИВНЫЙ — к красоте и гармонии, к альтруизму (пример человека с доминирующим эмотивным радикалом — Мать Тереза);

ШИЗОИДНЫЙ — к разрушению устоявшихся и поиску оригинальных, принципиально новых технологий поведения (деятельности, коммуникаций);

ГИПЕРТИМНЫЙ — к устранению условностей и объективно необязательных запретов в сфере коммуникации, к расширению и демократизации круга общения;

ТРЕВОЖНЫЙ — к сопротивлению новизне, консервации привычных жизненных условий.

Если человек тратит свои силы, время, интеллект (который, с этой точки зрения, также является вспомогательным ресурсом характера) на достижение одной из перечисленных выше целей, то соответствующий этой цели радикал и будет доминирующим в профиле.

Разумеется, чем более отчетливо выражено подобное доминирование, тем легче поставить «психологический диагноз». При значительной выраженности одновременно нескольких радикалов затруднение с разработкой психологического профиля испытает и опытный диагност.

Но, в любом случае, не следует опускать руки. Секрет успеха, как и везде, во внимательном отношении к предмету — нужно вглядываться в человека, изучать его поведение во всех деталях, собирать как можно больше психодиагностически значимой информации, учиться применять методику попарного сравнения радикалов (см. выше) — и успех непременно придет. Чего автор всем искренне желает.

А теперь позвольте автору последовать совету вышеупомянутого почитаемого всеми философа. «Если у тебя есть фонтан, — сказал он, — заткни его!».

Обсуждавшаяся нами на протяжении десяти глав тема визуальной (нетестовой) диагностики характера с элементами прогнозирования и управления поведением завершена.

Поверьте, автор рассказал практически все, что знал сам. Методика, предложенная автором, исчерпана. Остальное зависит от ваших собственных усилий, желания овладеть ею, целеустремленности, азарта, интереса к людям. Дерзайте!

Как говорил один из тех, кто брался учить автора профессии и вообще уму-разуму (человек глубокий, интересный, но, к сожалению, весьма косноязычный): «Я хотел вас зажечь!».

Вопросы и задания

1. Дайте определение понятия «психологический портрет». Из каких подструктур он состоит? Приведите примеры.

2. Опишите общедоступным литературным языком основные особенности деятельности и общения, присущие индивидам, чьи психологические профили включают в себя следующие сочетания: 1, 6; 2, 7; 2, 5; 1, 5, 6.

3. Разверните (реконструируйте) психологический профиль вашего знакомого (-ых), который автор ранее просил вас построить, в психологический портрет.

Представьте, что вы решаете в отношении этого человека задачу профессиональной ориентации (трудоустройства). К профессиям какого рода его адаптация могла бы пройти наиболее успешно? Какие профессии ему «противопоказаны»? Почему?

Обсудите это в факультативной части разрабатываемого психологического портрета.

4. Разработайте психологический портрет Даши Булавиной. Попробуйте ответить на вопрос, в чем внутренние, основанные на особенностях характера, причины ее метаний, психологической неустроенности, ее «хождения по мукам».

5. Разработайте психологические портреты ваших любимых литературных героев. Поэкспериментируйте с ними, встав на позиции специалиста по профессиональному психологическому отбору, имиджмейкера, консультанта, приглашенного для решения их психологических проблем.

6. Потренировавшись «на кошках», беритесь за решение реальных задач (только будьте крайне осторожны, бережны по отношению к людям, не торопитесь оглашать ваши выводы и прозрения — не навредите!).

Об авторе

Пономаренко Виктор Викторович — врач-психиатр, психолог, в недавнем прошлом управленец в сфере организации здравоохранения. Закончил 2-й Московский медицинский институт им. Н.И.Пирогова, Российский государственный социальный институт и Российскую академию государственной службы (РАГС) при Президенте РФ. Имеет более чем 18-летний опыт научных исследований и практики в различных отраслях психологии. Автор около 40 публикаций по тематике прикладной психологии, а также

ряда оригинальных методик, которые были с успехом использованы, в том числе в целях раскрытия значительного числа преступлений, имевших большой общественный резонанс. Один из немногих специалистов-практиков, удостоенных за свою работу нескольких государственных наград. Преподает в РАГС при Президенте РФ, ведет курс практической психологии в Институте бизнеса и делового администрирования (ИБДА) Академии народного хозяйства при Правительстве РФ. Руководит собственной консалтинговой фирмой «Линтер».